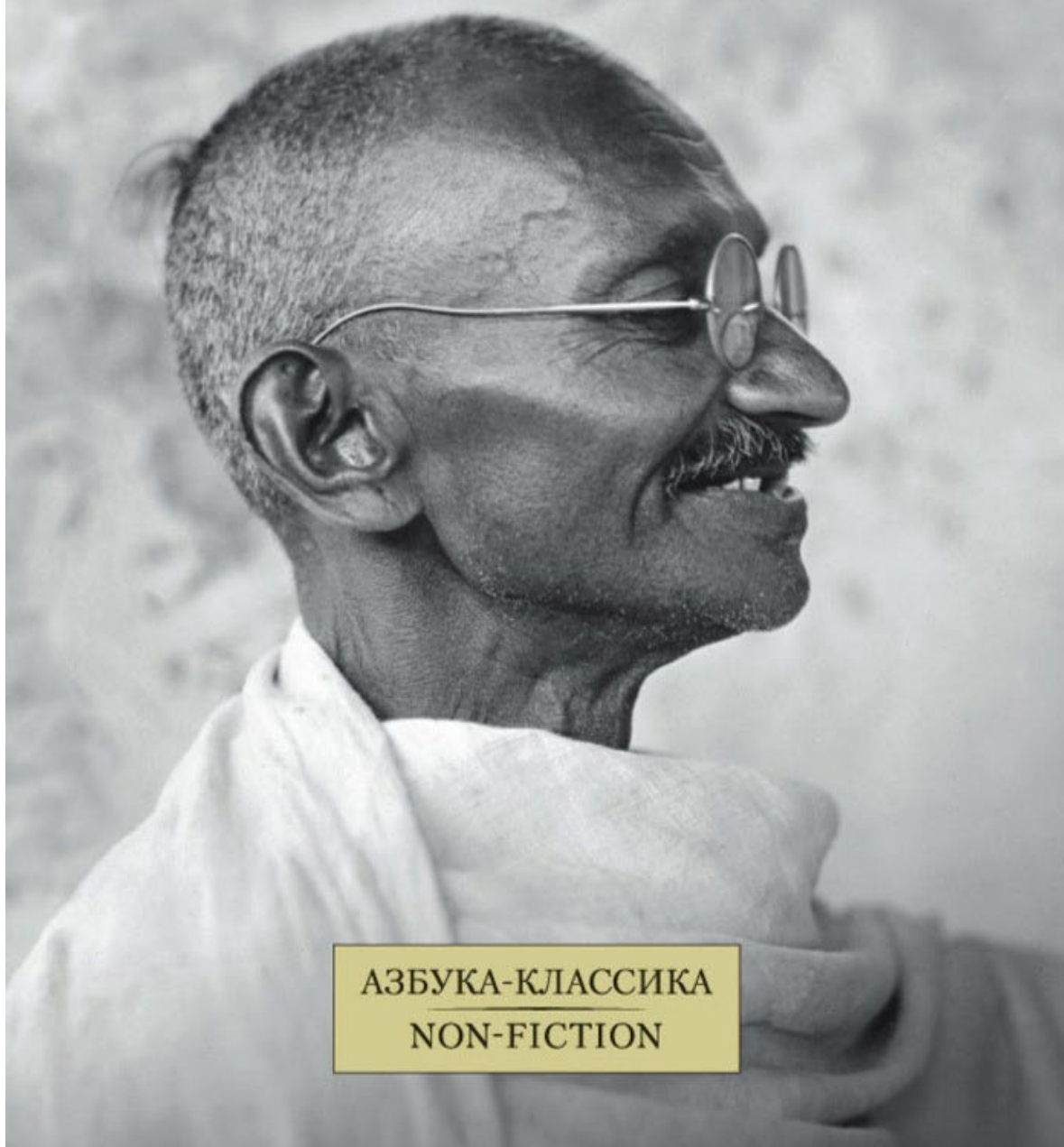

МАХАТМА
ГАНДИ

Моя вера

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел первый. ЧТО Я ПОНИМАЮ ПОД ВЕРОЙ.....	5
1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРЫ.....	5
2. МОРАЛЬ — ГЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИИ.....	5
Раздел второй. ДУХОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ МОЕЙ ВЕРЫ.....	6
3. ВСЕ РЕЛИГИИ ПРИВОДЯТ К БОГУ.....	6
4. МОЕ ОТНОШЕНИЕ К СВЯЩЕННЫМ ПИСАНИЯМ ДРУГИХ РЕЛИГИЙ.....	7
5. ЛИЧНАЯ РЕЛИГИЯ.....	9
6. ХРИСТИАНСТВО.....	10
7. БУДДИЗМ.....	11
8. ИСЛАМ.....	11
9. ТЕОСОФИЯ.....	12
10. СПИРИТИЗМ.....	12
11. ЗАБЛУЖДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ «ВЫСШИХ» И «НИЗШИХ» РЕЛИГИЙ.....	12
12. ОБРАЩЕНИЕ В ДРУГУЮ ВЕРУ.....	14
13. ЛУЧШИЙ СПОСОБ.....	15
Раздел третий. МОЯ ВЕРА В БОГА.....	15
14. БОГ СУЩЕСТВУЕТ.....	15
15. ПРИРОДА БОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛА.....	18
16. МОЙ ОПЫТ ПОЗНАНИЯ БОГА.....	21
17. ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС.....	23
Раздел четвёртый. В ЧЕМ ВОПЛОЩАЕТСЯ МОЯ РЕЛИГИЯ.....	25
18. РЕЛИГИЯ ЛЮБВИ.....	25
19. ЛЮБОВЬ, ВОПЛОЩАЮЩАЯСЯ В ЖЕРТВЕННОМ СЛУЖЕНИИ.....	26
20. ЛЮБОВЬ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ.....	31
21. ЛЮБОВЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖИВОТНОМУ ЦАРСТВУ.....	43
Раздел пятый. В ПОМОЩЬ ТОМУ, КТО ИСПОВЕДУЕТ МОЮ РЕЛИГИЮ.....	49
22. ПОСТ И МОЛИТВА.....	49
23. ОБЕТЫ, ПРИНОСИМЫЕ В АШРАМЕ.....	60
А. Истина.....	60
В. Ахимса, или любовь.....	62
С. Брахмачария.....	63
D. Нестяжание, или бедность.....	70
Е. Неприсвоение чужого.....	71
Раздел шестой. ЦЕЛИ МОЕЙ РЕЛИГИИ.....	72

24. РЕЛИГИЯ ДОЛЖНА ПРОНИЗЫВАТЬ ВСЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ	72
25. В ОБЩЕСТВЕННОЙ СФЕРЕ.....	73
Равенство людей.....	73
Индивидуализм и социальная ответственность	74
26. В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	74
Любовь должна стать основанием экономики.....	74
Экономика справедливости.....	75
Экономическое равенство	76
Ненасильственная экономическая структура	77
Цель — всеобщее благо.....	78
27. В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ	78
Свобода через любовь.....	78
Нет необходимости в слишком мощном государстве.....	79
Ненасильственная политическая структура	79
Национализм и интернационализм	80
Раздел седьмой. МОЙ ИНДУИЗМ.....	81
28. СУТЬ ЕГО — ПОЛНОЕ САМООТРЕЧЕНИЕ И ПОЛНАЯ ПРЕДАННОСТЬ ВЕРЕ	81
29. БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ И ПОЧИТАНИЕ ОБРАЗОВ	84
Богослужение в храме.....	86
30. ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВА.....	88
31. ВАРНА И КАСТА.....	89
Закон варны	89
Беседа Ганди с американским священником	91
Каста и класс.....	92
32. НЕПРИКАСАЕМОСТЬ	93
33. ЗАЩИТА КОРОВ	94
35. ЧТО Я ЦЕНЮ В ИНДУИЗМЕ.....	96
Санатана-дхарма.....	98
Индуизм растёт и ширится	99
35. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	101
Глоссарий.....	102

«Возможно, грядущие поколения просто не поверят, что такой человек из обычной плоти и крови ходил по этой грешной земле» (А. Эйнштейн)

УДК 821.111

ББК 84(5Инд) Г 19

Ганди

Моя вера

Перевод с английского В. Ахтырской

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

© В.Ахтырская, перевод, 2016 © Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2016 **ISBN 978-5-389-11813-3**
Издательство АЗБУКА®

Ключевые работы Махатмы Ганди,
а также материалы о развитии местных сообществ,
кооперации, публичной политике —
на форуме социального организатора:
Soorganizator.ru

Раздел первый. ЧТО Я ПОНИМАЮ ПОД ВЕРОЙ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРЫ

Под верой я понимаю не формальную принадлежность к той или иной религии и не совокупность религиозных обрядов, но то начало, что объединяет все религии и позволяет воочию узреть Творца.

Совершая любые поступки, мы должны быть движимы верой. В данном случае вера не означает сектантство. Она предполагает представление о том, что вселенная зиждется на некоем благом нравственном принципе. Он не делается менее реальным от того, что невидим. Эта вера превосходит индуизм, ислам, христианство и т.д., но не отменяет их. Она лишь гармонизирует их и воплощает в жизнь.

Позвольте мне пояснить, что я понимаю под верой. Это не индуизм, который я, конечно, ценю выше всех иных религий, но религия, превосходящая индуизм, меняющая человеческую природу, нерасторжимо соединяющая человека с истиной и очищающая душу. Это вечный элемент человеческой природы, он стремится выразить себя любой ценой, он не даёт душе покоя до тех пор, пока не обретёт себя, не познает своего Создателя и не увидит в себе Его образ.

Никто не в силах прожить без веры. Есть те, кто, упиваясь собственным рационализмом, заявляют, что и знать не хотят о вере. Однако они подобны тем, кто говорят, что дышат, но утверждают, будто бы лишены носа. Руководимые разумом, или инстинктом, или суеверием, все люди в той или иной форме признают существование Божественного начала. Отъявленный агностик или атеист готов согласиться с тем, что человеку необходим некий моральный принцип, и связывает добро с его соблюдением, а зло — с нарушением. Брэдло, всем известный атеист, никогда не скрывал своих глубоких убеждений. Он подвергался насмешкам, оскорблениям и издевательствам, ибо открыто говорил то, что считал правдой, однако наслаждался этим и уверял, что правда сама по себе есть вознаграждение. Поэтому нельзя сказать, что он не ощущал радости, которую доставляет следование истине. Однако радость эта вовсе не мирская, а проистекает от соприкосновения с Божественным началом. Потому-то я и сказал, что даже человек, отрицающий веру, не может прожить и не живёт без неё.

2. МОРАЛЬ — ГЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИИ

Я отвергаю любую религиозную доктрину, не апеллирующую к разуму и противоречащую нравственности. Однако я готов признать религиозные чувства, не основанные на разуме, если они не аморальны.

Утратив нравственные основы, мы тотчас теряем и веру. Не существует такого феномена, как религия, отрицающая нравственность. Например, человек не может быть лживым, жестоким и невоздержанным и при этом уверять, что верит в Бога.

Религия, не обращающая внимания на повседневные проблемы и не помогающая решить их, — это не религия.

Всякое деяние человека верующего должно быть следствием его веры, ведь вера означает неразрывную связь с Богом, иными словами, во власти Бога — каждый вздох верующего.

Раздел второй. ДУХОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ МОЕЙ ВЕРЫ

3. ВСЕ РЕЛИГИИ ПРИВОДЯТ К БОГУ

Мой индуизм инстинктивно подсказывает мне, что все религии более или менее истинны. Все они исходят от одного Бога, но несовершенны, так как пришли к нам через посредство несовершенного человеческого начала.

Религии — это различные дороги, приводящие к одной и той же цели. Поэтому так ли важно, какую из этих дорог мы выберем, если всё равно придём, куда стремимся? В действительности существует столько же религий, сколько индивидов.

Теоретически, поскольку существует один Бог, может существовать всего одна вера. Однако на практике я не встречал хотя бы двух одинаковых представлений о Боге. Следовательно, в мире всегда будут бытовать разные религии, соответствующие различным темпераментам и климатическим условиям.

Я не разделяю мнения, что на земле может восторжествовать и когда-нибудь восторжествует одна вера. Поэтому-то я и пытаюсь найти во всех религиях некое общее начало и воспитать в людях терпимость друг к другу.

Мне не очень нравится понятие «терпимость», но я не могу подобрать слово точнее. Бывает, что терпимость без всяких причин ставит остальные религии ниже, чем свою, тогда как ахимса воспитывает в нас такое же уважение ко всем религиям, какое мы испытываем к собственной, и тем самым заставляет признать несовершенство последней. Взыскующий истины, следующий закону любви, с лёгкостью согласится с этим. Узрев абсолютную истину, мы перестанем быть всего лишь взыскующими, но сольёмся с Богом, ибо истина — это Бог. Но, оставаясь всего лишь взыскующими истины, мы стремимся к своей цели и осознаем собственное несовершенство. А если сами мы несовершенны, то

религия, как мы её понимаем, также не может быть совершенной. Мы не постигли религию во всём её совершенстве, подобно тому как не постигли Бога. Соответственно, религия, как мы её понимаем, неидеальна, переживает процесс эволюции и может быть истолкована абсолютно по-разному. Только подобная эволюция позволяет нам хоть сколько-то приблизиться к истине и к Богу. А если принять, что все человеческие религии неидеальны, то вопрос об их соотносительной ценности даже не возникнет. В основе всех религий — откровение истины, но все они несовершенны и склонны заблуждаться. Благоговей перед собственной верой, мы не должны закрывать глаза на её недостатки. Нам следует отчётливо осознавать ошибки и заблуждения собственной религии, ни в коем случае не закрывать на них глаза, а стараться исправить. Беспристрастно глядя на все религии, мы не только не помедлим, но, напротив, сочтём своим долгом перенять любые достойные черты иных верований и сделаем их неотъемлемой составляющей своей собственной веры.

Подобно дереву, имеющему один ствол, но множество ветвей и листьев, существует лишь одна истинная и совершенная религия, но через посредство человеческого начала она обращается во множество. Эту одну религию, истинную и совершенную, невозможно облечь в слова. Одни несовершенные люди излагают её тем языком, каким владеют, а их слова истолковывают другие люди, столь же несовершенные. И чьё же истолкование тогда счесть единственно верным? Каждый по-своему прав, но нельзя исключать, что все в равной мере не правы. Поэтому-то и необходима терпимость, означающая вовсе не равнодушие к своей собственной вере, но более разумную и чистую любовь к ней. Терпимость равносильна духовному прозрению, столь же далёкому от фанатизма, сколь небо от земли. Истинное познание, вдохновлённое верой, разрушает все преграды между отдельными религиями.

Мне неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что хотя, с моей собственной точки зрения, я был прав, мои честные критики считали меня неправым. Я уверен, что каждый из нас прав по-своему, и осознание этого факта не позволяет мне приписывать своим оппонентам или критикам корыстные мотивы. Каждый из семерых слепцов, давших семь различных описаний слона, был по-своему прав, но не прав с точки зрения остальных шести и одновременно прав и не прав с точки зрения того, кто знает, как выглядит слон. Мне очень нравится доктрина множественных реальностей, научившая меня судить мусульманина с исламской точки зрения, а христианина — с христианской. Прежде я обыкновенно негодовал на невежество своих оппонентов. Сегодня я благословляю их, потому что обрёл дар смотреть на себя со стороны, глазами других, и наоборот. Я хотел бы с любовью заключить весь мир в объятия.

4. МОЕ ОТНОШЕНИЕ К СВЯЩЕННЫМ ПИСАНИЯМ ДРУГИХ РЕЛИГИЙ

Мне не пристало критиковать священные писания других религий или указывать на их заблуждения. Однако я имею честь и ставлю себе в обязанность

провозглашать те истины, которые могу в них обнаружить. Следовательно, я не имею права критиковать или осуждать те фрагменты Корана или жизнеописания Пророка, что я не в силах понять. Но я с радостью воспользуюсь любой возможностью выразить своё восхищение теми аспектами его жизни, которые могу понять и оценить. Если же говорить о том, что мне чуждо и непонятно, то я согласен смотреть на чуждое и непонятное глазами моих благочестивых друзей-мусульман и пытаться постичь его, опираясь на труды видных мусульманских толкователей ислама. Лишь так, благоговейно приближаясь к вере, отличной от моей собственной, я могу воплотить на практике принцип равенства религий. Однако моё право и мой долг — указывать на заблуждения индуизма, чтобы искоренить их и очистить мою собственную веру. Когда люди, не исповедующие индуизм, начинают критиковать его и перечислять его пороки, они зачастую выставляют напоказ своё незнание и неспособность посмотреть на индуизм глазами индуиста. Подобная позиция искажает их видение и делает их аргументы неубедительными. Таким образом, мой опыт общения с не исповедующими индуизм критиками индуизма позволяет мне осознать узость собственных взглядов и с осторожностью высказывать критику в адрес ислама и христианства и их основателей.

В ашраме мы регулярно устраиваем чтения «Бхагаватгиты» и ныне достигли такого уровня, когда прочитываем всю поэму за неделю, посвящая каждое утро чтению и обсуждению заранее выбранных глав. Кроме того, мы поём гимны, написанные различными индийскими святыми, и песнопения из христианских сборников. Теперь, когда с нами Хан Сахиб, мы также читаем вслух фрагменты из Корана. Величайшее утешение для меня — чтение «Рамаяны» Тулсидаса. Кроме того, умиротворение нисходило в мою душу от чтения Нового Завета и Корана. К этим священным книгам я не подхожу с критическим настроением. Для меня они столь же значимы, сколь и «Бхагаватгита», хотя я не всё принимаю безусловно и в Новом Завете (например, мне не всё близко в Посланиях апостола Павла), и у Тулсидаса. Поэтому для меня речь не идёт о выборе.

Я выношу суждение о любом священном писании, включая «Бхагаватгиту». Воспринимая священный текст, я не могу не полагаться на собственный разум. Хотя я считаю основные священные писания боговдохновенными, они прошли процесс «двойной возгонки». Во-первых, они были переданы нам смертным пророком, а во-вторых, прокомментированы толкователями. Поэтому ничто в них не исходит непосредственно от Бога. Матфей может дать один вариант текста, а Иоанн — другой. Разделяя идею Божественного откровения, я не могу отречься от собственного разума. А самое главное, «буква убивает, а дух животворит»^[1]. Но не поймите меня превратно. Вера для меня предполагает и проникновение в ту область, где разум бессилён.

Я не сторонник буквалистского подхода к священным текстам и потому пытаюсь постичь дух священных писаний различных религий. Каждое из этих священных писаний я подвергаю испытанию на истину и ахимсу в том виде, в каком их формулируют соответствующие религии. Я отвергаю всё, что не выдерживает этого испытания, и принимаю всё, что его проходит.

Знание не может быть прерогативой отдельного класса или группы. Однако я отдаю себе отчёт в том, что люди не могут постичь высшие или глубокие

истины без предварительного обучения, подобно тому как нельзя без достаточной подготовки дышать разрежённым воздухом гор или понять и усвоить высшую алгебру или геометрию, не зная простейших правил арифметики.

Я полагаю, что долг каждого образованного человека — читать священные писания мировых религий, преисполнившись к ним сочувствия. Чтобы уважать другие религии так, как нам бы хотелось, чтобы уважали нашу собственную, необходимо выполнить священную обязанность — сочувственно их изучать. Я с почтением погружался в изучение других религий, и это нисколько не умалило ни моей веры, ни моего благоговения перед индуизмом. Напротив, знакомство со священными писаниями других религий позволило мне глубже понять священные тексты индуизма. Оно существенно расширило моё представление о жизни. Благодаря ему я яснее понял многие тёмные места в наших священных текстах.

Позвольте мне сделать признание. Если бы я мог назвать себя христианином или мусульманином со своим собственным пониманием Библии или Корана, я бы не преминул именоваться христианином или мусульманином. С точки зрения индуиста, обозначения «христианин» и «мусульманин» — синонимы. Полагаю, в потустороннем мире не будет ни индуистов, ни христиан, ни мусульман. Все будут судимы не по формальной принадлежности к тому или иному исповеданию, но по делам своим, независимо от религии. Однако в земном мире нам не избавиться от тех или иных ярлыков. Поэтому я, как и мои предки, предпочитаю именоваться индуистом до тех пор, пока исповедание индуизма не препятствует моему внутреннему совершенствованию и не мешает мне перенимать всё доброе и благое, что можно найти в других религиях.

5. ЛИЧНАЯ РЕЛИГИЯ

Ближайшим, хотя и далеко не полным, аналогом религии в моих глазах является брак. Брак до сих пор предполагает, или по крайней мере предполагал, нерасторжимые узы. Но тем более нерасторжимые узы налагает религия. Подобно тому как муж хранит верность жене, а жена — мужу не потому, что, по их мнению, супруга или супруг превосходит всех представителей своего пола, а в силу её или его неуловимой, но неотразимой привлекательности, так и приверженец той или иной религии нерушимо хранит ей верность и испытывает полное удовлетворение от преданности ей. А подобно тому как мужу, чтобы сохранить верность жене, не нужно считать, будто прочие женщины во всём уступают ей, так и человеку, исповедующему одну религию, не нужно полагать, будто прочие религии ниже его собственной. Если продолжить эту аналогию, подобно тому, как верность супруге не заставляет забыть о её недостатках, верность религии не даёт закрыть глаза на её заблуждения. Более того, именно верность, а не слепое, безусловное следование закону требует отчётливо осознать недостатки и как можно скорее найти самое действенное средство для их устранения. При моем взгляде на религию, мне ни к чему восхвалять

достоинства индуизма. Читатель может быть уверен, что я не остался бы в лоне этой религии, если бы не осознавал её многочисленных достоинств. Однако я абсолютно убеждён, что достоинства индуизма не исключительны. Поэтому я подхожу к другим религиям не как злобный, придирчивый критик, ищущий недостатки, а как благочестивый верующий, чающий найти в других религиях те же достоинства, что свойственны его собственной, и желающий перенять всё доброе и благое, что есть в них и чего недостаёт его собственной вере.

Хотя я твёрд в своей индуистской вере, я не отвергаю ни христианства, ни ислама, ни зороастризма и готов сделать их учения частью своей религии. Поэтому мой индуизм *представляется* некоторым нагромождением разнородных элементов, а есть и те, кто прозвал меня эклектиком. Что ж, назвать человека эклектиком означает обвинить его в неверии, но моя религия весьма широка и не отвергает ни христиан, ни даже плимутских братьев^[2], ни даже самых фанатичных мусульман. Моя вера предполагает самую широкую терпимость. Я никогда не стану осуждать человека за его фанатичные деяния, ибо попытаюсь стать на его точку зрения. Именно широта моих религиозных взглядов служит мне поддержкой и опорой. Других она, может быть, и смущает, но не меня.

6. ХРИСТИАНСТВО

Новый Завет стал для меня источником утешения и бесконечной радости, особенно после чтения Ветхого Завета, ряд книг которого вызвал у меня подлинное неприятие. Если предположить, что сегодня у меня отнимут «Бхагаватгиту» и я забуду всё её содержание, но буду иметь при себе текст Нагорной проповеди, я получу от неё такое же блаженство, как и от «Бхагаватгиты».

Иисус, как никто иной, сумел выразить дух и волю Божию. Именно в этом смысле я вижу и признаю в нем Сына Божия. А поскольку жизнь Иисуса исполнена значимости и возвышенного, благочестивого совершенства, превосходящего человеческое разумение, как я уже упоминал, то я полагаю, что Он принадлежит не только христианству, но и всему миру, всем расам и народам, — независимо от того, как они себя именуют, на каком языке говорят, какую веру исповедуют и какому Богу поклоняются по заветам предков.

Однажды в Риме я видел чудную картину, изображающую Распятие. Что бы я ни отдал, чтобы вживе склонить голову перед Тем, чей образ запечатлён на ней! Я с трудом мог оторваться от созерцания величайшей трагедии, показанной на полотне. Я тотчас же осознал, что и народы, и отдельные люди обязаны своим существованием Крёстным Мукам, и ничему иному. Радость доставляет не причинение боли другому, а боль, претерпеваемая добровольно.

7. БУДДИЗМ

Я постоянно слышал и находил в трудах, посвящённых истолкованию духа буддизма, утверждения о том, что Будда-де не веровал в Бога. Осмелюсь заметить, что подобный взгляд противоречит самой сути учения Будды... Это ошибочное мнение порождено его справедливым отказом принять многочисленные мерзости, творившиеся в его эпоху во имя Бога. Несомненно, он отвергал представление о том, что Божественная сущность может быть исполнена злобы, может раскаиваться в совершенных деяниях и, подобно земным владыкам, может поддаваться искушениям, принимать мзду и покровительствовать фаворитам. Душу Будды охватывало негодование при мысли о том, что Божественная сущность может требовать для своего умиловливания жертвоприношения животных, которых сама же и создала. Поэтому Будда восстановил в правах и вновь возвёл на белый престол истинного Бога, низвергнув узурпатора, лишь временно наслаждавшегося властью. Будда неустанно подчёркивал, что в основе мироздания лежит вечное и неизменное нравственное начало. Он без промедления утверждал, что этот нравственный закон есть Сам Бог.

Божьи законы вечны, неизменны и неотделимы от Него. Они есть неотъемлемое условие Его совершенства. Отсюда и родилось заблуждение, что Будда якобы веровал не в Бога, а лишь в нравственный закон, лежащий в основе вселенной, а уже ложное мнение, что Будда якобы отрицал существование Бога, породило ошибочный взгляд на великое понятие «нирвана». Нирвана отнюдь не предполагает полного уничтожения. Насколько я понимаю суть учения Будды, нирвана означает гибель всего, что есть в нас греховного и порочного, развратного и продажного. Нирвана — это не крошечная пустота могилы, а живой покой, живое блаженство души, осознающей себя саму, обретшей приют в сердце Вечности.

8. ИСЛАМ

Я действительно считаю ислам религией мира; в этом смысле он подобен христианству, буддизму и индуизму. Хотя и в разной степени, все эти религии, без сомнения, стремятся к миру — такова их общая цель. Я не раз высказывал мнение, что мусульмане со слишком большой горячностью берутся за меч. Однако подобному поведению никак не учит Коран. На мой взгляд, виной тому — обстановка, в которой зарождался ислам. Христианство запятнало себя кровавыми деяниями не потому, что к ним призывал Иисус, а потому, что распространялось оно в атмосфере, невосприимчивой к Его возвышенному учению.

9. ТЕОСОФИЯ

Я никогда не состоял членом Теософского общества, однако всегда разделял устремления теософов, призывавших к всемирному братству и, как следствие, к терпимости. Я многим обязан своим друзьям-теософам, их у меня немало. Как бы ни осуждали мадам Блаватскую, полковника Олкотта^[3] и доктора Безант, они внесли немалый вклад в распространение человеколюбия и гуманности. Однако я не присоединился к их обществу, поскольку не принимал тайную сторону их занятий, то есть оккультизм. Меня он всегда отталкивал.

10. СПИРИТИЗМ

Я никогда не получал посланий от духов умерших. С другой стороны, у меня нет убедительных доказательств того, что общение с духами невозможно. Однако я решительно осуждаю практику спиритических сеансов, во время которых пытаются вызывать духов.

Зачастую они оборачиваются обманом легковверных или в лучшем случае игрой воображения. Спиритические сеансы наносят вред и медиуму, и самим духам, если общение с ними в принципе возможно. Подобная практика основана на привлечении духов в земной мир, тогда как все их усилия должны быть направлены на то, чтобы оторваться от земной жизни и воспарить. Если дух лишился телесного воплощения, это не означает, что он непременно очистился от земной скверны. Он уносит с собой большую часть пороков и слабостей, которым был подвержен в посюстороннем мире. Поэтому те сведения или совет, которые он может дать спиритам, не всегда верны или высоконравственны. Тот факт, что духам нравится общаться с живыми, не означает, что им следует идти навстречу. Напротив, надлежит всячески отучать их от подобных недопустимых наклонностей. Это что касается вреда, причиняемого духам.

Если же говорить о медиумах, то я совершенно точно знаю, что все медиумы, с которыми мне приходилось сталкиваться, были либо безумны, либо слабоумны, либо бессильны заниматься какой-либо осмысленной деятельностью, пока вызывали духов или были убеждены, что вызывают таковых. Не помню, чтобы хоть кто-то из моих друзей с пользой для себя участвовал в спиритических сеансах.

11. ЗАБЛУЖДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ «ВЫСШИХ» И «НИЗШИХ» РЕЛИГИЙ

Поскольку существуют различные религии, любой из них может потребоваться какой-то безошибочно узнаваемый внешний символ. Но когда подобный символ превращают в фетиш и инструмент для доказательства превосходства над прочими верованиями, от него следует отказаться.

Бог создал различные религии, подобно тому как создал их приверженцев. Могу ли я хотя бы втайне лелеять надежду, что мой сосед отвергнет свою веру, которую я считаю ниже моей собственной, и примет мою? Если я воистину друг ему, верный и благожелательный, то могу лишь молиться, чтобы он жил по заветам своей религии и совершенствовался духовно, как предписывают её законы. В доме Божьем множество обитателей, и все они святы.

Я опасаясь, что хотя мои друзья-христиане сегодня и не объявляют индуизм «ложной» религией, в глубине души они убеждены, что следовать канонам индуизма ошибочно и что христианство, как они его исповедуют, — единственно верная религия. Иначе как понять, а тем более оценить призыв Церковного миссионерского общества Англии? Можно согласиться с содержащейся в этом призыве ожесточённой критикой неприкасаемости и других пороков, запятнавших жизнь индуистов. И если бы английские христианские миссионеры помогли нам избавиться от пороков и недостатков, существование которых мы с готовностью признаем, и очистить нашу веру, они провели бы разумную созидательную работу, за которую мы были бы им чрезвычайно благодарны. Однако, насколько можно понять их нынешние усилия, они втайне стремятся искоренить индуизм и заменить его другой верой. Это напоминает попытки снести дом, который, хотя и нуждается в ремонте, кажется его обитателям вполне приличным и уютным. Неудивительно, что они с радостью приглашают к себе тех, кто показывает, как его отремонтировать, и даже предлагают сделать это сами. Однако жильцы будут из всех сил сопротивляться тем, кто попытается снести дом, веками служивший им и их предкам, если только не убедятся, что дом уже не отремонтировать и жить в нем опасно. Если христианский мир так представляет себе индуистский дом, то лозунги «Парламент религий»^[4] и «Всемирное братство религий» — пустые фразы, поскольку обе они подразумевают равный статус и общность взглядов. Но какие же взгляды могут объединять высших и низших, просвещённых и пребывающих во тьме невежества, способных к духовному совершенствованию и не подозревающих о нем, аристократов и простолюдинов, членов касты и париев? Возможно, моё сравнение неудачно и даже оскорбительно. Возможно, мои доводы лишены логики. Но вопросы всё равно остаются.

«Братство религий» должно помочь индуисту стать более совершенным индуистом, мусульманину — более совершенным мусульманином, христианину — более совершенным христианином. Именно так оно должно видеть свою цель. Снисходительная, не без пренебрежения, готовность терпеть другую веру отнюдь не в духе «Братства». Если я подозреваю, что моя религия более или менее верна, тогда как прочие более или менее заблуждаются, в таком случае, хотя я и могу ощутить к ним какие-то братские чувства, они будут в корне отличаться от тех, какими должны быть движимы члены «Братства». Вознося молитвы за других, мы должны повторять не «Господи, ниспошли им свет, что Ты ниспослал мне», а «Ниспошли ему свет и истину, что потребны ему для совершенствования». Надлежит молиться о том, чтобы наши друзья стали лучше и добрее, независимо от того, какую религию они исповедуют.

При этом ваш духовный опыт может передаваться другим даже без вашего ведома.

12. ОБРАЩЕНИЕ В ДРУГУЮ ВЕРУ

Чарльз Фрир Эндрюс. Что бы вы сказали человеку, который после долгих размышлений и молитв приходит к выводу, что не обретёт покоя и спасения души, если не обратится в христианство?

Ганди. Я сказал бы, что если нехристианин (например, индуист) пришёл к христианину и поведал об этом, то христианин должен посоветовать ему стать более совершенным индуистом, а не искать благодати в иной вере.

Чарльз Фрир Эндрюс. В этом я не могу с вами полностью согласиться; впрочем, вам известна моя позиция. Я давным-давно отказался от мысли, что спасение можно обрести только во Христе. Но вот, допустим, Оксфордская группа^[5] заставила вашего сына изменить свои взгляды, и он решил перейти в христианство. Что бы вы сказали на это?

Ганди. Я бы сказал, что Оксфордская группа может изменить чью угодно жизнь, но не заставит перейти в другую веру. Оксфордская группа может обратить внимание людей на лучшее, что есть в их вере, и изменить их жизнь, напомнив, что следует воплощать в жизнь заветы этих религий. Однажды ко мне пришёл человек из семьи брахманов и сказал, что ваша книга побудила его перейти в христианство. Тогда я спросил, считает ли он религию своих предков ложной. Нет, ответил он. Тогда я поинтересовался: неужели он не может принять Библию как одну из величайших священных книг, а Христа — как одного из величайших вероучителей? Я напомнил ему, что ни в одной из своих книг вы не призываете индийцев становиться на библейские позиции и переходить в христианство и что он неверно понял содержание ваших книг — если, конечно, вы не разделяете точку зрения покойного мистера Мухаммада Али, который говорил, что мусульманин, формально исполняющий заветы ислама, сколь бы порочную жизнь он ни вёл, всегда будет лучше доброго индуиста.

Чарльз Фрир Эндрюс. Я совершенно не согласен с мистером Мухаммадом Али. Я лишь хочу сказать, что, если человек хочет принять другую веру, я не буду ему препятствовать.

Ганди. Но разве вы не видите, что даже не даёте ему шанса? Вы даже не хотите его как следует расспросить. Если, например, ко мне придёт христианин, скажет, что на него снизошло озарение во время чтения «Бхагаватгиты», и заявит, что решил принять индуизм, я отвечу, что делать этого не стоит. «То, что даёт вам „Бхагаватгита“, — скажу я, — может дать и Библия. Вы просто не сделали усилий и оттого не разглядели, что таится в ней. Попробуйте разглядеть и станьте добрым христианином».

Чарльз Фрир Эндрюс. Не уверен. Если кто-то со всей серьёзностью скажет мне, что хочет стать добрым христианином, я должен ответить: «Что ж, попробуйте», хотя вам известно, скольких восторженных энтузиастов, приходивших ко мне за советом, я старался разубедить. Я говорил им: «Только не делайте ничего подобного *из-за меня*». Однако человеческая природа требует конкретной веры.

Ганди. Если человек хочет верить в соответствии с библейскими принципами — что ж, пусть, но зачем ему отвергать собственную религию? Этот прозелитизм до добра не доведёт. Религия — вопрос глубоко личный. Живя в соответствии с принципами наших религий, мы должны делиться друг с другом лучшим, что есть в них, тем самым увеличивая общее число усилий обрести Бога.

Подумайте, *что* стоит проповедовать: взаимную терпимость или равенство всех религий? Я убеждён, что все великие религии в сущности равноценны. Мы должны сизмальства испытывать к другим религиям то же уважение, что и к собственной. Я подчёркиваю, не взаимную терпимость, а взаимное уважение.

Что такое совесть, каждый понимает по-своему. Следовательно, мы должны выстраивать своё личное поведение, как велит нам совесть, но требовать, чтобы все поступали так, как велит нам наша совесть, было бы непозволительным вмешательством в личную жизнь других людей и посягательством на свободу совести.

13. ЛУЧШИЙ СПОСОБ

Проповедовать истину и ненасилие лучше, не сочинив о них тысячу книг, а живя в согласии с этими принципами. Жизнь, прожитая не во лжи, лучше любых книг.

За долгие годы основательно изучив вопрос соотносительной ценности религий и немало повидав в жизни, я пришёл к следующим выводам. Во-первых, все религии истинны. Во-вторых, всем религиям свойственно заблуждаться. В-третьих, все религии дороги мне почти так же, как мой собственный индуизм, поскольку все люди должны быть так же дороги мне, как мои близкие родственники. Я испытываю перед другими религиями то же благоговение, что и перед собственной.

Раздел третий. МОЯ ВЕРА В БОГА

14. БОГ СУЩЕСТВУЕТ

Если мы существуем, если существовали наши родители, то уместно поверить и в Прародителя, Создателя Вселенной. Если Его нет, то нет и нас. Он един, но един во многих лицах. Он меньше атома и величественнее Гималаев. Ему просторно в капле морской воды, однако Его не в силах вместить и семь морей. Его бессилён постичь разум. Его не охватить умом, Он ускользает от любых рациональных определений. Но не буду подробно останавливаться на этом. Здесь нужна вера. С помощью логики я могу выдвигать и сам же опровергать бесчисленные гипотезы. Атеист может с лёгкостью одолеть меня в дискуссии.

Однако моя вера настолько сильнее моего разума, что я могу бросить вызов целому миру, сказав: «Бог есть, был и пребудет вечно».

Впрочем, атеисты могут сколько душе угодно отрицать Его существование. Он милосерден и сострадателен. Он не земной властитель, Ему не нужно войско, чтобы заставить себе подчиняться. Он даёт нам свободу и поработает одним лишь состраданием. Но если кто-то из нас отказывается склониться перед Его волей, он говорит: «Что ж, пусть так. Моё солнце всё так же будет светить для тебя, Мои тучи — всё так же изливаться для тебя дождём. Я не буду силой подчинять тебя Своей воле». Пусть невежды оспаривают существование подобного Бога. Я — один из миллионов мудрецов, верящих в Него, не устающих поклоняться Ему и славословить Его.

Существует некая таинственная сила, ускользающая от любых определений. Я чувствую её присутствие, но не могу увидеть. Эта незримая сила ощущается нами, но совершенно недоказуема, потому что в корне отличается от всего, что можно постичь посредством органов чувств. Она превосходит любое чувственное восприятие.

Однако в какой-то степени существование Бога можно доказать. Даже в быту люди не догадываются, кто, почему и по каким законам управляет их жизнью. Однако они убеждены в существовании подобной силы. Во время моей последней поездки по Майсуру я встречался со многими бедными крестьянами и, случайно задав им вопрос, обнаружил, что они не знают, кто правит Майсуром. Они просто сказали, что какой-то бог. Если эти бедные люди столь слабо представляли себе, кто ими правит, что уж говорить обо мне, бесконечно малом пред ликом Бога, в тысячи раз меньшем по сравнению с Ним, чем даже эти крестьяне по сравнению со своим правителем, — я и вовсе не в силах вообразить присутствие Бога, Царя Царей. Тем не менее, подобно майсурским крестьянам, я тоже ощущаю некое подобие порядка и гармонии в мироздании и чувствую, что всё живое подчиняется некоему непреложному Закону. Это не слепая закономерность, ибо ни одна слепая закономерность не в силах повелевать живыми существами, а благодаря чудесным исследованиям сэра Д. Ч. Боше^[4] удалось доказать, что даже неодушевлённая материя на самом деле живая. Закон, царящий в мироздании, — это Бог. Закон и Законодатель — одно. Я не буду отрицать существование Закона или Законодателя, потому что мало о Нем знаю. Я могу сколь угодно отрицать и не признавать существования земной власти, но это не принесёт мне никакой пользы. Точно так же я могу отрицать и не признавать Бога и его Закон, однако это не выведет меня из-под его действия, тогда как смиренное и безропотное приятие Божественной власти облегчит моё странствие по жизни, подобно тому как приятие земной власти облегчит жизнь по установленным ею законам.

Я смутно постигаю, что, в то время как всё окружающее меняется и умирает, все эти метаморфозы подчиняются некоей живой власти, неизменной по самой своей сути, и именно она удерживает мир от распада, создаёт, уничтожает и создаёт заново. Эта всеведущая власть, или дух, и есть Бог. А поскольку ничто из того, что я могу постичь посредством органов чувств, не может пережить распад и не переживёт, существует лишь Он один.

Добра эта сила или зла? Я воспринимаю её как безусловно исполненную добра, ибо вижу, что в смерти торжествует жизнь, во лжи — истина, во тьме —

свет. Поэтому я предполагаю, что Бог есть жизнь, истина, свет. Он есть любовь. Он есть высшее добро.

Однако это не тот Бог, что утоляет одну лишь интеллектуальную жажду, если это вообще возможно. Чтобы быть Богом, Бог должен подчинить себе и изменить человеческое сердце. Он должен проявлять Себя даже в самых незначительных поступках верующего, выполняющего Его волю. Для этого верующий обязан до глубины постичь Божественное начало, и пять чувств ему здесь не помогут. Чувственное восприятие зачастую оказывается ложным и обманчивым, сколь бы надёжным оно нам ни представлялось. Сверхчувственное же восприятие непогрешимо, и доказательством тому служат не внешние данные, а совершенно изменившиеся поведение и характер тех, кто ощутил в душе истинное присутствие Бога.

Его неоспоримым свидетельством является также опыт непрерывной череды пророков и мудрецов у самых разных народов. Отрицать его означает отвергать самого себя.

Постижению Божественного начала предшествует несокрушимая вера. Тот, кто возжелает проверить факт бытия Божия, должен иметь живую веру. А поскольку веру нельзя доказать с опорой на внешние данные, надёжнее всего уверовать в нравственные основы мироздания, а значит, в верховенство нравственного закона — закона истины и любви. Истинным проявлением веры будет твёрдая решимость отречься от всего, что не есть истина и любовь.

Я не могу рационально объяснить существование зла. Желая рационально объяснить существование зла, я тщился бы приравнять себя к Богу. Поэтому я смиренно довольствуюсь тем, что узнаю зло там, где его встречаю. И нарекаю Бога многострадальным страстотерпцем именно потому, что Он позволяет злу существовать. Я знаю, что Он не есть зло. Он создал его и, однако, не запятнан им.

Я также отдаю себе отчёт в том, что никогда не познаю Бога, если не буду бороться со злом, даже ценой собственной жизни. В этом убеждении меня укрепил мой собственный ограниченный опыт смирения. Чем искреннее я стремлюсь очиститься от скверны, тем ближе я становлюсь к Богу. Насколько же я приближусь к Нему, когда моя вера перестанет быть слабым подобием истинной, а сделается несокрушимой, как Гималаи, и белоснежной и сияющей, как снега на их вершинах? А пока я предлагаю помолиться вместе с Ньюменом^[2], пропев гимн:

Светоч благой, води меня сквозь мрак! Веди меня домой стезёй добра! Сквозь тёмную ночь, до самого утра, Веди меня домой стезёй добра! Я не молю: «Дай мне узреть родной очаг», Лишь дай мне сил ещё на шаг!

Рационалисты милы и трогательны, но сам рационализм превращается в жуткое чудовище, как только начинает притязать на всемогущество. Приписывать разуму всемогущество — значит совершать идолопоклонство худшее, нежели почитать Богом создания рук человеческих из дерева и камня. Я выступаю не за ограничение прав разума, а за признание той части нашего «я», что освящает разум.

Легко сказать: «Я не верю в Бога», ведь Бог позволяет нам говорить о Нем что угодно, никак не наказывая за это. Он взирает на наши деяния. И всякое

нарушение Его закона влечёт за собой не возмездие, а неотвратимое очищающее наказание.

15. ПРИРОДА БОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛА

Я не воспринимаю Бога как человеческую личность. Для меня Бог — это истина, а Божественный закон и Сам Бог неотделимы друг от друга, в отличие от земного правителя и его закона, которые можно рассматривать как разные данности. Ведь Бог — это Идея,

Он Сам есть закон. Поэтому нельзя вообразить, что Господь нарушает Свой закон. Следовательно, нельзя сказать, что Он управляет нашими поступками, не обнаруживая Своего присутствия. Говоря, что Он управляет нашими поступками, мы просто описываем Господа на нашем, человеческом языке и тем самым невольно стараемся поставить Ему какие-то пределы. В остальном же Он и Его закон пребывают повсюду и повсюду властвуют. Поэтому я не стал бы утверждать, что Он в точности исполняет любую нашу мольбу, но, без сомнения, управляет всеми нашими поступками, и я действительно верю, что даже травинка не покачнётся под ветром без Его воли. А свободная воля, которой мы наделены, даёт нам возможностей меньше, чем пассажиру на переполненной корабельной палубе.

— А вы ощущаете себя свободным, приобщаясь Богу?

— Да, ощущаю. Я не чувствую себя стиснутым со всех сторон, как пассажир на переполненной палубе. Хотя я знаю, что моя свобода ещё меньше, чем у такого пассажира, я ценю её, ибо обрёл её благодаря учению «Бхагаватгиты», согласно которому человек творит свою собственную судьбу, поскольку обладает свободой выбора и сам решает, как воспользоваться этой свободой. Однако результат усилий не зависит от его воли. Как только он возомнит, будто способен повлиять на результат своих усилий, он попадёт в беду.

Совершенство — атрибут Всмогущего Господа, и, однако, какой Он великий демократ! Сколько поношений и нелепостей он вынужден терпеть из-за нас! Он даже позволяет нам, Своим ничтожным созданиям, ставить под сомнение само Своё существование, хотя Он пребывает в каждом атоме над нами, вокруг нас и в нас самих. Однако Он оставил за Собой право открываться избранным. Он — Существо, лишённое рук, ног, органов, однако тот, кому Он сообразоволит открыться, способен будет узреть Его.

В строго научном смысле Бог — первопричина добра и зла. Он направляет кинжал наёмного убийцы в не меньшей мере, нежели скальпель хирурга. Но с точки зрения человека, его целей и намерений, добро и зло в корне отличны друг от друга и несовместимы друг с другом и служат соответственно символами света и тьмы, Бога и Сатаны.

Законы природы вечны и непреложны, и не бывает никаких чудес, которые нарушали или отменяли бы их. Однако мы, слабые и бессильные, требуем чудес и возлагаем на Бога вину за собственную слабость и бессилие.

Для меня Бог есть истина и любовь. Бог есть нравственность и мораль. Бог есть бесстрашие. Бог есть источник света и жизни, однако превосходит всё перечисленное и является его причиной. Бог есть даже атеизм атеиста. Ибо в своей безграничной любви Бог позволяет существовать и атеисту. Он есть Испытующий сердца^[4]. Его не облечь в слова и не постичь разумом. Он знает нас и сердца наши лучше, чем мы сами. Он не верит нам на слово, ибо знает, что мы часто говорим не всерьёз — кто намеренно, кто невольно. Те, кто нуждается в его личном присутствии, воображают Его воплощённым в человеческом облике. Он обретает телесную форму для тех, кто жаждет испытать Его прикосновение. Он — чистейшая сущность. Для верующих Он просто есть. Он есть всё для всех. Он в нас, над нами и возле нас. Можно изгнать слово «Бог», но никто не в силах изгнать Самую Сущность Всего Сущего, и, разумеется, «совесть» — жалкий и вымученный парафраз простого сочетания трёх букв: «Бог». Он не прекращает своего существования оттого, что во имя Его совершаются чудовищно безнравственные и жестокие деяния. Он многотерпелив. Он кроток, но одновременно ужасен... Он самый взыскательный и строгий персонаж в этом мире и в потустороннем. Он отмеряет нам тою же мерой, что и мы отмеряем нашим собратьям — людям и животным. Невежество для Него — не оправдание. И тем не менее Он есть всепрощение, ибо всегда даёт шанс раскаяться. Он величайший демократ на свете, ибо не налагает на нас никаких оков и предоставляет нам свободный выбор между добром и злом. Но Он и величайший тиран, которого знало человечество, ибо зачастую расплёскивает чашу, отнимая от наших губ, и, под предлогом наделения свободной волей, не оставляет нам свободы действий и смеётся над нами: потому в индуизме насмешку Господа над смертными обозначают словом «лила» (забава) или расценивают такую ситуацию как иллюзию (майю). Нас на самом деле *нет*, Он один *существует*. А для того чтобы воплотиться, нам надлежит вечно славить Его и вершить Его волю. Давайте же танцевать под звуки его флейты-банси, и всё будет хорошо.

Меня часто спрашивают, почему я отождествляю Бога с истиной. В ранней юности меня научили молиться, повторяя тысячу имён Господа, как они известны в священных книгах индуизма. Однако этой тысячей имена Господа отнюдь не исчерпываются. Мы полагаем (и я думаю, это верно), будто у Бога столько имён, сколь есть на свете живых существ, и, следовательно, Бог безымянный, а поскольку у Бога множество образов, Он не имеет формы и воплощения, а оттого, что он обращается к нам на бесчисленных языках, Он безмолвен, и так далее. Но, приступив к изучению ислама, я обнаружил, что в исламе Бог тоже имеет множество имён. Я готов согласиться с теми, кто утверждает, что Бог есть любовь. Но, признавая это, в глубине души я убеждён, что Бог прежде всего есть истина. Если человеку под силу полностью облечь в слова имя Господа, точнейшим определением будет «Истина». «Бог есть Истина» — к такому выводу я пришёл для себя. Однако два года тому назад я сделал следующий шаг на пути духовного познания и объявил, что истина есть Бог. Существует едва уловимое различие между утверждением, что Бог есть истина и что истина есть Бог. А к этому выводу я пришёл в результате неустанных тяжких поисков, начало которым было положено почти пятьдесят лет тому назад. Тогда я установил, что проще всего приблизиться к истине через любовь. Но тогда же я

обнаружил, что слово «любовь», по крайней мере в английском языке, имеет разные значения и что, например, страстная любовь одного человека к другому может и развратить. Кроме того, я выяснил, что у любви, понимаемой в духе ахимсы, в мире найдётся не много приверженцев. Однако не было случая, чтобы люди по-разному воспринимали слово «истина», и даже атеисты не возражали против необходимости истины и её абсолютной власти. Однако в своих страстных поисках истины атеисты без промедления готовы были отрицать само существование Бога; им представлялось, что это абсолютно справедливо. Именно благодаря дискуссиям с атеистами я осознал, что нужно утверждать не «Бог есть истина», а «истина есть Бог». Я могу назвать имя Чарльза Бадло, который с гордостью именовал себя атеистом, однако, неплохо его зная, я никогда бы не счёл его таковым. Я назвал бы его богобоязненным человеком, хотя он бы отверг подобное обозначение. Он покраснел бы от досады, если бы я сказал: «Мистер Бадло, вы благоговеее перед истиной, а значит, вы человек богобоязненный». Я мог бы с лёгкостью опровергнуть его доводы, сказав, что истина есть Бог, подобно тому как побеждал в спорах многих молодых людей. А ещё учтите, что миллионы людей именем Божиим творили ужасные, жестокие злодеяния. Конечно, бывает, что и учёные во имя Бога решаются на жестокости. Я знаю, что во имя истины и науки люди подвергают чудовищным мукам животных во время вивисекции. Поэтому, как бы вы ни попытались описать Божественную сущность, вопросы всё равно останутся. Однако человеческий разум не безграничен, и вы должны осознать его границы, его конечность, если тщитесь вообразить некую сущность или данность, постичь которую человек не в силах.

А потом, в индуистской философии есть и ещё один сложный для понимания постулат: «Существует лишь Бог, нет ничего более». Он встречается и в калимах¹⁹ ислама, где всячески подчёркивается и поясняется на примерах. В них также однозначно утверждается существование одного лишь Бога, но ничего, кроме Него. Действительно, на санскрите «истина» обозначается словом, буквально значащим «сущее», — Сат. Именно по этой и по некоторым другим причинам, которые я могу назвать, я пришёл к выводу, что определение «истина есть Бог» наиболее ёмкое и глубокое. Если вы хотите обрести в истине Бога, то единственно возможное средство её достижения — любовь, иными словами, ненасилие, а поскольку цель и средства здесь взаимозаменяемы, я без колебаний скажу: Бог есть любовь.

Что же тогда истина?

Сложный вопрос, но я решил его для себя, предположив, что это наш внутренний голос. Но на это мне можно возразить, что у разных людей различное, и зачастую противоположное, представление об истине. Что ж, если человеческий разум следует бесчисленными путями, если эволюция человеческого разума происходила в разных местах земли по-разному, следовательно то, что представляется истинным одному, может показаться ложным другому, а значит, учёные, исследующие эти вопросы, пришли к заключению, что необходимо учитывать определённые условия. Подобно тому как для проведения научных экспериментов требуется обязательное обучение целому ряду предметов, нельзя без строгой предварительной подготовки допустить неопита к экспериментам в области духа. Поэтому каждый, прежде чем говорить о своём внутреннем голосе, должен осознать границы и пределы собственного разума. Опыт убедил нас, что чающие обрести в истине Бога и

идушие в этих поисках своим личным, неповторимым путём, должны дать несколько обетов, например обет говорить только правду, обет соблюдать брахмачарию (вести целомудренный образ жизни) — ибо нельзя одновременно испытывать любовь к истине и к Богу и к земным предметам, — обет ненасилия, бедности и нестяжания. Если вы не дадите эти пять обетов, вам лучше не приступать к духовным экспериментам. Есть и иные условия, но не буду докучать вам их перечислением. Достаточно сказать, что те, кто занимались подобной практикой, знают, что не всякому пристало ссылаться на свой внутренний голос — голос совести. А именно потому, что ныне каждый утверждает, будто имеет право поступать согласно своей совести, не принимая на себя никаких обязательств, и потому, что на озадаченный мир обрушиваются невероятные потоки лжи, я могу лишь напомнить вам, что истину не под силу найти тому, кто не осознал необходимости глубочайшего смирения. Чтобы броситься в волны истины и ощутить всю её глубину, вам надлежит умалиться и стать даже меньше нуля. Это всё, что я могу сказать вам по этому увлекательному вопросу.

Не счесть определений Бога, ибо не счесть Его проявлений. При мысли о них я преисполняюсь удивления и благоговения, на миг я даже замираю в безмолвии и трепещу. Однако я поклоняюсь Богу только в образе истины — я ещё не обрёл Его и лишь тщуся найти Его. В попытках обрести Его я готов пожертвовать даже тем, что мне дороже всего на свете. Даже если потребуется пожертвовать собственной жизнью, надеюсь, я смогу отдать её. Но пока я не узрел абсолютную истину, я должен довольствоваться относительной истиной, как она мне представляется. Однако до тех пор, на моем земном пути, эта относительная истина должна стать моим светочем, моим щитом и моим покровом. Хотя путь этот прям и узок и подобен острому лезвию бритвы, для меня он самый широкий и удобный. Даже мои огромные, величиной с Гималаи, ошибки представляются мне совсем крохотными, ведь я не сходил с избранного пути. Именно это не дало мне погибнуть, я шёл и шёл вперёд, ведомый моим светочем. Часто в пути я замечал слабые проблески абсолютной истины, Бога, и с каждым днём во мне крепло убеждение, что Он один реален, а всё остальное — иллюзия.

Кроме того, я уверился, что с тем, что под силу мне, справится и ребёнок, и у меня есть веские основания утверждать это. Искать истину одновременно и чрезвычайно просто, и невероятно сложно. Человеку надменному может показаться, что это и вовсе невозможно, а невинное дитя возьмётся за это с лёгкостью. Ищущий истину должен быть смиреннее праха земного.

Весь мир попирает прах ногами, но ищущий истины должен умалиться настолько, чтобы его мог попать даже прах.

Пусть погибну я и сотни подобных мне, но да восторжествует истина.

16. МОЙ ОПЫТ ПОЗНАНИЯ БОГА

Я более убеждён в Его существовании, чем в том факте, что сейчас мы с вами сидим в этой комнате. А потом, я могу подтвердить, что проживу без воздуха и без воды, но погибну без Него. Пусть мне вырвут глаза, это меня не убьёт. Пусть мне отрубят нос, это меня не убьёт. Но лишите меня веры в Бога — и я погибну.

Можете назвать это суеверием, но, признаюсь, оно согревает мне душу, подобно тому как в детстве согревало повторение имени Рамы, избавлявшее от страхов и тревог.

Мне не было и пятнадцати лет, когда я научился сознательно полагаться на волю Господа.

Любуясь закатом или восхищаясь красотой луны, я ликую душой и молитвенно славлю Создателя. Во всех Его творениях я тщуся узреть Его и Его неизречённое милосердие.

Последние тридцать лет я чаю, я страстно жажду, я изо всех сил пытаюсь достичь самопознания, то есть узреть лик Господень, обрести мокшу. Я живу, дышу, двигаюсь лишь для осуществления этой цели. Ей служат также все мои публичные выступления, все мои печатные работы, вся моя политическая деятельность.

Непрекращающаяся пытка для меня — знать, что я по-прежнему далёк от Него, повелевающего каждым моим вздохом и породившего меня на свет. Я знаю, что это мои пагубные страсти не дают мне приблизиться к Нему, однако я не в силах их искоренить.

По жизненному пути ведёт меня один лишь Бог. Господь мой ревнив. Он ни с кем не поделится властью. Поэтому мы должны предстать перед Ним во всей нашей слабости, с пустыми руками, всецело признав, что отдаёмся на волю Его, и тогда Он укрепит нас и защитит нас от всяческого зла, даже если на нас ополчится весь мир.

Я не желаю предвидеть будущее. Меня волнует, что происходит со мной в настоящем. Бог не дал мне власти даже над ближайшим мгновением.

Не пытайтесь защитить меня. Величайший всегда призрит на меня. Поверьте, когда пробьёт мой час, никто, даже самый могущественный в этом мире, не сумеет стать между Ним и мною.

Бог спасает меня до тех пор, пока я потребен Ему в этом теле. Едва только Он перестанет во мне нуждаться, никакие предосторожности уже не спасут меня.

Бог — самый суровый повелитель, какого я знаю на земле, и Он непрерывно испытывает нас. А когда мы чувствуем, что вера наша пошатнулась или силы нам изменяют и мы погибаем, Он тем или иным способом приходит на помощь, напоминая, что нельзя терять веру и что Он неизменно рядом с нами, защищает и оберегает нас, но на Своих условиях, а не на наших.

Приверженец «Бхагаватгиты» принимает вещи как они есть и откликается на события естественно, исполняя свою роль в мироздании, управляемом великим Механиком, словно часть хорошо отлаженной машины, которая беспрекословно подчиняется нажатию кнопки или движению рычага. Однако *разумному* существу

очень трудно привыкнуть к мысли о том, что оно должно ощущать себя винтиком в машине. И всё же для того, чтобы умалиться и стать ничем, взалкавший духовного совершенствования должен воспринимать себя именно как винтик в машине. Коренное различие между машиной и человеком заключается в том, что машина — неодушевлённый предмет, тогда как человек живёт и дышит и сознательно превращается в машину в руках Великого Механика. Кришна подробно говорит о том, что Бог управляет всеми живыми существами, словно они — часть некоего механизма.

Я более полувека пребываю в рабстве у самого сурового и взыскательного Повелителя, и самое рабское служение мне в радость. С течением лет я всё отчётливее стал различать Его голос. Он никогда не покидал меня, даже среди кромешного мрака и ужаса. Он часто спасал меня, даже вопреки моей воле, и подчинял Себе каждый мой вздох, каждое движение, каждый миг моего бытия, лишая меня даже тени свободы. Чем полнее я Ему предавался, тем большее блаженство ощущал.

Господь пребывает с нами и призрит на нас, словно у Него нет иных забот. Не знаю, как это происходит, знаю лишь, что это и вправду так. Верующие избавлены Господом от всех треволнений и хлопот.

Поражение не может ввергнуть меня в уныние. Оно может лишь отрезвить меня. Я знаю, что Господь будет вести меня.

Каждый миг я чувствую присутствие Свидетеля, от взора которого ничто не ускользает и любое желание которого я стремлюсь выполнять.

Я не помню ни одного мгновения, когда мне показалось бы, что Господь меня покинул.

Если бы я не чувствовал присутствия Господа в своей душе, то, видя вокруг столько горя и несчастий, рано или поздно впал бы в буйное помешательство и мне осталось бы только утопиться.

С течением времени я всё острее ощущаю Его живое присутствие каждой клеточкой своей души. Если бы я не чувствовал Его близость, то лишился бы рассудка, ведь меня окружают вещи, сознательно и целенаправленно нарушающие мой душевный покой. Если бы я не ощущал Его присутствия, ежедневно наблюдаемые мною несчастия и беды сокрушили бы меня. Однако они почти не причиняют мне боли.

Полагаю, каждый человек может достичь состояния абсолютной, блаженной безгрешности и ощутить в своей душе присутствие одного лишь Бога, и ничего более.

17. ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

Я отнюдь не первый, кто утверждает, что слышит Глас Господень. К сожалению, я не могу подтвердить истинность этого заявления иначе как своими богоугодными деяниями.

Главный вопрос, который озадачивал многих и многих, — это вопрос о Гласе Божиим. Что это? Что я услышал? Узрел ли я кого-то? А если нет, от кого и как исходил этот Голос? Эти вопросы не перестают волновать верующих.

Для меня Глас Господень, Глас истины и совести, внутренний голос, «тихий, едва слышный голос»^[10] — одно и то же. Я не зрел Бога воплощённым и не пытался узреть Его так, ибо всегда полагал, что Господь не имеет облика. Однако я внимал Голосу, доносившемуся словно издалека и одновременно звучавшему совсем рядом. Я слышал Его столь же отчётливо, сколь и человеческий голос, и не в силах был Ему противиться. Я отнюдь не внимал Ему в сновидениях. Сначала в моей душе разыгралась ужасная внутренняя борьба. А затем в ушах у меня раздался голос. Я вслушался, уверился, что это тот самый голос, и на мою душу снизошло умиротворение. Мною овладел покой. Я тотчас же принял решение поститься, мысленно назначив день начала воздержания от пищи. Меня охватила радость. Это происходило между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Я ощутил прилив бодрости и принялся писать замётку об этом духовном опыте, с которой читатель, вероятно, уже ознакомился.

Могу ли я ещё как-то доказать, что воистину внимал Гласу Господню, а не эху собственного разыгравшегося воображения? У меня нет более никаких свидетельств, способных убедить скептика. Пусть он заявит, что всё это самообман или галлюцинация, не буду возражать. Я не в силах доказать обратное. Скажу лишь: даже единодушное убеждение всего мира, что я обманулся, не разуверит меня в том, что я воистину внимал Гласу Божьему.

Однако некоторые думают, что и Сам Бог — плод нашего воображения. Если эта точка зрения верна, то ничто не реально и всё порождено нашим воображением. Пусть так, пока мною владеет моё воображение, я всецело ему подчиняюсь. Реальность самых что ни на есть осязаемых предметов относительна. Для меня голос был более реален, чем моё собственное существование. Он никогда не обманывал меня и, если уж мы об этом заговорили, никогда не обманывал никого.

А услышать Его способен всякий, кто захочет. Он звучит в душе каждого. Но, как и все на свете, попытка Его расслышать требует долгих и упорных предварительных упражнений.

Я стану никчёмным существом, как только заглушу в своей душе «тихий, едва слышный голос».

Насколько мне известно, никто никогда не подвергал сомнению, что внутренний голос может к кому-то обратиться, и мир только выиграет, если уверения хотя бы одного человека, что он совершил тот или иной поступок, повинуюсь внутреннему голосу, удастся подтвердить. Многие уверяют, будто внимали внутреннему голосу, но их притязания редко выдерживают критику. Однако нельзя заранее отказывать такому утверждению в справедливости оттого лишь, что некоторые им злоупотребляли. Нет никакой беды в том, что многие смогут честно поведать, как слышали внутренний голос. Но, к несчастью,

этой уловкой пользуются и лицемеры. Нельзя изгонять добродетель потому, что многие только притворяются добродетельными. Во всём мире, во все века находилось немало тех, кто, по собственному уверению, мыслил и действовал согласно увещаниям внутреннего голоса. Однако никакой беды человечеству их кратковременная деятельность не принесла. Сумеет расслышать внутренний голос лишь тот, кто прошёл стезёй долгого и тяжкого обучения; лишь ему под силу различить внутренний голос, не перепутав его ни с какими иллюзиями. Мир нельзя обманывать бесконечно. Поэтому нет ничего страшного в том, чтобы смиренный человек вроде меня не промолчал и заявил, что повинуется внутреннему голосу, если уверен, что и вправду внимал Ему.

Человеку свойственно заблуждаться. Он никогда не может быть уверен, что поступает правильно. То, что он принимает за отклик на свою молитву, в действительности может являться эхом его гордыни. Чтобы обрести мудрого, непогрешимого наставника, который поведёт земной стезёй, человек должен достичь совершенной душевной невинности и быть неспособным на зло. Я не могу притязать на это. Моя душа несовершенна, исполнена смятения, склонна к заблуждениям и беспокойна.

Предпринимая бесконечные попытки духовного очищения, я научился более или менее отчётливо различать и правильно понимать «тихий, едва слышный голос» у себя в душе.

Я твёрдо убеждён, что Он день за днём открывает себя каждому, но мы зажимаем уши, чтобы не различать «тихий, едва слышный голос».

Раздел четвёртый. В ЧЕМ ВОПЛОЩАЕТСЯ МОЯ РЕЛИГИЯ

18. РЕЛИГИЯ ЛЮБВИ

Где любовь, там и Бог.

Ненасилие — деятельность высшего порядка. Её вдохновляет сила души или власть живущего в нас Божества. Мы уподобляемся Божеству в той мере, в какой практикуем ненасилие.

Учёные говорят нам, что если бы атомы, из которых создан земной шар, не удерживала вместе некая сила, он просто распался бы и мы перестали бы существовать. Но если даже неодушевлённую материю удерживает от гибели какая-то сила сцепления, то подобная сила должна объединять и все живые существа, а сила, удерживающая от распада всё живое, должна именоваться любовью. Любовь связывает воедино отца и сына, брата и сестру, двоих друзей.

Однако мы должны научиться относиться с любовью ко всему живому, и обретение этой способности равносильно познанию Бога.

Самые возвышенные усилия человека — это попытки обрести Бога. Его нельзя обрести в рукотворных храмах, идолах, святынях; нельзя найти Его, только практикуя воздержанность. Обрести Бога можно лишь в любви, не земной, но Божественной.

Я утверждаю, что даже сейчас, хотя структура общества не основана на сознательном принятии ненасилия, люди сохраняют своё имущество и саму жизнь, лишь поскольку готовы терпеть друг друга. В противном случае выжили бы лишь немногие, наиболее сильные и жестокие. Узы любви объединяют и семьи, и более крупные группы в так называемом цивилизованном обществе, именуемые народами. Они лишь не признают вслух верховенства закона ненасилия, так как не изучили его гигантских возможностей. Мне кажется, до сих пор мы по привычке считали само собой разумеющимся, что практиковать абсолютное ненасилие могут лишь немногие, давшие обет нестяжания и связанный с ним обет аскетизма. Хотя, бесспорно, лишь сторонники ненасилия способны продолжать исследование этого вечного закона, повелевающего всем человечеством, и время от времени заявлять о его вновь обнаруженных возможностях, ибо должен приносить пользу всем без исключения. На наших глазах этот закон как будто не соблюдается, но виноваты в этом его конкретные приверженцы, многие из которых даже не догадываются, что волей-неволей находятся под его воздействием. Жертвуя жизнью ради ребёнка, мать, даже не отдавая себе в этом отчёта, следует закону ненасилия. Вот уже полвека я выступаю за сознательное принятие этого закона и деятельное его претворение на практике, несмотря на все неудачи. Пятидесятилетняя работа на этом поприще принесла отличные результаты и укрепила меня в моей вере.

Мне кажется, что женщина является воплощением ахимсы. Ахимса предполагает безграничную любовь, в свою очередь предполагающую бесконечную готовность к страданию. Но почему она свойственна именно женщине, матери? Потому что она на протяжении девяти месяцев вынашивает ребёнка, оберегает его в своём чреве и радуется тем мукам, что претерпевает во имя его. Есть ли страдания, которые могут превзойти родильные муки? Однако женщина забывает о них, преисполнившись радости творения. Кто ещё готов ежедневно переносить тягчайшую боль и терпеть большие лишения, нежели женщина ради своего ребёнка? Пусть она распространит эту любовь на всё человечество и забудет, что когда-то была или может стать предметом низкой чувственной страсти мужчины. И тогда она займёт высокое место рядом с мужчиной как его мать, создательница и безмолвная наставница. Ей дано учить искусству мира раздираемую войнами землю, истосковавшуюся по благу покоя.

19. ЛЮБОВЬ, ВОПЛОЩАЮЩАЯСЯ В ЖЕРТВЕННОМ СЛУЖЕНИИ

А. Служение

Единственный способ обрести Бога — это узреть Его в Его творении и слиться с Его созданиями. Это возможно лишь в служении миру. Я — мельчайшая частица целого и смогу обрести Его лишь в лоне всего человечества. Мои соотечественники — мои ближайшие соседи. Они сделались столь беспомощными, столь неизобретательными, столь ленивыми, что все свои усилия я должен направить на служение им. Если бы я мог убедиться, что обрету Его в уединённой пещере в Гималаях, то немедленно отправился бы туда. Но я сознаю, что не обрету Его в отрыве от всего человечества.

Поскольку Бог бросил мой жребий и он выпал в Индии, я предал бы своего Создателя, если бы не стал служить индийцам. Не зная, как служить им, я не смогу принести пользу и всему человечеству.

Мне известно, что Господь чаще пребывает с самыми жалкими и смиренными из Своих созданий, нежели с сильными и могущественными, и потому я стремлюсь уподобиться жалким и смиренным. Но достичь этого я могу лишь в служении им. Поэтому-то я всеми силами стараюсь помочь угнетённым классам. А поскольку сделать это невозможно вне политики, мне не остаётся ничего иного, как заниматься политикой.

Чтобы до глубины души проникнуться бедами и несчастьями отверженных и униженных индийцев, я сам, ничтожнейший из ничтожных, должен принять на себя грехи тех, кого взял под покровительство. Поступая так, я в своём смирении чаю однажды узреть Бога, то есть истину.

Я дам вам талисман от всех напастей. Всякий раз, когда вас охватывает сомнение или когда собственное «я» делается невыносимым, прибегайте к следующему средству.

Вспомните лицо самого бедного и беспомощного из всех людей, кого вам приходилось видеть, и спросите себя, поможет ли ему хоть чем-нибудь шаг, который вы намереваетесь предпринять. Принесёт ли он ему какую-нибудь пользу? Даст ли он ему возможность хоть как-то влиять на собственную жизнь и судьбу? Иными словами, поможет ли ваш поступок приблизить сварадж, или самоуправление, для терпящих физический и духовный голод миллионов наших соотечественников?

И тогда и ваши сомнения, и ваше «я» медленно растворятся...

Однажды в беседе со мной один молодой американский миссионер спросил, какую религию я исповедую и какую, на мой взгляд, в будущем изберёт Индия?

Я отвечал очень кратко. Указав на двоих больных, находившихся в этот момент в комнате, я сказал: «Моя религия — в служении, а будущее меня не заботит».

Вера есть служение беспомощным. Бог предстаёт нам в облике беспомощных, больных и несчастных. Одно время я ставил прядение выше религиозных практик. Но это не означает, что их нужно отвергнуть. Я лишь хочу сказать, что дхарма, которую обязаны соблюдать представители всех религий, превосходит

их самих, и потому утверждаю, что брахман станет более совершенным брахманом, мусульманин — более совершенным мусульманином, а вишнуит — более совершенным вишнуитом, если будет поворачивать колесо прялки, проникнувшись духом служения.

Если бы я смог прясть, лёжа в постели и чувствуя, что прядение помогает мне сосредоточиться на размышлениях о Боге, то, конечно, я отложил бы чётки и стал бы поворачивать колесо. Если я достаточно окрепну, чтобы вращать колесо, и должен буду сделать выбор — перебирать чётки или поворачивать колесо, я, разумеется, выберу колесо, превратив его в мои чётки, если страну в это время будут опустошать голод и бедность. Я жду наступления времени, когда даже молитвенное повторение имени Рамы станет для меня препятствием. Когда я осознаю, что имя Рамы воистину не облечь в слова, мне не понадобится даже повторять его. Прялка, чётки и Раманама для меня — одно. Они служат одной и той же цели, они проповедуют мне религию смирения. Я не могу упражняться в ахимсе, не исповедуя религию служения, и я не могу обрести истину, не исповедуя религию ахимсы. А религии, отличной от религии истины, не существует.

Прядение на ручной прялке не может и не должно создавать конкуренцию нынешним фабричным способам производства и стремиться их вытеснить. Цель его — вовсе не в том, чтобы засадить за прялку физически крепкого человека, который мог бы найти другую, неплохо оплачиваемую работу. Единственная причина, по которой я пропагандирую ручное прядение, сводится к следующему: только оно позволит быстро, эффективно и надолго решить проблему вынужденного безделья, в котором почти шесть месяцев в году пребывает большая часть населения Индии из-за отсутствия подходящего занятия, способного дополнить сельскохозяйственные работы, и, соответственно, постоянного голода, от которого страдает множество индийцев.

Стыдно отдыхать или плотно обедать, если в это время не может найти работу или голодает хоть один физически здоровый мужчина, хоть одна физически здоровая женщина.

Поэтому представьте себе катастрофу: триста миллионов безработных день за днём опускаются всё ниже и ниже, утрачивая самоуважение и веру в Бога. Я могу с таким же успехом проповедовать слово Божие псу, что и этим миллионам голодных с угасшим взором, ведь единственный Бог для них — это хлеб. Возможно, проповедовать им слово Божие, только проповедуя святость той работы, которой они лишены. Приятно говорить о Боге, сидя после плотного завтрака в ожидании не менее обильного обеда, но как прикажете говорить о Боге людям, которые не могут поестъ два раза в день? Бог предстаёт им только в образе хлеба с маслом.

Мне кажется, осуществить своё духовное предназначение нельзя, не осознавая необходимость служения и не отождествляя себя с бедными.

В. Жертва

Человеческое тело предназначено исключительно для служения, а не для удовлетворения собственных страстей. Тайна счастья — в самоотречении. Самоотречение есть жизнь. Потворство собственным желаниям предрекает смерть. Поэтому всякий имеет право и даже должен стремиться дожить до ста двадцати пяти лет, *всецело отдавшись служению и не помышляя о результате*. Подобная жизнь целиком должна быть отдана служению. Самоотречение ради такого служения приносит невыразимую радость, которой никто не может нас лишить, ибо она рождается в нашей душе и поддерживает в нас жизнь. Этот образ жизни навсегда избавляет от беспокойства или нетерпения. Без подобной радости долгая жизнь невозможна, а если и возможна, то не имеет смысла.

Следовательно, это тело было дано нам, чтобы мы употребили его во служение всем земным созданиям.

И подобно тому как раб получает еду, одежду и всё остальное от господина, которому служит, мы должны с благодарностью принимать дары, которых благоволит удостоить нас Творец мироздания. То, что мы получаем, мы должны именовать дарами, ибо, будучи должниками, мы не имеем права на награду за исполнение своих обязанностей. Поэтому мы не должны винить Господа, если Он никак не вознаграждает нас. Наше тело принадлежит Ему, и Он вправе лелеять его или уничтожить, как Ему заблагорассудится. Мы не должны сетовать на Его решение или даже предаваться сожалениям; напротив, подвергнуться уничтожению в руках Его — естественное и даже приятное и желанное состояние, если только мы осознали роль, которую уготовил нам Господь в Своих замыслах. Воистину, чтобы испытать высшее блаженство, мы должны сильно уверовать. «Не заботься о завтрашнем дне, предоставь все заботы Господу» — подобная заповедь, видимо, существует во всех религиях.

Пусть вас это не пугает. Тот, кто с чистой совестью отдаётся служению, с каждым днём будет всё глубже осознавать его необходимость и постоянно укрепляться в вере. Едва ли на путь служения может вступить тот, кто не готов отречься от своекорыстия и понять, для чего появился на свет. Сознательно или бессознательно все мы так или иначе причастны тому или иному служению. Если мы возьмём себе за правило свершать это служение осмысленно, наше желание служить будет лишь усиливаться и составит не только наше собственное счастье, но и счастье всего мира.

* * *

Повторяю, не только праведники, но и все мы обязаны предоставить всё, что имеем, в распоряжение человечества. Если таков закон, следовать которому повелевает Господь (а он именно таков), то потворство собственным желаниям должно исчезнуть и уступить место самоотречению. Долг самоотречения отличает человека от животного.

Некоторые возражают, что если воспринимать жизнь под знаком жертвенности, в ней воцарится скука, в ней не будет места искусству, в ней нечего делать тому, кто ценит дом и семью. Однако самоотречение вовсе не предполагает ухода от мира и уединения в лесу. Духом самоотречения должны быть проникнуты все наши деяния. Глава семьи и домовладелец не перестанет быть таковым, если будет воспринимать жизнь не как потворство собственным желаниям, а как долг. Коммерсант, если он станет вести дела, преисполнившись

духа самоотречения, будет заключать миллионные сделки, но никогда не опустится до обмана или спекуляций, будет вести скромный образ жизни, не нанесёт ущерба ни одной живой душе и скорее потерпит гигантские убытки, нежели причинит кому-то вред. Не пытайтесь доказать мне, что такие коммерсанты существуют лишь в моем воображении. К счастью для мира, они есть и на Западе, и на Востоке. Признаю, их можно сосчитать по пальцам одной руки, но описанный мною тип перестаёт быть утопией, если можно найти хотя бы один живой пример такого поведения. Без сомнения, предприниматели, сделавшие выбор в пользу жертвенности, зарабатывают на жизнь коммерцией. Однако прибыль не является их целью, она лишь побочный продукт их призвания. Жизнь, исполненная жертвенности, — вот подлинный шедевр искусства, она приносит ни с чем не сравнимую радость.

Выбравший путь служения ни на минуту не задумается о собственном удобстве: пусть о нем, если сочтёт нужным, позаботится его Господин, превыше всех иных. Поэтому он не будет беспокоиться о том, что происходит с ним в земной жизни, он возьмёт ровно столько, сколько нужно ему для её поддержания, и не посягнёт на остальное. Он сохранит спокойствие, не предастся гневу и не утратит присутствия духа, какие бы неудобства ему ни причиняли. Его служение, как и добродетель, есть достаточное вознаграждение, и он вполне удовольствуется этим.

Добровольное служение другим требует отдавать всего себя, в полную меру своих сил и способностей, и лишь в последнюю очередь вспоминать о своих собственных нуждах и желаниях. В действительности искренне и глубоко верующий безоговорочно посвящает всего себя служению человечеству.

Существуют различные виды жертв. Одну из них можно назвать работой за кусок хлеба. Если бы все работали только за кусок хлеба, еды и досуга хватило бы на всех. Тогда мы не знали бы ни страданий, вызываемых перенаселением, ни болезней, ни несчастий, которые сейчас постоянно видим вокруг. Такая работа была бы высшей формой жертвенности. В этом новом мире люди, без сомнения, нашли бы различное применение своим физическим и интеллектуальным усилиям, но всё это была бы работа для общего блага. Не было бы ни богатых, ни бедных, ни аристократов, ни простонародья, ни представителей высших каст, ни неприкасаемых.

Возможно, это недостижимый идеал, однако мы не должны оставлять усилий, мы должны стараться его достичь. Даже не полностью повинаясь закону жертвенности, то есть закону всего нашего бытия, а всего лишь зарабатывая на хлеб физическим трудом, мы бы уже приблизились к идеалу.

Сознательно поступая так, мы бы сократили свои нужды и стали бы питаться простой пищей. Мы стали бы есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. Пусть тот, кто сомневается в правильности этого утверждения, в поте лица своего заработает на хлеб, и тогда он ощутит величайшее блаженство, увидев результаты своего труда, укрепит здоровье и обнаружит, что многие вещи, которыми он пользовался, в действительности ему не нужны.

Но неужели люди не могут зарабатывать на хлеб интеллектуальным трудом? Нет. Нужды тела должно удовлетворять только тело. «Воздайте кесарю кесарево» — принцип, возможно применимый и в данном случае.

Исключительно умственный, интеллектуальный труд призван облагораживать душу и доставлять радость сам по себе. За него нельзя требовать вознаграждения. В идеальном государстве врачи, адвокаты, учёные должны работать исключительно на благо общества, а не для себя. Следование закону «работы за хлеб» совершит бескровную революцию в структуре общества. Человечество восторжествует, заменив борьбу за существование борьбой за взаимное служение. На смену закону зверя придёт закон человека.

В Индии существует особый тип людей, довольствующихся малым и наслаждающихся этой независимостью от собственных потребностей. Такой человек повсюду расхаживает с узелком, в котором вместе с горсткой муки хранится щепотка соли и перца чили. У него с собой неизменно кувшинчик-лота и верёвка, чтобы доставать воду из колодца. Больше ему ничего не нужно. В день он проходит пешком десять-двенадцать миль. В узелке он замешивает тесто, разводит костёр из нескольких сухих веточек и печёт на углях лепёшку, называемую бати. Он съедает её с удовольствием не потому, что она так уж вкусна, а потому, что аппетит появился у него, спокойного и умиротворённого, после честного труда. Друг и вечный спутник такого человека — Бог, такой человек богаче и могущественнее царя или императора. Бог не является тому, кто в душе жаждет сокровищ, принадлежащих другому. Всякий может взять поведение подобного человека за образец, насладиться невыразимым душевным покоем и счастьем и передать эту атмосферу блаженства окружающим. С другой стороны, алчущий богатства непременно кого-то эксплуатирует, даже если и не употребляет этого слова. Но и миллионы не принесут богачу радости. Истинное счастье дают лишь душевный покой и ощущение Божественного присутствия.

Смирение невозможно без самоумаления. Самоумаление есть мокша (духовное спасение). Служение, лишённое смирения, — это эгоизм и самолюбование.

Если человеком овладевает самодовольство, значит он перестал совершенствоваться и не сумеет обрести свободу. Тот, кто приносит малую жертву, но в духе смиренном и благочестивом, скоро постигает, сколь она ничтожна. Став на путь жертвенности, мы вскоре осознаем глубину своего эгоизма и должны постоянно отдавать всё больше и больше, испытывая растущую радость, и не успокаиваться до полной самоотдачи.

Пока мы сознательно не самоумалились, осознав своё полное ничтожество, мы не сумеем побороть зло в собственной душе. Бог требует всецело предаться Ему и не приемлет меньшей жертвы за единственную истинную свободу, к которой стоит стремиться. А утрачивая себя в полном и абсолютном смирении, человек тотчас же вновь обретает себя в служении всему живому, и это становится его счастьем. Он возрождается и отныне, в непрерывном служении, не устаёт отдавать себя Господним созданиям.

20. ЛЮБОВЬ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ

А. Закон любви против ненависти

Отбросив меч, я могу протянуть врагам своим лишь чашу любви. Именно так я надеюсь привлечь их на свою сторону.

Нетрудно любить друзей своих. Но возлюбить тех кто почитает себя твоими врагами, — вот суть истинной веры.

Если мы любим лишь тех, кто любит нас, мы ещё не стали на путь ненасилия. Только научившись любить ненавидящих нас, мы станем на этот путь.

Точное определение ахимсы предполагает самую возвышенную любовь и самое жертвенное милосердие. Если я стал на путь ахимсы, то просто *обязан* любить своего врага. Если обидчик — мой враг или незнакомец, я должен относиться к нему так же, как к оскорбившему меня отцу или сыну.

Я призываю вас очистить собственные души и преисполниться милосердия. Ваши сердца должны уподобиться глубокому океану... Не судите, и не судимы будете. Ведь есть Судия, превыше всех судий, и Он мог бы казнить вас, однако Он дарует вам жизнь. В вашей собственной душе и вокруг вас множество врагов, и всё же Он хранит вас и оберегает.

Слабый никогда не прощает. Прощение — добродетель сильного.

Часто говорят: «Средства — ничто, цель — всё». Я бы сказал: «Средства — всё, цель — ничто». Каковы средства, такова будет и цель. Средства и цель совершенно одинаковы, их ничто не разделяет. На самом деле Создатель дал нам (весьма ограниченную) власть над средствами, но не над целью. Достижение цели точно соответствует средствам, здесь не бывает исключений.

Поэтому меня занимал главным образом выбор средств и их высоконравственное использование. Я уверен, что если мы будем помнить об этом, то с лёгкостью достигнем цели. Кроме того, я убеждён, что продвижение к цели будет прямо зависеть от того, насколько чистые, незапятнанные средства мы выбираем.

Подобный метод может показаться кому-то утомительным, подобный путь — слишком длинным, но я уверен, что он быстрее всех прочих приведёт нас к цели.

Не бойтесь того, что ненасильственные методы предполагают долгий, трудный, утомительный процесс достижения цели. На самом деле он самый быстрый на свете, ибо он надёжнее всех остальных.

Соппротивление с любовью — сила, к которой могут прибегать и отдельные люди, и целые сообщества. Её можно использовать и в личной, и в общественной сфере. Её могут применять все, в любых обстоятельствах, она абсолютно универсальна и потому вечна и непобедима. Она может стать орудием в руках мужчин, женщин и детей. Совершенно неверно думать, будто к ней прибегают

только слабые, до тех пор, пока не могут ответить насилием на насилие. По сравнению с жестокостью, а значит, с любой тиранией, с любой несправедливостью эта сила точно свет во тьме.

Применяя метод ненасилия, нужно верить, что любой человек, сколь бы низко он ни пал, способен нравственно переродиться под воздействием любовного, гуманного обращения.

Моя вера убеждает меня в том, что нельзя наказывать даже убийцу, вора или бандита.

Объявляя себя сторонником ненасилия, человек не должен гневаться на того, кто обидел или унизил его. Он не пожелает зла обидчику; он по-прежнему будет доброжелателен к оскорбителю, не станет бранить своего врага, постарается не причинить ему физическую боль и смирится с оскорблением. Таким образом, ненасилие — это совершенная невинность. Совершенное ненасилие предполагает абсолютное отсутствие враждебности и доброжелательность ко всему живому. Поэтому исповедующий ненасилие бережёт даже тварей, включая вредных насекомых и зверей, ведь они были созданы не для того, чтобы удовлетворять наши разрушительные склонности. Если бы нам был ведом замысел Создателя, мы бы узрели их истинное место в Его творении. Поэтому ненасилие в его деятельной форме — доброжелательность ко всему живому. Это чистая, незапятнанная любовь. О ней я читал в священных писаниях индуизма, в Библии и Коране.

Ненасилие есть идеальное состояние. Это цель, к которой естественным образом, хотя и бессознательно, стремится всё человечество. Человек, которого можно счесть воплощением невинности, не уподобляется Божеству, а лишь становится человеком в истинном смысле этого слова. На нашей нынешней стадии развития мы одновременно и люди, и звери; в своём невежестве и высокомерии мы заявляем, что выполняем предназначение своего биологического вида, отвечая ударом на удар, а для этого предварительно распаляя себя и вводя во гнев. Мы притворяемся, будто верим, что возмездие — это закон бытия, хотя ни одно священное писание не говорит, что возмездие обязательно, а лишь утверждает, что оно допустимо. Обязательна же сдержанность. Возмездие есть потворство собственным страстям и как таковое должно строгим образом контролироваться. Сдержанность — закон нашего бытия, ибо высочайшее совершенство недостижимо без строжайшей сдержанности. Поэтому на знамени рода человеческого должно быть начертано «Страдание».

Цель вечно ускользает от нас. Чем более мы совершенствуемся, тем глубже осознаем, сколь мы недостойны. Удовлетворение должно приносить не достижение цели, а затраченные на это усилия. Абсолютная самоотдача равносильна абсолютной победе.

Если мы посмотрим на всю историю человечества, то обнаружим, что люди в процессе морального совершенствования неуклонно приближались к ахимсе. Наши далёкие предки практиковали людоедство. Затем, пресытившись каннибализмом, они стали добывать пропитание охотой. На следующей стадии человеку стало стыдно вести кочевую жизнь охотника и собирателя. Тогда он

занялся земледелием, и главные средства существования давала ему отныне мать-земля. Так, отказавшись от существования кочевника, он выбрал цивилизованную оседлую жизнь, основал поселения и города и сделался уже не просто членом семьи, но членом общины и народа. всё это признаки растущего тяготения к ахимсе и неприятия химсы. Если бы это было не так, люди уже давно вымерли бы как биологический вид, подобно многим низшим видам, исчезнувшим с лица земли.

Пророки и аватары также отчасти привили нам учение ахимсы. Никто из них не тщился проповедовать химсу. И как же иначе? Химсе можно не учить, ведь человек-зверь склонён к насилию, а человек-дух тяготеет к ненасилию. Как только он пробудится, услышав зов Духа внутри себя, он навсегда отвергнет насилие. Либо он будет неуклонно продвигаться по пути ахимсы, либо устремится к гибели. Вот потому-то пророки и аватары проповедовали истину, гармонию, братство, справедливость — всё это атрибуты ахимсы.

Однако волна насилия нарастает, и даже мыслящие люди полагают, что насилие — последнее средство борьбы. И всё же я показал, что история и опыт говорят об обратном.

Если поверить, что человечество неуклонно двигалось в направлении ахимсы, то оно должно и дальше идти по этому пути. Ничто в этом мире не пребывает в неподвижности, всё находится в движении. Отсутствие прогресса означает неминуемый регресс. Все вовлечены в это вечное круговращение, кроме Самого Бога.

Я обнаружил, что даже среди разрушения и уничтожения упорно продолжает существовать жизнь, а значит, есть закон превыше закона разрушения. Только в силу такого закона функционирует разумно организованное общество и в принципе имеет смысл жить. А если это закон жизни, мы должны претворить его и в быту. Всякий раз, когда возникают разногласия, когда против вас выступают ваши противники, побеждайте их любовью. Примерно так, весьма примитивно, я воплощал этот закон на практике в течение всей своей жизни. Это не означает, что я нашёл ответ на все вопросы и преодолел все трудности. Единственное, в чем я совершенно уверен, — это в том, что закон любви оправдал людские надежды в большей степени, нежели закон разрушения и уничтожения. Чем долее я тружусь над совершенствованием закона любви, тем более меня восхищает жизнь и замысел всего мироздания. В душе моей воцаряется мир, и мне кажется, будто я могу разгадать тайны природы, которые даже не в силах описать.

Я знаю, как трудно следовать этому великому закону жизни. Но разве не всё великое и достойное трудно? А труднее всего возлюбить ненавидящих нас. Однако милостью Божьей даже эту сложнейшую задачу выполнить будет просто, достаточно лишь захотеть.

В нынешний век чудес никто не отвергнет предмет или идею лишь потому, что они новые. Сказать, что то-то и то-то невозможно лишь потому, что труднодостижимо, — опять-таки не в духе времени. Мы каждый день становимся свидетелями прежде неслыханных открытий и изобретений, невозможное у нас на глазах становится возможным. Однако сегодня мы постоянно видим, как эти

открытия употребляются во имя насилия. Я же утверждаю, что куда более чудесные, на первый взгляд невозможные открытия будут совершены во имя ненасилия.

Я неисправимый оптимист. Мой оптимизм зиждется на вере, что конкретный человек способен бесконечно совершенствоваться, следуя стезёй ненасилия. Чем более вы работаете над собой, тем легче практику ненасилия перенимает ваше окружение, пока наконец ненасилие не станет всеобщим принципом и не распространится по всему миру.

В. Прямое действие

Не приемлите пассивности

В мире никогда ничего не предпринималось без прямого, непосредственного действия. Я отрицаю принцип пассивного сопротивления, поскольку оно явно недостаточно и всегда истолковывалось как оружие слабых.

Моя цель — жить в дружбе со всем миром, я умею сочетать глубочайшую любовь с глубочайшим неприятием зла.

Ненасилие не предполагает «отказа от всякой реальной борьбы со злом». Напротив, ненасилие, как я его понимаю, предполагает более активную и действенную борьбу со злом, нежели возмездие, истинная природа которого в том, чтобы приумножать насилие. Я сторонник интеллектуального, а значит, и морального неприятия безнравственности. Я стараюсь навеки затупить меч тирана, не подняв против него меч более острый, чем его собственный, а обманув его ожидания и не оказав ему физического сопротивления. Моё моральное сопротивление он сломить не сможет. Сначала оно ошеломит его, потом заставит признать мою правоту, а признав её, он не унижится, но возвысится.

Ненасилие — это активная позиция, предполагающая сознательное страдание. Быть приверженцем ненасилия означает не смиренно отдаться на волю злодея, но противопоставить ей всю свою душу. Воплощая на практике этот закон нашего бытия, один— единственный человек может бросить вызов всей мощи несправедливого государства, чтобы спасти свою честь, свою религию, свою душу и способствовать падению или возрождению этого государства.

Преодолейте трусость

Моя вера, основанная на ненасилии, исключительно энергична и деятельна. В ней нет места трусости и даже слабости. Можно надеяться, что человек, склонный к жестокости, когда-нибудь проникнется идеями ненасилия, но нет никакой надежды, что преобразится трус. Поэтому я неоднократно повторял, что, если мы не можем защитить себя, своих жён, свои святыни, принимая на себя страдание, то есть путём ненасилия, нам надлежит, если мы мужчины, защитить себя, своих жён, свои святыни в бою.

Ненасилие и трусость плохо сочетаются. Могу вообразить вооружённого до зубов человека — труса в душе. Если вы вооружены, значит по меньшей мере чего-то боитесь, даже если вы и не отъявленный трус. Однако ненасилие невозможно без неподдельной храбрости.

Сила коренится не в физической мощи. Она таится в несокрушимой воле.

Маленькая группа соратников, вдохновляемых неугасимой верой в своё призвание, может изменить ход истории.

Приверженец ненасилия должен воспитывать в себе способность к высочайшему самопожертвованию, чтобы избавиться от страха. Его не испугает потеря земель, богатства, самой жизни. Не преодолевший собственных страхов не может достичь совершенства в практике ахимсы. Приверженцу ахимсы знаком только один страх — страх Божий.

Там, где есть место страху, нет подлинной веры.

Ничто в этом мире нам не принадлежит. Даже мы сами принадлежим Ему. Зачем нам тогда бояться хоть чего-то?

Преисполнимся страха Божьего и перестанем бояться человека.

Духовность не исчерпывается знанием священного писания и дискуссиями на философские темы. В первую очередь это воспитание собственной души и обретение неизмеримой силы. Бесстрашие — неотъемлемое свойство духовности. Трусы всегда безнравственны.

Истинный сатьяграх распрощался со страхом. Поэтому он никогда не боится верить противнику. Даже если противник двадцать раз обманывал его, он готов поверить ему в двадцать первый, ибо веру в исконно благую человеческую природу подразумевает самая сущность его убеждений.

Давайте каждое утро, тотчас же по пробуждении, вступать в новый день, произнося следующий обет: «Я не убоюсь никого на свете. Убоюсь одного лишь Господа. Я ни на кого не затаю злобу. Я ни от кого не потерплю несправедливости. Я буду бороться с ложью, провозглашая истину, и, сопротивляясь лжи, приму любые страдания».

Решитесь остаться в одиночестве

Внутренний голос, который никогда меня не обманывал, сейчас шепчет мне: «Ты должен бросить вызов целому миру, но возможно, тебе придётся бороться в одиночестве. Ты должен смело посмотреть миру в лицо, но возможно, мир уставится на тебя глазами, налитыми кровью. Не бойся. Доверься тихому, едва слышному голосу, который живёт у тебя в душе и сейчас напоминает: “Оставь

жену, друзей и всех близких, но сохрани верность тому, ради чего жил и ради чего должен умереть”».

Числом воюют робкие и боязливые. Истинно доблестный с радостью выходит на битву в одиночестве.

Величайшие гении человечества всегда творили и боролись в одиночестве. Например, великие пророки Заратустра, Будда, Христос, Магомет — все они остались в одиночестве, как и многие другие, кого я могу назвать. Однако живая вера в себя, в своего Создателя и в то, что Он на их стороне, помогала им никогда не чувствовать одиночества.

Уповай на Бога

Ненасилие одержит победу, только когда мы обретём живую веру в Бога.

В справедливой борьбе дхармаюддхе Господь сам разрабатывает стратегию и предводительствует войском. Дхармаюддху можно вести только во имя Бога, и только когда сатьяграх чувствует себя совершенно беспомощным, исчерпал все доступные средства и его окутывает крошечная тьма, Господь приходит ему на помощь.

Я выучил один урок: то, что представляется человеку невозможным, — детская игра для Бога, и если мы верим в Божество, управляющее судьбой ничтожнейшего из Своих созданий, то, несомненно, нет ничего невозможного и для нас, и, вдохновляемый этой главной надеждой, я живу, дышу и пытаюсь повиноваться Его воле.

Я *знаю* свою стезю. Она пряма и узка. Она подобна лезвию меча. Я преисполняюсь радости, ступая на неё. Я плачу, оступившись. Господь рек: «Тот, кто не оставляет усилий, не погибнет». В душе я верю этому обетованию. А посему, хотя в слабости моей случалось мне согрешить и пасть тысячу раз, я не утрачу веру.

Сатьяграх, разумеется, знает, что спасение приходит, когда почти угасает надежда. Ибо такова воля Божества, одновременно благого и жестокого: Оно неизменно закаляет верующего в огненном горниле, проверяя его на прочность, и с радостью смиряет его гордыню, повергая во прах.

Убеждай противника, добровольно принимая на себя страдание

Любовь никогда ничего не требует, она только дарует. Любовь лишь претерпевает страдание, но никогда не мстит.

Я пришёл к важному выводу: если вы хотите чего-то добиться, то должны не только апеллировать к разуму, но и тронуть сердце своего противника. Аргументы, основанные на логике, скорее достигают цели, но задеть какие-то струны в сердце оппонента вы можете, только добровольно взяв на себя страдание. Оно отверзает духовные очи.

Я постепенно проникался убеждением, что высшие цели достигаются не одними лишь рациональными методами, а в первую очередь страданием. Страдание — закон человеческого мира, война — закон джунглей. Однако страдание — бесконечно более действенное средство для обращения противников и отверзания их ушей, которые в противном случае так и не научились бы внимать.

Религия ахимсы заключается в предоставлении другим максимальных свобод и удобств при максимальном ограничении свобод и удобств для себя самого, вплоть до угрозы собственной жизни.

Самое ожесточившееся сердце и самое грубое невежество неизбежно растают в лучах восходящего солнца страдания без гнева и злобы.

Старайтесь обратить противника в свою веру

Часто забывают, что истинная цель сатьяграха — не смутить обидчика. Сатьяграх никогда не стремится запугать противника, а всегда должен вызывать и вызывает к его сердцу. Истинная цель сатьяграха — не принудить противника сдаться, а обратить его в свою веру.

Сатьяграх неизменно пытается обратить своего оппонента исключительно силой своего характера и страданием. Чем он чище душой и чем более страдает, тем скорее добьётся цели.

Целью выбравшего ненасилие должно быть обращение других. Однако ему не стоит ждать бесконечно. Поэтому, когда все иные возможности исчерпаны, он идёт на риск и обдумывает планы активной сатьяграхи, в частности предполагающей гражданское неповиновение.

Сатьяграха

Поскольку сатьяграха — наиболее мощное средство прямого воздействия, сатьяграх имеет право прибегнуть к ней, только полностью исчерпав все прочие. Поэтому вначале он должен постоянно, неустанно апеллировать к законным властям, к общественному мнению, просвещать всех желающих, спокойно и хладнокровно излагать свою точку зрения всякому, кто согласен слушать, и, лишь исчерпав все иные возможности, обратиться к сатьяграхе как к последнему средству. Однако, вняв настоятельному призыву внутреннего голоса и смело став на путь сатьяграхи, он сжигает все мосты и уже не может повернуть назад.

Радость должны приносить борьба, дерзание, страдание, потребное для достижения цели, но не сама победа.

Я с радостью смотрю, как тысячи добровольно погибают за дело сатьяграхи, не потому, что не ценю жизнь, но потому, что в конце концов сатьяграха приведёт

к спасению большего числа жизней и, кроме того, возвысит тех, кто добровольно принял за неё смерть, и нравственно обогатит мир, осознавший красоту их жертвы.

Мои посты

Могу сказать, что начал часто и подолгу поститься с 1913 года, увидев в воздержании от пищи метод духовного совершенствования. Поститься мне случалось и прежде, однако с иными целями. Я совершенно уверен, что в целом многочисленные посты оказали на меня благотворное влияние. Окружающих, заинтересовавшихся моими практиками, они неизменно побуждали задуматься о своём нравственном облике и в чем-то подражать мне. Не знаю ни одного случая, чтобы мои посты причинили кому-то боль. Они никого никоим образом ни к чему не принуждали. Более того, рассмотрев критику в свой адрес, я убедился, что неправомерно употреблять само слово «принуждение» для обозначения влияния, оказываемого постами. Принуждение есть насилие, применяемое *против* того, кого мы хотим себе подчинить этим жестоким актом. Я же, постясь, применял силу только против самого себя. Разумеется, добровольно взятое на себя страдание нельзя приравнять к страданию, на которое мы обрекаем тех, кого хотим к чему-то принудить. Если же я пощусь, чтобы пробудить совесть друга, в моих глазах явно заблуждающегося, то ни к чему не принуждаю его в обычном понимании этого слова.

Дело в том, что посты с целью духовного совершенствования неизменно влияют на всех, кто окружает постящегося. Потому-то указанные посты именуются «тапас». А любые тапас неизменно очищают душу тех, ради кого их соблюдают.

Разумеется, постами можно злоупотреблять, особенно когда они служат каким-либо эгоистическим намерениям. Пост, соблюдаемый для того, чтобы вымогать деньги или достичь какой-либо иной неблагоприятной цели, равносителен принуждению или подавлению воли. Я без колебаний советую всячески сопротивляться подобному подавлению личности. Я сам с успехом сопротивлялся принуждению, которому пытались подвергнуть меня постящиеся или замышляющие пост. А если мне станут возражать, что граница между эгоистической и альтруистической целью весьма тонка, я буду утверждать, что человек, которого, как ему представляется, пытаются лишь принудить к чему-то с помощью поста, должен решительно воспротивиться подобному давлению, пусть даже постящийся погибнет от голода. Не следует обращать внимание на посты, соблюдаемые для достижения каких-то эгоистичных, неблагоприятных целей. Как и любые другие установления общества, посты можно использовать во благо и во зло. Но это важное оружие в арсенале сатьяграхи, и потому его нельзя отвергнуть из-за того лишь, что кто-то им злоупотреблял. Сатьяграха задумывалась как действенная альтернатива насилию. Она ещё только начинает широко применяться и, естественно, не может считаться совершенной. Однако, как зачинатель современной сатьяграхи, я не могу отказаться ни от одной сферы её использования, не отвергнув тем самым её основной цели — смиренного служения идеалам духа.

Несотрудничество

Хотя несотрудничество и составляет неотъемлемую часть моих убеждений, в моих глазах это всего лишь прелюдия к сотрудничеству. Я отказываюсь сотрудничать с методами и системами, а не с людьми.

За моим несотрудничеством скрывается горячее желание сотрудничать по любому поводу даже с самым ожесточённым противником.

Моё несотрудничество коренится не в ненависти, а в любви. Моя личная вера строго запрещает мне ненавидеть. Эту простую, но великую доктрину я воспринял двенадцати лет от роду благодаря школьному учебнику и до сих пор пребываю в данном убеждении. Более того, с каждым днём оно только усиливается. Для меня оно превратилось в пламенную страсть.

Гражданское неповиновение несправедливому государству

Гражданское неповиновение — неотъемлемое право человека. Достаточно его лишиться, чтобы перестать быть человеком. Гражданское неповиновение, в отличие от преступного, никогда не перерастает в анархию. Любое государство силой подавляет преступное неповиновение и обречено погибнуть, если не решается на это. Но подавлять гражданское неповиновение — значит бросить в застенки совесть.

Убеждённый сторонник гражданского сопротивления просто игнорирует власть государства. Он объявляет себя вне закона, отказываясь исполнять безнравственные законы государства. Например, он может перестать платить налоги, но признавать власть государства в повседневной жизни. Он может намеренно не замечать таблички «Посторонним вход воспрещён» и входить в воинские казармы, чтобы вести агитацию среди солдат, он может устроить пикет в разрешённом месте или вне его. Поступая таким образом, он никогда не прибегает к насилию и не противится, если силу применяют к нему.

Я твёрдо убеждён, что гражданское неповиновение — идеальная форма конституционной агитации. Разумеется, она достойна презрения и заслуживает позора, если её гражданский, то есть ненасильственный, характер — всего лишь ширма.

Чтобы оставаться в рамках гражданских акций, неповиновение должно быть искренним, следует уважать оппонентов, никому не бросать вызов, твёрдо основываться на каком-либо принципе, воздерживаться от всяческого своеволия и прежде всего избегать любой ненависти и недоброжелательства.

Гражданское неповиновение требует минимального числа солдат. На самом деле, чтобы Добро одержало победу над Злом, достаточно *одного* сторонника гражданского сопротивления, совершенного в своих помыслах и поступках.

С. Вместо войны

Не защищайтесь мечом

Я не визионер. Я лишь притязаю именоваться практическим идеалистом. Религия ненасилия не предназначена одним лишь риши и святым. Её могут разделять и простые люди. Ненасилие — закон нашего биологического вида, подобно тому как насилие — закон, царящий среди животных. Дух животных спит, они не знают других законов, кроме закона сильного. Человеческое достоинство требует повиновения высшему закону — силе духа.

Поэтому я решился напомнить Индии о древнем законе самопожертвования, ибо сатьяграха и её производные, несотрудничество и гражданское неповиновение, — всего лишь новые имена издавна известного закона страдания. Риши, открывшие закон ненасилия в царстве жесточайшего насилия, были учёными более гениальными, чем Ньютон, и воинами более храбрыми, чем Веллингтон. Великолепно владея оружием, они осознали всю его бесполезность и стали проповедовать уставшему от жестокости миру, что спасение придёт через ненасилие.

Вот так и я предлагаю Индии практиковать ненасилие отнюдь не потому, что считаю её слабой. Я хочу, чтобы она ступила на путь ненасилия, осознавая своё могущество и власть. Не нужно упражняться с оружием, чтобы применить эту силу на практике. Нам кажется, будто мы нуждаемся в оружии, ибо мы склонны видеть себя бездушной плотью. Я же хочу, чтобы

Индия увидела в себе бессмертную душу, способную восторжествовать и воспарить над любой физической слабостью и бросить вызов могуществу всего мира. Разве Рама, всего-навсего смертный, с войском обезьян, не выступил против преисполнившегося гордыни, могущественнейшего десятиголового Раваны, когда тот мнил себя в безопасности на острове Ланка, со всех сторон окружённом бушующими водами океана? Неужели это не символ величия духа, перед которым склоняется грубая сила? Если Индия выберет путь меча, она, возможно, какое-то время будет пожинать плоды побед. Но я не смогу гордиться такой Индией. Я ощущаю себя частью Индии, ибо обязан ей всем. Я совершенно уверен, что в мире ей назначена особая миссия. Она не должна слепо подражать Европе. Если Индия выберет меч, для меня пробьёт час суровых испытаний. Надеюсь, что не изменю себе. Моя вера не имеет географических границ. Если я обладаю живой верой, она окажется даже превыше моей любви к Индии. Моя жизнь отдана служению Индии через религию ненасилия, которая, по моему убеждению, лежит в основе индуизма.

Участие в военных действиях

Будучи убеждённым пацифистом, я никогда не учился обращаться с оружием уничтожения, хотя у меня были такие возможности. Вероятно, именно поэтому мне удалось избежать непосредственного участия в убийстве. Однако пока я жил по законам, установленным государством, основанным на насилии, и добровольно пользовался льготами и привилегиями, которые это государство мне предоставляло, я был обязан оказывать ему помощь в полную меру своих сил и способностей, когда оно вело войну. Впоследствии, объявив, что более не

сотрудничаю с этим государством и полностью отказываюсь от всех льгот и привилегий, я разомкнул этот порочный круг.

Приведу пример. Я состою членом общины, которой принадлежит несколько акров земли, и посевам на этой земле постоянно угрожают обезьяны. Для меня всякая жизнь священна, и потому я полагаю причинение любого вреда обезьянам нарушением ахимсы. Тем не менее я без колебаний отражаю нападение обезьян и всячески поощряю в этом других членов общины, чтобы спасти посевы. Я сделал бы всё, чтобы избежать этих акций возмездия. Я мог бы избежать их, либо оставив общину, либо распустив её. Однако я не делаю этого, так как отдаю себе отчёт в том, что едва ли смогу найти общество, не знающее земледелия и потому не уничтожающее волей-неволей тех или иных живых существ. Трепеща в страхе и смирении, в глубоком раскаянии я вместе с моими друзьями причиняю вред обезьянам, надеясь рано или поздно найти выход из этого тупика.

И всё же я трижды косвенно принимал участие в войнах. Мне не оставалось ничего иного, с моей стороны было бы безумием разорвать все связи с обществом, которому я принадлежал. В этих трёх случаях я не задумывался о прекращении сотрудничества с британским правительством. Сегодня моё отношение к несотрудничеству полностью изменилось, и потому я не буду добровольно участвовать в войнах и предпочту тюремное заключение и даже виселицу, лишь бы не брать в руки оружие и не принимать никакого участия в войнах.

Впрочем, это не решает проблему. Если бы в Индии появилось национальное правительство, то я, по-прежнему не принимая непосредственного участия в боевых действиях, мог бы вообразить ситуации, когда счёл бы своим долгом проголосовать за введение военной подготовки для тех, кто готов взять в руки оружие. Ведь я знаю, что не все члены общества убеждены в необходимости ненасилия так же твёрдо, как и я, а человеку или обществу нельзя навязывать принцип ненасилия.

Ненасилие идёт таинственными путями. Зачастую чьи-то поступки нельзя проанализировать в его терминах. Столь же часто деяния человека производят впечатление жестоких и насильственных, однако на самом деле исполнены самого возвышенного ненасилия, но осознать это способны только грядущие поколения. Единственное, чем я могу оправдать собственное поведение, — это тем, что я, как и в приведённом примере, неизменно действовал в интересах ненасилия. Никакими сомнительными национальными или другими подобными интересами я не руководствовался.

Разоружение

До того, как вся Европа начнёт разоружаться (а это неизбежно), чтобы не совершить самоубийства, какому-то народу придётся взять на себя огромный риск и первым решиться на разоружение. Процент сторонников ненасилия среди представителей этого народа, если таковой вообще найдётся, естественно, будет столь высок, что станет вызывать всеобщее уважение. Этот народ будет непогрешим в своих суждениях, твёрд в решениях, исключительно способен к героическому самопожертвованию. Он будет жить не только для себя, но и ради других народов.

Следует ограничить мировое производство оружия, подобно продаже опиума. Оружие, вероятно, принесло миру больше горя, чем опиум.

Если бы не существовало жадности, никому не понадобилось бы оружие.

Мир во всём мире

Если бы признанные мировые лидеры, в чьих руках находится оружие массового уничтожения, полностью отказались от его использования, отдавая себе отчёт в последствиях подобного шага, то в мире навеки удалось бы установить мир. Я убеждён, что корень зла здесь таится в отсутствии живой веры в живого Бога. Глубочайшая трагедия человечества заключается в том, что народы, по собственным уверениям исповедующие христианство, то есть религию Иисуса Христа, которого они именуют Князем Мира^[11], едва ли готовы жить в мире. Печально слышать, как искренне верующие христианские священники и богословы заявляют, будто послание Христа обращено лишь к избранным. С детства меня учили, а впоследствии я неоднократно убеждался на опыте, что даже ничтожнейший из смертных способен воспитать в себе основные человеческие добродетели. Именно эта способность, несомненно присущая всем людям, отличает их от прочих Божьих созданий. Даже если хотя бы один народ окажется в состоянии совершить акт высшего самопожертвования, ничего не требуя взамен, то, возможно, мы успеем увидеть, как на всей земле воцарится мир.

Я не устаю повторять, что ни союзники, ни весь земной шар не добьются установления прочного мира, пока не отвергнут войну как способ решения политических проблем — а вместе с нею её непререкаемых спутников: ужасную фальшь и обман — и не приступят решительно к созданию истинного мира, основанного на свободе и равенстве всех рас и народов.

21. ЛЮБОВЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЖИВОТНОМУ ЦАРСТВУ

А. Милосердие к животным

Ахимса — это всеобъемлющий принцип. Мы — беспомощные смертные, и вокруг нас бушует чудовищный пожар химсы. Изречение «Одна жизнь, чтобы жить, уничтожает другую» имеет глубокий смысл. Человек не может прожить ни секунды, не совершая сознательно или несознательно химсы по отношению к внешнему миру. Человек ест, пьёт, движется, и уже сам факт его существования предполагает некую долю химсы, разрушения жизни, хотя бы речь шла о насекомых или даже о микробах. Поэтому истинный приверженец ахимсы не изменяет своей вере, если все его поступки вдохновлены состраданием, если он по мере сил избегает причинять боль даже

ничтожнейшим существам, если он пытается спасти их, если таким образом неустанно старается вырваться из смертельных объятий химсы.

Опять-таки, поскольку ахимса есть тайная основа и объединяющее начало всей жизни, заблуждение одного неизбежно сказывается на других, и потому человек никогда не сможет полностью избыть необходимость химсы. Пока он остаётся общественным существом, он не может не принимать участие в химсе, без которой погибнет само общество.

Иногда наш долг — отнять жизнь. Проверим правильность этого утверждения.

Мы уничтожаем столько живых существ, сколько нам представляется необходимым для поддержания собственной жизни. Например, мы отнимаем жизнь, принимая пищу, даже если ограничиваемся овощами.

Стремясь сохранить здоровье, мы, например, уничтожаем moskitov инсектицидами и т. д. Однако мы вовсе не думаем, что совершаем тем самым святотатство.

В перечисленных случаях мы решаемся на акты химсы ради себя самих. Но ради других, то есть для пользы всего биологического вида, мы убиваем хищников. Если львы и тигры постоянно нападают на деревню, крестьяне считают своим долгом убить их самостоятельно или пригласить охотника.

Иногда бывает необходимым даже убийство человека. Например, когда он впадает в буйное помешательство, в ярости хватает меч, убивает всякого, кто встретится ему на пути, а пленить его живым слишком рискованно. Любой, кто убьёт этого маньяка, заслужит признательность общества и будет считаться благодетелем человечества.

С точки зрения ахимсы очевидный долг каждого — отнять жизнь у подобного убийцы. Существует лишь одно исключение из этого правила, если его можно так назвать. Йог, который смирил бы ярость этого безумца, мог бы оставить его в живых. Однако мы говорим не о праведниках, почти достигших совершенства; мы обсуждаем долг общества, состоящего из обычных людей, склонных заблуждаться.

Можно спорить, насколько уместные примеры я привёл. Но даже если они не очень удачны, можно вообразить и более подходящие. Я лишь пытался показать, что воздержание от убийства далеко не всегда бывает абсолютным долгом.

Дело в том, что ахимса — это не просто желание избежать убийства. Химса означает причинять боль или убивать во гневе либо для собственной выгоды, либо с намерением насладиться чужими страданиями. Воздерживаясь от подобных поступков и желаний, мы практикуем ахимсу.

Врач, прописывающий горькое лекарство, причиняет вам боль, но не совершает акт химсы. Если он не в силах заставить себя прописать горькое лекарство, когда это необходимо, он не выполняет долга ахимсы. Хирург, опасаясь ранить пациента и потому не ампутирующий поражённую гангреной руку или ногу, виновен в химсе. Тот, кто не отнимает жизнь у убийцы, вознамерившегося убить его сына или воспитанника (если не может предотвратить убийство иным способом), не заслуживает похвалы, а совершает грех химсы под предлогом следования ахимсе.

А теперь давайте выясним, в чем же коренится ахимса. Это совершенная самоотверженность и бескорыстие. Самоотверженность предполагает полное забвение нужд собственного тела. Когда некий мудрец стал свидетелем того, как человек убивает созданий больших и малых ради удовлетворения нужд собственного тела, он испытал потрясение от его невежества. Он проникся жалостью к убийце, ведь тот забыл о своей бессмертной душе, заключённой в брэнном теле, и предпочёл призрачные физические наслаждения вечному блаженству духа. Отсюда мудрец сделал вывод о необходимости полного самоотречения. Он осознал, что если человек жаждет постичь себя самого, то есть истину, он должен совершенно отвергнуть собственное тело и его нужды, чтобы ни одно живое существо не ощущало перед ним страха. Такова стезя ахимсы.

Осознание этой истины свидетельствует, что грех химсы заключается не просто в посягательстве на жизнь другого существа, но в совершении этого ради удовлетворения нужд собственного брэнного тела. Значит, любое уничтожение жизни в процессе потребления пищи и питья и т. п. эгоистично и, следовательно, представляет собой химсу. Однако человек полагает, что оно неизбежно, и мирится с ним. Но проявлениями химсы не могут считаться безболезненное умерщвление страдающих существ или уничтожение потенциального убийцы, злоумышляющего против вверенных нашему попечению беспомощных созданий, если его нельзя обезвредить иным способом.

Подобную аргументацию нередко используют лукаво и даже во зло. Но причина тому — не её ложный характер, а изначальная слабость человеческой натуры, вечное стремление человека к самообману в его желании удовлетворить свои эгоистичные, своекорыстные нужды. Однако, хотя мы идём на риск, мы должны попытаться дать определение истинной природе ахимсы. Обобщая вышесказанное, мы можем сделать следующие выводы:

1. Нельзя поддерживать собственное тело, в той или иной степени не уничтожая другие тела.

2. Все вынуждены отнимать чью-то жизнь:

- а) для того, чтобы поддержать жизнь в собственном теле;
- б) для того, чтобы спасти жизнь тех, кто вверен их попечению;
- с) иногда ради тех, у кого отнимают жизнь.

3. *a* и *b* в пункте 2 означают большую или меньшую степень проявления химсы, *c* не предполагает химсы, а потому являет собой ахимсу. Химсы типа *a* и *b* избежать нельзя.

4. Следовательно, сознательный приверженец ахимсы старается совершать указанные в пунктах *a* и *b* акты химсы как можно реже и лишь в тех случаях, когда этого нельзя избежать, тщательно обдумав все последствия своего поступка и исчерпав все иные средства.

Причинять боль, желать зла или отнимать жизнь у любого живого существа во гневе или из корыстных побуждений есть проявления химсы. С другой стороны, по здравом размышлении, без гнева лишить жизни или причинить боль живому существу из чистых, альтруистических побуждений ради его же духовного или физического блага есть высочайшее проявление ахимсы. Каждый подобный случай нужно рассматривать по существу, отдельно от прочих. Проверку на ненасилие он пройдёт, если в его основе лежали альтруистические намерения.

Хотя, несомненно, главным тестом на ненасилие является нравственная сторона наших мотивов, это не единственный способ установить, не совершаем ли мы акт жестокости. Убить живое существо по любым соображениям, кроме его собственного блага, есть химса, какими бы благородными побуждениями ни руководствовался убийца. Человек, затаивший злобу на другого, в неменьшей степени виновен в химсе, так как лишь опасение нарушить установленный обществом закон или невозможность навредить недругу не даёт ему реализовать свой замысел. Поэтому, решая, считать ли конкретный поступок или воздержание от него ахимсой, стоит учитывать и чистоту намерений, и мотивы деяния или недеяния.

Я мучительно осознаю, что моё желание и далее жить в этом теле постоянно вовлекает меня в круговорот химсы. Вот почему моё физическое тело всё меньше и меньше занимает мои мысли. Например, я знаю, что в процессе дыхания уничтожаю бесчисленные невидимые бактерии в окружающем меня воздухе. Но я не перестаю дышать. Употребление в пищу овощей также предполагает химсу, но я не могу от них отказаться. Использование антисептиков — опять-таки акт химсы, но я не могу обойтись без дезинфицирующих средств, например без керосина, чтобы избавиться от mosquitos и подобных им напастей. Я позволяю убивать змей в ашраме, когда их не удаётся поймать и выпустить за его пределы от греха подальше. Я даже разрешаю в ашраме погонять волов палкой. Таким образом, акты химсы, которые я прямо или опосредованно совершаю, бесконечны. А теперь ещё мне очень докучают обезьяны. Читатель, позвольте мне уверить вас, что я отнюдь не спешу идти на крайние меры и убивать обезьян. В сущности, я даже вовсе не уверен, что решусь на такой шаг. Как бы там ни было, мне помогают друзья, они обращаются ко мне с полезными предложениями, и, если я воспользуюсь их советами, мне, возможно, удастся, по крайней мере временно, избежать убийства животных. Однако сегодня я не могу обещать, что никогда не буду убивать обезьян, особенно если они уничтожат все посевы в ашраме. Если, прочитав эту смиренную исповедь, друзья решат прекратить со мной всякое общение, сочтя меня великим грешником, я буду горевать, но ничто не заставит меня скрыть тот факт, что я не добился совершенства, пытаюсь практиковать ахимсу. Я уверяю лишь, что неустанно стараюсь понять скрытые смыслы таких великих идеалов, как ахимса, воплощать их мыслью, словом и делом, и, возможно, даже не без успеха. Впрочем, я знаю, что мне ещё предстоит долгий путь.

Во всех наших ашрамах — в Фениксе, на ферме Толстого, в Сабармати — мы взяли за правило не уничтожать ядовитых рептилий и по большей части придерживались этого установления. Хотя каждый раз мы селились на прежде необитаемых землях, ни один из наших товарищей не погиб из-за укуса змеи. Глазами верующего я различаю здесь волю милосердного Господа. Не стоит придирается к моим словам и говорить, что Бог, мол, беспристрастен и что у Него нет времени вмешиваться в повседневные дела людей. Я не могу иначе облечь в слова этот удивительный факт и по— другому описать собственный

опыт, безошибочно приводящий меня к одним и тем же выводам. Человеческий язык может лишь несовершенно описать пути

Господни. Я отдаю себе отчёт в том, что они неопишуемы и неисповедимы. Однако, если смертный решится описать их, в его распоряжении не будет лучшего средства, чем его собственный, полный изъянов грешный язык. За двадцать пять лет ни один член общины не пострадал, хотя каждый сознательно внедрял в жизнь практику ненасилия, и я считаю, что это не случайность, а милость Божия. Пусть меня обвинят в суеверии и предрассудках, я всё равно не изменю своего мнения.

Я исповедую собственную разновидность ахимсы. Я не могу полностью принять доктрину, запрещающую убийство животных. Мне совершенно не хочется спасать жизнь животных, ранящих или даже готовых пожрать человека. Думаю, что их численность следует уменьшать. Поэтому я не собираюсь подкармливать муравьёв, обезьян или собак. Я никогда не пожертвую человеческой жизнью ради их спасения.

Обдумывая эту проблему, я пришёл к заключению, что простительно избавляться от обезьян там, где они угрожают человеку. В таком случае убийство становится долгом. Может возникнуть вопрос, нельзя ли применять это правило и к людям. Нельзя, потому что, как бы порочен и исполнен скверны человек ни был, он равен нам. В отличие от животных, Господь наделил человека разумом.

В. Вегетарианство

По-моему, жизнь ягнёнка не менее ценна, чем человеческая. Я не хотел бы лишать жизни ягнёнка, чтобы поддержать человеческое тело. Полагаю, чем беспомощнее Божье создание, тем больше прав оно имеет на защиту от человеческой жестокости, и эту защиту должен обеспечить праведник.

Возможно, я ошибаюсь, но по религиозным соображениям я убеждён, что человек не должен употреблять в пищу мясо, яйца и тому подобное. Нужно установить предел даже нашему стремлению остаться в живых. Некоторые поступки мы не должны совершать даже ради сохранения собственной жизни.

Я полагаю, что мясная пища не требуется человеку, в какую бы эпоху и в каком бы климате он ни жил. Мне кажется, мясная пища не подходит человеку как биологическому виду. Стараясь подражать низшим животным, мы заблуждаемся, ведь на самом деле мы превосходим их. Опыт подсказывает, что мясная диета не годится тем, кто хочет обуздать собственные страсти.

Однако не стоит недооценивать значение еды для формирования характера или умерщвления плоти. Диета — важный фактор, и не следует им пренебрегать. Но сводить все религии только к диетическим предписаниям, как зачастую делают в Индии, столь же неправильно, сколь и отвергать всяческую воздержанность и предаваться гедонизму и чревоугодию. Вегетарианство — один из бесценных даров индуизма, от него нельзя бездумно отказываться. Поэтому необходимо искоренить необоснованное мнение, что растительная диета сделала нас духовно и физически слабыми, пассивными и инертными, не способными к действию.

Величайшие индийцы-реформаторы проявляли исключительную энергию в своей общественной деятельности, неизменно будучи вегетарианцами. Неужели в своё время кто-то был более деятелен, нежели, например, Шанкара или Даянанда?

Выбор диеты не должен определяться авторитетом того или иного лица. Каждый должен придерживаться той или иной диеты, опираясь на свой собственный, неповторимый опыт. Ныне, в особенности на Западе, существует целый ряд трудов, посвящённых вегетарианству, и любой, жаждущий истины, может с пользой их прочитать. Многие известные медики занимались этим вопросом и публиковали работы о вегетарианском питании. Здесь, в Индии, мы не нуждаемся в пропаганде вегетарианства, ибо оно до сих пор считается наиболее приемлемым и наиболее почтённым обычаем.

Следует помнить, что одна лишь дживадайя (любовь к животным) не позволит нам победить «семь заклятых врагов» в собственной душе, а именно похоть, гнев, жадность, безрассудство, гордыню и ложь. Покажите мне человека, который полностью преодолел собственное «я», преисполнился доброжелательства и любви ко всему живому и следует закону любви во всех своих деяниях, и я отнесусь к нему с глубоким почтением, даже если он будет мясоедом. С другой стороны, дживадайя никак не возвышает человека, проникнутого злобой и томимого похотью, пусть он даже ежедневно кормит муравьёв и насекомых и воздерживается от убийства живых существ. Это просто механическое исполнение обряда, лишённое всякой духовной ценности, или, хуже того, лицемерие в попытке скрыть развращённость.

С. Вивисекция

Вивисекция внушает мне глубокое отвращение. Я решительно не приемлю убийства невинных созданий во имя науки и так называемого гуманизма, а все научные открытия, запятнанные кровью невинных тварей, в моих глазах не стоят ничего. Если теорию кровообращения нельзя было открыть без вивисекции, то уж лучше бы человечество обошлось без неё. Я ясно вижу, что недалёк тот день, когда честный западный исследователь откажется от ряда ныне принятых научных методов. Наука будущего станет ценить и беречь не только человечество, но и всё живое. Ныне мы уже не готовы согласиться с тем, что индийцы могут благоденствовать, губя и унижая пятую часть своих собратьев, или с тем, что народы Запада могут возвыситься и процветать, эксплуатируя и ввергая в несчастья народы Востока и Африки. Точно так же мы в своё время признаем, что должны господствовать над животным миром не для уничтожения, а для его же блага, которое мы должны ценить наравне с собственным, ибо я убеждён, что животные, как и мы, наделены душой.

Склоняясь перед Землёй, мы должны научиться у неё смирению. Она хранит и питает существа, попирающие её. Поэтому её по праву можно считать супругой Вишну. Мне кажется, подобное представление никак не грешит против истины. Напротив, оно прекрасно и полностью согласуется с идеей Божественного всеприсутствия. Для Него не существует неодушевлённой природы. Мы — дети

Земли. Если Земля погибнет, мы исчезнем вместе с ней. Я отчётливее чувствую близость к Богу, ощущая Его через посредство Земли. Склоняясь перед Землёй, я тотчас же осознаю свои нравственные обязательства перед Ним, и, если я достойное дитя этой Матери, я тотчас же умалюсь, сравнившись с прахом, и возрадуюсь, ощутив своё родство не только с ничтожнейшим своим собратом-человеком, но и с ничтожнейшим живым существом, судьбу которого — обращение в прах — мне предстоит разделить. Ничтожнейшее живое существо столь же бессмертно, сколь и моя душа.

Раздел пятый. В ПОМОЩЬ ТОМУ, КТО ИСПОВЕДУЕТ МОЮ РЕЛИГИЮ

22. ПОСТ И МОЛИТВА

Пост и молитва как религиозные практики известны с глубокой древности. Истинный пост очищает тело, разум и душу. Он умерщвляет плоть и, соответственно, освобождает от оков души. Искренняя молитва способна творить чудеса. Она есть страстная тоска души по чистоте. Обретённая стезёй праведности, чистота, если она употреблена во благо, становится молитвой. Поэтому пост и молитва — наиболее действенные средства очищения, которое неизменно позволяет нам лучше исполнить свой долг и достигнуть своей цели. Если по временам кажется, будто пост и молитва не находят отклика, это бывает лишь потому, что мы не преисполнились потребного для их практики духа.

Чтобы усовершенствоваться в ходе поста, необходимо всячески предаваться благочестивым размышлениям и решительно противиться всем искушениям Сатаны. Точно так же молитва, чтобы обрести искренность, должна быть ясной и недвусмысленной. Молящемуся следует полностью отождествить себя с ней. Перебирать чётки с именем Аллаха на устах, думая при этом о вещах посторонних, — занятие не просто бесполезное, а вредное.

Моя религия учит меня, что, сталкиваясь с непоправимой бедой, надлежит поститься и молиться.

А. Посты

Я твёрдо убеждён, что сила души возрастает в той мере, в какой мы умерщвляем плоть.

Ищущему, чающему жить в страхе Божиим и узреть Бога столь же необходимо ограничивать количество пищи и выбирать скудный рацион, сколь и соблюдать воздержанность в мыслях и речах.

Пост должен охватывать как можно более широкие сферы жизни. Пост, которому мы подвергаем тело, должен *обуздать все* чувства. Скудная пища,

упомянутая в «Бхагаватгите», также есть вариант поста. «Бхагаватгита» предписывает не умеренность в еде, но «скудость» — скудость вечного поста. Скудость пищи означает её употребление ровно в тех количествах, что позволят телу выполнить его предназначение. Несложно проверить, соблюдаем ли мы это правило: достаточно следить за тем, чтобы пища «принималась» как лекарство, в умеренных дозах, в строго определённые часы и лишь по мере необходимости, не для того, чтобы потворствовать нашим желаниям, а лишь для того, чтобы поддержать жизнь. Пожалуй, слово «скудость» лучше заменить сочетанием «ограниченное количество». Таким образом, сытный обед есть преступление против Бога и человека, поскольку вкушающие обильную трапезу лишают ближних необходимого. Господь предусмотрел достаточное количество пищи каждому в медицинских дозах. Но все мы принадлежим к племени обжор. Осознать, что пища требуется нам в медицинских дозах, есть настоящий подвиг, ведь родители воспитали во всех нас привычку к обжорству. И лишь потом, когда время почти упущено, мы внезапно понимаем, что пища даётся нам не для удовольствия, но лишь для того, чтобы содержать раба — наше брренное тело. С этого момента для нас начинается ожесточённая борьба с унаследованной от предков или приобретённой самостоятельно привычкой есть для наслаждения. Поэтому необходимо время от времени полностью отказываться от пищи и на протяжении всей жизни периодически устраивать посты. Частичный пост предполагает скудную или умеренную пищу, упомянутую в «Бхагаватгите».

«Скудная диета» — удачное выражение, означает «менее, чем достаточно». Однако по поводу того, что есть «достаточное количество», можно спорить, ведь объём пищи соответствует нашим субъективным представлениям. Один правдивый и искренний человек, сознавая, что мы всегда склонны потворствовать своим желаниям, сказал, что съест меньше, чем представляется ему достаточным, и тогда, возможно, он съест достаточно. Поэтому количество пищи, которое видится нам скудным или умеренным, зачастую избыточно. От переедания и неправильного питания заболевает куда больше людей, чем от недоедания. Если мы выберем правильную диету, то сами удивимся тому, сколь малое количество еды способно нас насытить.

Нам дано тело, но сам по себе этот факт ничего не значит, коль скоро тело не подчиняется воле. Она предполагает искреннее признание внутреннего самоограничения и желание жить в согласии с истиной.

Я точно знаю, что аскетизм, посты и молитвы лишены смысла, если я буду полагаться на них в деле духовного совершенствования. Однако я надеюсь, что они имеют исключительную ценность, если отражают тоску измученной души, жаждущей приклонить голову на колени Создателя.

Умерщвление плоти необходимо, когда плоть восстаёт против нас. Если же она всецело подчинена нашей воле и может стать инструментом служения, то умерщвлять её — грех. Иными словами, умерщвление плоти не имеет абсолютной ценности.

Индуистская религиозная литература содержит бесчисленные упоминания

постов, и даже сегодня, когда я пишу эти строки, тысячи индуистов соблюдают пост по ничтожнейшему поводу. Сама по себе эта преувеличенная склонность к постам безобидна, но, разумеется, как и всё благое, её многократно использовали с дурными намерениями. Это неизбежно. Однако нельзя перестать делать добро на том основании, что под видом добра зачастую вершили зло.

Во всём мире умерщвление плоти считалось условием духовного совершенствования. Абсолютный пост предполагает полное и буквальное самоотречение. Это самая искренняя молитва. «Не под властью царей — / Жизнь моя в руке Твоей»^[12] — не просто выражение почтительности и не фигура речи. Исполненные безудержной радости, мы должны предаться Ему безраздельно. Отказ от пищи и даже от воды — первый шаг на нашем духовном пути, без него невозможно слиться с Господом.

Я глубоко верю в действенность поста, личного или разделяемого единомышленниками.

Я более, чем когда бы то ни было, отдаю себе отчёт в том, что молитва невозможна без поста, хотя бы непродолжительного. А пост должен распространяться не только на уста и нёбо, но и на все чувства, на все органы тела. Полное погружение в молитву должно

означать полный отказ от всякой физической активности, пока молитва не овладеет всем нашим существом и мы, прочитав её, не возродимся совершенно свободными от всех телесных функций, возвысившимися над ними. Достичь этого состояния можно лишь после непрерывного и добровольного умерщвления плоти. Поэтому всякий пост, если он вдохновлён духовными чаяниями, есть горячая молитва или приуготовление к ней. Это тоска души по слиянию с Божественной сущностью.

В. Молитва

Молитва — это сама душа и сущность религии, другими словами, молитва должна обретаться в сердцевине человеческой жизни, поскольку ни один человек не способен существовать без религии.

У Господа тысяча имён. Скорее можно даже сказать, что Он безымянный. Мы вправе поклоняться или молиться Ему, нарекая Его любым именем. Одни называют Его Рамой, другие — Кришной, третьи — Рахимом^[13]. Есть и те, кто именуют Его Богом. Все поклоняются одной сущности, но, подобно тому как одна и та же еда не может нравиться всем одинаково, одному по вкусу одно имя, другому — другое. Каждый выбирает имя согласно своим склонностям и умунастроению, и Он, Утешитель, Дух истины^[14], Всемогущий и Всезнающий, ведает наши чувства и воздаёт нам по заслугам.

А потому обряды или молитва не могут исполняться формально, слова их должно произносить не устами, но сердцем. Значит, молиться могут в равной мере немой и заика, невежда и глупец. И молитвы тех, у кого на устах мёд, но в сердце жёлчь, никогда не будут услышаны. А значит, всякий, кто жаждет

вознести молитвы Господу, должен очистить своё сердце от скверны. Именно вера переносит нас. через бурные моря, двигает горами и преодолевает неизмеримые расстояния. Вера — не что иное, как живое, отчётливое ощущение Божественного присутствия в собственной душе. Тому, кто обрёл такую веру, уже ничего не нужно. Даже смертельно больной, он духовно здоров, физически чист и богат сверх меры, ибо обладает истинными сокровищами.

«Но как же настолько очистить сердце от скверны?» — могут спросить у меня. Нетрудно научить языку уст, но кто научит языку сердца? Один лишь бхакта^[15] — истинно преданный вере — знает его и способен научить ему. В «Бхагаватгите» даётся три определения бхакты, а отдельные сведения о нем содержатся в разных местах. Однако недостаточно представлять себе, кто такой бхакта. На земле они редки. Поэтому я предложил в качестве средства очищения религию служения. Сам Господь воцаряется в сердце того, кто служит ближним своим.

Сердце, исполненное молитвы, — путь к обретению веры, а служение предрасполагает сердце к молитве. Те индуисты, что сегодня искренне служат «неприкасаемым», воистину молятся, как и те, что прядут в молитве на благо бедных и неимущих.

К чему стремятся миллионы индуистов, мусульман, христиан, иудеев и других верующих во время, отведённое для поклонения Творцу? Мне кажется, ими движет жажда слиться душой с Создателем, воззвать к Нему и получить Его благословение. При этом важно благоговение, царящее в душе, а не слова, как бы отчётливо или исступлённо они ни произносились. И очень часто скрытые смыслы слов, издавна передававшихся из поколения в поколение, оказывают чудесное воздействие, которое утрачивается при переводе на чужой язык. Например, «Гаятри-мантра»^[16], переведённая на гуджарати и на гуджарати же прочитанная вслух, не производит того же впечатления, что в оригинале. Стоит произнести одно слово — имя Рамы, и миллионы индуистов мгновенно ощутят растроганность, но слово «Бог», хотя они и поймут его значение, оставит их равнодушными. В конце концов, слова обретают некую таинственную власть, когда их много веков благоговейно повторяют и воспринимают как священные. Поэтому, вероятно, стоит сохранить древние санскритские формулы для самых распространённых мантр или стихотворных изречений. Само собою, их смысл верующие должны ясно понимать.

Нельзя установить твёрдые правила, сколько должны длиться молитвы и акты поклонения Божеству. Это зависит от личной склонности, но всякий раз это драгоценные минуты, которые удаётся отнять у повседневной жизни. Духовные упражнения предназначены отрезвить и смирить нас и позволяют осознать: ничто не происходит с нами вне Его воли и мы «что глина в руке горшечника»^[17]. Это мгновения, когда мы обращаем взор на своё недавнее прошлое, признаемся в собственных слабостях, молим о прощении и о ниспослании сил, чтобы исправиться. Одним для этого хватит минуты, другим неостанет и суток. Первые — это те, кто ощущает в своей душе присутствие Господа, для них трудиться означает возносить молитвы. Их жизнь — одна непрерывная молитва или коленопреклонение перед алтарём. Вторые — это те, кто грешит, потворствует своим страстям и низменным желаниям и живёт только для себя. Сколько бы они ни молились, всё будет мало. Если они уверуют, если

преисполнятся терпения и взалкают очищения, то будут молиться, пока отчётливо не ощутят очищающее присутствие Господа в собственной душе. Мы, простые смертные, должны выбирать средний путь меж двух этих крайностей. С одной стороны, мы не столь совершенны духовно, чтобы считать, будто любое наше деяние благочестиво, а с другой стороны, мы не живём, погрязнув в эгоизме. Поэтому все религии, по обычаю, отводят для молитв определённое время. К сожалению, ныне молитвы сделались пустым обрядом, механическим повторением священных формул, а то и вовсе лицемерием. Поэтому важно, чтобы произнесение молитв сопровождалось особым душевным настроением.

Разумеется, личную молитву — обращённую к Господу просьбу о ниспослании блага — молящийся должен произносить на своём родном языке. Нет ничего достойнее, чем молить Господа ниспослать нам милосердие ко всему живому.

Предопределённая свыше судьба человека заключается в том, чтобы преодолеть старые обычаи, победить зло в собственной душе и вернуть добру то место в мире, которое ему причитается. Если религия не учит нас, как одержать победу в этой войне, значит она ничему не учит. Однако в этом главном деле нашей жизни к успеху не ведёт столбовая дорога. Трусость — пожалуй, величайший из всех пороков, от которых мы страдаем, и, возможно, величайшее насилие, куда более беспощадное, чем кровопролитие и тому подобные жестокости. Ведь трусость коренится в маловерии и в незнании неотъемлемых свойств Господа. Могу засвидетельствовать по опыту, что самое действенное средство преодоления трусости и других давних, скверных привычек, которое есть в нашем распоряжении, — это горячая, искренняя молитва. Молитва невозможна без живой веры в присутствие Господа в душе.

Мы должны сделать выбор, стать нам на сторону зла или добра. А молиться Господу означает заключить с Ним священный союз и благодаря этому спастись от когтей князя тьмы. Однако горячая, искренняя молитва предполагает не просто механическое повторение заученных слов. Это духовная жажда, обретающая выражение в каждом слове, в деянии, более того, в каждой мысли человека. Когда человеком успешно овладевают злобные мысли, когда с уст его слетают исполненные злобы слова, когда он совершает злой поступок, он должен осознавать, что молился лишь по привычке, формально, механически. Истинная молитва есть крепкий щит и оберегает молящегося от всех трёх упомянутых видов зла. Не всегда истинной живой молитве сопутствует немедленный успех. Мы должны бороться с собственными страстями, мы должны верить в себя, ибо месяцы усилий покажутся нам долгими годами. Поэтому, для того чтобы наши молитвы достигли Его ушей, мы должны воспитывать в себе безграничное терпение. Нас подстерегает мрак, разочарование и худшие напасти, однако мы должны мужественно сражаться с ними и не поддаваться трусости. Для человека, избравшего молитву, не существует отступления.

Я не рассказываю сказки, не изображаю некую идеальную картину. Я лишь обобщил опыт людей, молитвой преодолевших множество трудностей на своём духовном пути, добавив к их опыту своё собственное смиренное наблюдение: чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь в том, сколь многим обязан вере и молитве, а вера и молитва для меня — одно. А мой опыт не исчерпывается несколькими часами, днями или неделями, он непрерывно длится почти сорок

лет. Мне случалось переживать разочарования, приступы невыносимого отчаяния, минуты сомнений, внимать коварным нашептываниям гордыни, однако могу сказать, что моя вера — а она смиренна и убога и отнюдь не так велика, как мне бы того хотелось, — до сего дня помогала мне преодолевать все эти трудности. Если в душе нашей живёт вера, если сердце наше исполнено молитвы, то мы не будем искушать Господа и ставить Ему условия. Мы должны умалиться и признать своё ничтожество.

До тех пор, пока мы не прониклись сознанием собственного ничтожества, мы не сумеем побороть зло у себя в душе. За единственную истинную свободу, ради которой стоит жить, Господь требует высочайшую цену — предаться Ему всецело, отвергнув собственное «я».

А утратив себя во имя Бога, человек тотчас же обретает себя в служении всему живому. Служение становится для него радостью и отдохновением. Он перерождается и не устаёт служить Господним созданиям.

Господь не внемлет молитвам надменных и тех, кто пытается заключать с Ним сделки. Чтобы молить Его о ниспослании помощи, вы должны предстать перед Ним во всей своей наготе, приникнуть к Нему, отбросив все опасения, забыв о страхах и сомнениях: вдруг Он не обратит Свой милосердный взор на падшего грешника вроде вас, вдруг Он оставит вас? Он не делает никаких исключений, и вы поймёте, что Он внял всем вашим молитвам. Я знаю это по собственному опыту. Я прошёл сквозь чистилище. Наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам^[18].

В любых испытаниях Он спасал меня. Какие бы горести и неудачи ни выпадали мне на долю: в духовных поисках и на юридическом поприще, в руководстве различными учреждениями и в политической деятельности, — Господь всегда спасал меня. Когда у меня не оставалось ни тени надежды, когда «друзья мне не могли помочь, когда вокруг сгущалась ночь»^[19], неведомыми путями приходило спасение. Искреннее обращение к Богу, преклонение перед Ним, молитва — это не суеверия, но деяния более реальные, нежели принятие пищи, питьё, движение. Не будет преувеличением сказать, что только обращение к Богу реально, всё остальное призрачно.

Подобная молитва или отправление обрядов не предполагает перлов красноречия или механического повторения затвержённых формул, но исходит от сердца. Поэтому, если мы обретаем чистоту сердца, «где лишь любовь царит»^[20], если мы верно настраиваем все его струны, они, «излившись музыкой, замрут»^[21]. Молитва не нуждается в словах. Сама по себе она не зависима ни от каких физических усилий. У меня нет ни малейших сомнений, что молитва — самое надёжное средство очищения от страстей. Однако её должно творить в совершенном смирении.

Молитва всегда спасала мне жизнь. Если бы я не творил молитву, то лишился бы рассудка много лет тому назад. Моя автобиография расскажет вам, что я пережил немало горьких несчастий и в личной, и в общественной сфере. Каждый раз мною овладевало отчаяние, но если я и побеждал его, то неизменно только силой молитвы. Признаюсь, молитва не всегда была неотъемлемой частью моего существования в том смысле, в каком ею была истина. Я

прибегнул к молитве по необходимости, не зная, в чем ещё искать утешения, когда не видел иного средства. И чем более я укреплялся в вере, тем непреодолимее делалась моя тяга к молитве. Без неё жизнь представлялась мне пустой и бессодержательной. Я посещал христианскую церковную службу в Южной Африке, но она оставила меня равнодушным. Я не мог молиться вместе с христианами. Они обращали мольбы к Богу, но я не способен был к ним присоединиться, меня ожидало сильнейшее разочарование. Я проникся неверием в Господа и силу молитвы, и до преклонных лет в душе моей воцарилась пустота. Но когда я достиг пожилого возраста, моя душа ощутила такую же необходимость в молитве, как тело — в еде. В сущности, еда для поддержания физических сил не столь нужна, сколь молитва — для поддержания душевных. Очень часто для обретения здоровья требуется голодание, но душа не может вынести голода. Хотя меня преследовали политические неудачи, хотя мне было от чего преисполниться отчаяния, я не терял присутствия духа. Более того, я обнаружил, что моя твёрдость и спокойствие даже стали предметом зависти. Однако эта твёрдость и это спокойствие рождены молитвой. Я не могу считать себя человеком науки, но смиренно вижу себя человеком молитвы. Форма молитвы представляется мне второстепенной, пусть каждый творит её как заблагорассудится. Однако здесь существуют столбовые, издавна проторённые дороги, и идти по ним, проложенным древними вероучителями, вполне безопасно. Я поделился с вами личным опытом. Пусть каждый постигнет, что с ежедневной молитвой в его жизнь вошла новая, ни с чем не сравнимая благодать.

Молитва — самая суть человеческой жизни, наиболее живая и сильная составляющая любой религии. Молящийся либо взывает к Божеству, либо приобщается в душе Святым Тайн. В любом случае результат её одинаков. Даже взывая к Богу, мы вправе молить о ниспослании нашей душе очищения, об избавлении её от оков невежества и тьмы, что объемлет её. Поэтому всякий чающий пробуждения в себе Божественного начала должен прибегнуть к молитве. Однако молитва — не просто механическое, одними лишь устами, повторение пустых формул, предназначенное для одних лишь ушей. Лучше творить молитву сердцем, но безмолвно и бессловесно, нежели с обилием пышных фраз, но с пустым сердцем. Молитва должна удовлетворять духовную жажду. Подобно тому как голодный радуется еде, изголодавшаяся душа ликует, творя искреннюю молитву. А по собственному опыту и по опыту своих единомышленников я знаю, что тот, кто испытал чудо молитвы, может несколько дней спокойно обходиться без пищи, но без молитвы не в силах прожить ни секунды. Ибо без молитвы в душе не может воцариться мир.

Но кто-нибудь может возразить, что в таком случае мы должны молиться непрестанно, каждое мгновение.

Несомненно, это так, но мы грешные смертные, нам свойственно заблуждаться, и нам трудно было бы вечно пребывать в монастыре собственной души, самоуглублённо, истово приобщаясь Божеству. Поэтому мы отводим определённые часы для своих попыток хотя бы на время сбросить оковы материального мира и, так сказать, выйти за пределы бренного тела. Вам доводилось слышать гимн Сурдаса. Он преисполнен страстной жажды души, взыскующей слияния с Божественным началом. По нашим меркам он был

святым, но по своим собственным — отъявленным грешником. Духовно он неизмеримо превосходил всех нас, однако столь остро ощущал свою отринутость от Бога, что вложил всю муку и отчаяние тоскующей души в этот гимн.

Я говорил о необходимости молитвы и тем самым обозначил её истинную сущность. Мы рождены служить своим ближним и не сможем осуществить своё предназначение, пока наши души не пробудятся. В сердце человека непрестанно разыгрывается великая битва между силами тьмы и света, и тот, кто не полагается на крепкий щит молитвы и её опору, непременно падёт жертвой сил мрака. Человек, искренне возносящий молитвы, будет жить в мире с собой и с окружающими; тот же, кто занимается мирскими делами, не очистив сердце молитвой, будет несчастен и сделает несчастными окружающих. Поэтому, кроме решающего значения для жизни после смерти, молитва имеет неизмеримую ценность для того, кто пребывает в посюстороннем мире. Молитва — единственное средство достичь умиротворения, покоя и гармонии в наших мирских делах.

А потому начинайте день с молитвы, пусть она будет горячей и искренней и не покидает вас в течение всего дня. Завершайте день молитвой, и ваш сон не потревожат ночные кошмары и ужасные видения. Пусть вас не волнует внешняя форма, слова, в которые вы облачаете молитву. Они могут быть какими угодно, если приближают нас к слиянию с Богом. Помните лишь, что, творя молитву, вы должны всецело сосредоточиться на её словах и не предаваться праздным, посторонним размышлениям. Молитва должна оставаться обязательной. Добровольно взятые на себя ограничения не есть принуждение. Человек, выбирающий свободу от всякого самоограничения, потворствует собственным страстям и превратится в их раба, тогда как человек, соблюдающий правила и воздержанный, обретает свободу. всё на свете, включая Солнце, Луну и звезды, подчиняется определённым законам. Если бы эти законы не накладывали на мир ограничения, он не просуществовал бы ни минуты. Вы, чьё призвание — в служении ближнему, рассыплетесь в прах, если не возьмёте на себя ряд ограничений и не будете повиноваться дисциплине, а молитва — необходимая форма духовной дисциплины. Именно дисциплина и самоограничение отличают нас от животных. Чтобы остаться людьми и ходить с гордо поднятой головой, а не на четырёх лапах, нам нужно осознать необходимость следования правилам и воздержанности и принять их как должное.

Зачем вообще молиться? Неужели Бог, если таковой существует, не ведает, что случается на земле? Неужели, чтобы исполнить Свой долг, Ему требуется внять нашим молитвам?

Нет, Богу ни о чем не нужно напоминать. Он живёт в нашей душе. Ничто не происходит без Его произволения. В молитве мы испытываем своё сердце, напоминая себе, что без Его поддержки мы беспомощны. Никакие старания не приведут нас к цели без молитвы, без отчётливого осознания, что самые искренние усилия бесплодны, если Господь не благословил их. Молитва есть призыв к смирению. Это призыв к очищению собственной души, к духовным поискам.

Доктор Фабри, исповедующий буддизм, навестил Ганди в Абботабаде и задал ему несколько вопросов:

— Можно ли молитвой изменить Божественный замысел? Можно ли познать Божественный замысел в молитве?

— Очень трудно объяснить, что происходит у меня в душе во время молитвы, но постараюсь ответить на ваш вопрос. Изменить Божественный замысел невозможно, однако Бог пребывает везде и всюду — в живых существах и в неодушевлённой природе. Смысл молитвы в том, чтобы призвать Бога, живущего в собственной душе. Сложность в том, что я могу понимать это умом, но не иметь живой веры в это. Поэтому, молясь о сварадже, то есть о независимости Индии, я прошу ниспослать мне сил, чтобы добиться его или, по крайней мере, внести наибольший возможный вклад в его дело, и утверждаю, что силы Господь ниспосылает мне в ответ на мои молитвы.

— В таком случае вы напрасно называете это молитвой. Молиться означает просить или требовать.

— Да, не спору. Можете считать, что я прошу этого у себя, у своего Высшего «Я», своего истинного «Я», с которым ещё не могу полностью себя отождествить. Поэтому вы можете описать молитву как изначально присущее мне, органическое стремление раствориться в Божественном начале, заключающем в себе весь мир.

— А как быть с теми, кто не может молиться?

— Я бы посоветовал им проявить терпение и не проецировать своё ограниченное представление о Будде на реального Будду. Он не смог бы властвовать над жизнью миллионов, как это было в древности и как это есть сейчас, если бы не проявлял смирение и не возносил молитвы. Что-то бесконечно превосходящее интеллект царит над всеми нами, даже над скептиками. Их агностицизм, их философия никак не помогает им в несчастьях. Они нуждаются в чем-то большем, нежели собственное «я», в чем-то, что могло бы поддержать их. Поэтому, если кто-то спросит у меня, как достичь духовного совершенствования, я отвечу: «Вы не познаете, что есть Бог, что есть молитва, до тех пор, пока не умалитесь, сравнившись с последней песчинкой. Вы должны смирить свою гордыню и понять, что, несмотря на всё своё величие, весь свой мощный интеллект, вы лишь пылинка в мироздании. Исключительно рассудочный взгляд на вещи ничего не даст вам. Лишь духовный взор, неподвластный интеллекту, может принести удовлетворение. Даже на состоятельных людей обрушиваются несчастья. Хотя у них есть всё, что можно купить за деньги и что может дать любовь и дружба, им тоже случается испытывать отчаяние, боль и смятение. Именно тогда, пусть на миг, нам ниспосылается видение Господа, направляющего каждый наш шаг в этом мире. Это и есть молитва.

— То есть вы говорите об истинном религиозном опыте, значительно превосходящем интеллектуальный?

— Да, это и есть молитва, — повторил Ганди с убеждённой уверенностью, которая не могла не найти отклик в душе собеседников.

— Не лучше ли будет, если время, затрачиваемое на молитвы и богослужение, человек будет посвящать служению бедным? И не заменяет ли служение людям поклонение Богу?

— В этом вопросе таится и духовная леность, и агностицизм. Величайшие приверженцы карма-йоги никогда не отвергали пения священных гимнов,

молитв и совершения обрядов. Идеалист мог бы сказать, что истинное служение ближним равноценно молитвам и совершению религиозных обрядов и что таким верующим ни к чему тратить время на пение гимнов и т. п. Но на самом деле бхаджаны — подспорье в истинном служении и поддерживают в сердце верующего память о Господе.

С. Раманама

Я никогда не занимался йоговскими упражнениями. Единственной духовной практике, к которой я прибегал, меня в детстве научила няня. Я ужасно боялся привидений. Она говорила мне: «Привидений не бывает, но, если тебе страшно, повторяй Раманаму (имя Бога)». Раманама, имя Бога, произносить которое я привык ещё ребёнком, стало светилом моей духовной вселенной. Это солнце, которое не раз разгоняло крошечную тьму моих бед и несчастий. Такое же утешение христианин может найти, повторяя имя Иисуса, а мусульманин — имя Аллаха. Имена Бога, независимо от конкретной религии, наделены схожим смыслом и одинаково воздействуют на верующих в одних и тех же обстоятельствах. Однако повторять их следует не механически, словно затверждённые формулы, а всем своим существом.

С годами, по мере того как я обретал знания и опыт, повторение Раманамы стало для меня второй натурой. Могу даже сказать, что все двадцать четыре часа в сутки оно живёт если не на устах у меня, то в сердце. Оно издавна стало моим спасителем, я всегда на него полагался.

Милости Божьей удостоится те, кто живут по воле Его и служит Ему, а не просто твердят: «Рама, Рама».

Он и закон Его — одно. Поэтому следовать Его закону — лучшее благочестие. Человеку, безоговорочно принявшему закон, ни к чему вслух повторять имя Божье и заявлять об этом. Иными словами, тот, кто неустанно созерцает Божество столь же естественно, сколь дышит, преисполняется духа Божьего, и потому знание закона и следование ему становятся для него второй натурой.

Истинно верующий беспрекословно повинуетя пяти природным стихиям. Если он подчиняется им, то никогда не заболит. Если же всё-таки ему суждено заболеть, то он излечится с помощью этих же пяти стихий. Однако человеку, наделённому бранным телом, не дано самому вершить его судьбу. Поэтому тот, кто убеждён, что он есть лишь физическое тело, ни перед чем не остановится, лишь бы исцелить его. Осознавший же, что душа, хотя и заключена, точно в темнице, в бранным теле, отлична от тела и что душа бессмертна, в противоположность смертному телу, не испытает ни волнения, ни скорби, поняв, что стихии ему не помогут. Напротив, он будет приветствовать смерть как друга, не будет призывать врачей и станет сам себе целителем. Он будет жить, осознавая присутствие в бранным теле души, и прежде всего станет заботиться о её благе.

Такой человек с каждым вздохом будет преисполняться Божьей благодати. Даже когда тело его будет почивать, Рама его не перестанет бодрствовать. Рама

всегда пребудет с ним, что бы он ни делал. Утрата этого священного наперсника — вот истинная смерть в глазах истинно верующего.

Чтобы не лишиться своего Рамы, верующий готов будет прибегнуть к помощи пяти стихий. Иначе говоря, он самыми простыми и незамысловатыми способами попытается получить пользу из земли, воздуха, воды, солнечного света и эфира. Помощь стихий не дополняет Раманаму. Она есть лишь средство для её достижения. На самом деле Раманама не нуждается ни в какой помощи. Однако уверять, будто веришь в Раманаму, и одновременно бежать к врачам — довольно нелепо.

Один мой знакомый, хорошо знающий религиозные традиции и недавно прочитавший мои замётки о Раманаме, написал мне, что Раманама подобна алхимии, преображающей тело. Сохранение жизненной энергии неоднократно сравнивалось с накоплением богатств, но лишь во власти Раманамы превратить его в мощный поток постоянно прибывающей духовной энергии и спасти нас от подлинной гибели.

Подобно тому как тело не может существовать без еды, душа нуждается в несравненной и чистой силе веры. Эта сила способна исцелить и восстановить любой из наших органов. Отсюда и изречение: если Раманама воцарится в нашем сердце, мы возрождаемся. Этот закон в равной мере справедлив по отношению к молодому человеку, старцу и женщине.

Подобные верования существуют и на Западе. Примером их может служить христианская наука.

Индия не нуждается ни в каких внешних подтверждениях веры, которая с незапамятных времён бытовала в её народе.

Нет никакой связи между Раманамой, как я её понимаю, и магией. Я часто говорил, что повторять Раманаму искренне, от всего сердца, означает получить помощь из источника несравненной силы. Атомная бомба — ничто по сравнению с нею. Эта сила может избавить нас от любой боли. Однако нужно признать: легко сказать, что Раманама должна исходить из самого сердца, но в действительности достичь этого очень трудно. Тем не менее Раманама — величайшая драгоценность, которой может обладать человек.

Мой Рама, Рама моих молитв, несопоставим с историческим Рамой, сыном Дашаратхи, царём Айодхьи. Он вечный, нерожденный, абсолютный. Ему одному я поклоняюсь. Лишь Его я молю о помощи, и так надлежит поступать и вам. Он принадлежит всем в равной мере. Поэтому я не вижу причин, почему бы мусульманину или христианину возражать против повторения Его имени. Однако они отнюдь не обязаны признавать Бога Рамой. Мусульманин может повторять «Аллах» или «Худа», чтобы не нарушить благозвучную гармонию. Можно ли мысленно произносить Раманаму, беседуя, или занимаясь умственным трудом, или внезапно ощутив волнение, беспокойство, страх? Повторяют ли имя Бога в таких ситуациях, и если да, то как? Опыт говорит, что человек может произносить Раманаму в любое время, даже во сне, если только имя Бога живёт в его сердце. Если эта молитва вошла в привычку, она находит отклик в сердце и становится столь же естественной, сколь его биение. Иначе Раманама превращается в пустое, механическое отправление обряда или в лучшем случае задевает лишь поверхностные струны сердца. Когда Раманама

полностью овладевает нами, совершенно не важно, повторяем ли мы молитву вслух, потому что, искренне и горячо произнесённая, она превыше любых слов. Однако замечу, что достигших подобного совершенства сыщется немного.

Несомненно, Раманама заключает в себе силу, которую ей приписывают. Её не объять сердцем, просто пожелав этого. Чтобы проникнуться ею, требуются непрестанные усилия и терпение. Какие усилия, сколько терпения человечество затратило на поиски несуществующего философского камня! Разумеется, имя Божье несравненно ценнее и объективно существует. Не будет ли беды, если верующий из-за обилия неотложных обязанностей или срочной работы не успеет произнести ежедневные молитвы положенным образом? Что предпочесть? Ежедневную работу или молитвы по чёткам? Какие бы трудности на работе или неблагоприятные обстоятельства ни препятствовали нам, мы не должны прекращать Раманаму. Она может принимать разную форму в зависимости от ситуации. Даже если мы и не сумеем произнести Раманаму, перебирая чётки, Раманама, воцарившаяся в нашем сердце, пребудет вечно.

23. ОБЕТЫ, ПРИНОСИМЫЕ В АШРАМЕ

Важность обетов

Человек, дающий обеты, обнаруживает не слабость, но силу. Обет предполагает клятву любой ценой выполнить взятое на себя обещание и превращается в оплот силы. Человек, говорящий, что сделает то-то и то-то, «если сможет», признается либо в гордыне, либо в слабости. Я не раз подмечал на собственном опыте и при наблюдении за окружающими, что оговорка «если смогу» оставляет для нас фатальную лазейку. Сделать что-то, «если сможешь», означает поддаться первому же искушению. Говорить, будто станешь жить по заветам истины, «если сможешь», совершенно бессмысленно. Ни один предприниматель даже не взглянет на вексель, которым заёмщик обязуется выплатить определённую сумму в определённый срок, «если сможет». Точно так же Бог отвергнет всякого, обещавшего жить по заветам истины, «если сможет».

Бог есть воплощение обета. Бог перестал бы быть Богом, если бы хотя бы на волос отступил от Своих собственных законов. Солнце неизменно сдерживает обещания, и потому мы можем определять время и составлять календари. Вся предпринимательская деятельность основана на соблюдении обещаний. Неужели обещания должны играть меньшую роль в формировании характера и в проявлении личности? Поэтому мы не должны сомневаться в необходимости обетов для очищения души и для проявления личности.

А. Истина

Слово «сатья» (истина) происходит от слова «сат», что означает «сущее». На самом деле в мире не существует ничего, кроме истины. Поэтому «сат», или истина, возможно, самое важное имя Бога. В сущности, правильнее говорить, что истина есть Бог, а не что Бог есть истина.

Преданность этой истине — единственное оправдание нашего существования. Все наши поступки должны иметь целью обретение истины. Мы должны жить, дыша истиной, точно воздухом. Добравшись до истины на пути паломника, мы сможем без усилий жить, как подобает праведникам, и инстинктивно соблюдать все благие законы. Однако вне истины следовать любым жизненным принципам или правилам невозможно.

Чаще всего соблюдение закона истины воспринимают просто как обязанность говорить правду. Однако мы в ашраме считаем сатью, или истину, понятием куда более широким. Истинными должны пребывать все мысли, все речи и все деяния.

Однако истина есть верное обозначение Бога. Поэтому не будет беды, если каждый человек станет следовать истине в соответствии со своими убеждениями. Более того, в этом заключается его долг. В таком случае, если человек, по своему разумению соблюдая закон истины, и совершит ошибку, она автоматически будет исправлена. Ибо поиски истины предполагают тапас — добровольно взятые на себя страдания, вплоть до смерти. В поисках истины нет места даже тени эгоизма. В самоотверженных поисках истины никто не может сбиться с пути надолго. Как только человек выбирает неверную дорогу, он спотыкается, и его глазам тотчас предстаёт нужный путь. Поэтому следование закону истины можно обозначить словом «бхакти» («преданность»). Это путь, ведущий к Богу.

Как было бы чудесно, если бы все мы, юноши и старцы, мужчины и женщины, ревностно служили истине каждый миг своего сознательного бытия, во время работы, трапезы, игры, пока гибель брэнного тела не вернёт нас в лоно истины. Бог в образе истины был для меня бесценным сокровищем. Да будет Он драгоценностью и для каждого из нас.

Стремящийся экспериментировать с чем-то новым должен начать с себя. В таком случае он скорее откроет истину, а Бог всегда хранит честного экспериментатора.

Ревностный служитель истины ничего не должен делать из одного уважения к устоявшимся обычаям. Он неизменно должен быть открытым к любым переменам, а если обнаружит, что был не прав, должен признать свою вину и попытаться её загладить.

Чистосердечная исповедь вкупе с обещанием более не грешить, если она произносится перед человеком, имеющим право принять её, — наиболее полная и искренняя форма покаяния.

Опыт учит меня, что безмолвие есть часть духовной дисциплины, которую берёт на себя служитель истины. Вольная или невольная склонность к преувеличению, к сокрытию правды или приукрашиванию — естественная

человеческая слабость, а безмолвие — надёжное средство её преодоления. Немногословный человек редко говорит не подумав; он будет мысленно взвешивать каждое своё слово.

Безмолвие — великое подспорье алчущему истины так, как я. В молчании душа отчётливее зрит путь, на который ей надлежит ступить, а всё неопределённое и обманчивое, застившее её духовный взор, сменяется прозрачным светом. Вся наша жизнь — долгие и тяжкие поиски истины, и душе потребен внутренний покой, дабы воспарить в горние сферы.

Ныне безмолвие стало для меня физической и духовной необходимостью. Изначально я прибегал к этому средству, просто чтобы избавиться от стресса. Потом стал подолгу молчать, когда писал трактаты и статьи. Однако, некоторое время поупражнявшись в безмолвии, я осознал его духовную ценность. Внезапно на меня снизошло озарение: ведь в безмолвии я лучше всего смогу приобщиться Господу! А сейчас я чувствую, что идеально создан для безмолвия.

В. Ахимса, или любовь

Мы не в силах постичь совершенную истину, пока заключены в этом брэнном теле. Мы можем лишь представить себе её в нашем воображении. Через посредство нашего эфемерного тела мы не можем воочию узреть вечную истину. Вот почему своим последним прибежищем мы должны считать веру.

По преданию, некий древний мудрец, взалкавший истины, осознал, что её не обрести в этом брэнном теле, и, как следствие, постиг значение ахимсы. Перед ним стал вопрос: «Примириться ли с врагами или уничтожить их?» Ищущий истину понял, что уничтожающий своих врагов не продвигается на духовном пути, тогда как терпящий врагов духовно совершенствуется, идёт вперёд, а со временем даже уводит за собою ближних. Первый же акт разрушения научил его, что истина, цель его поисков, таится не вне его, а в нём самом. Потому чем более он творил насилие, тем более удалялся от истины. Ведь, борясь с воображаемым врагом, что пребывал вне его, он забывал о враге в собственной душе.

Мы наказываем воров, потому что думаем, будто они терзают нас. Если они оставляют нас в покое, то находят себе другую жертву. Однако эта другая жертва — тоже человек, это тоже мы, только в другом облике. Получается порочный круг. Воры наносят нам и нашим ближним всё больший ущерб, поскольку полагают, что могут красть безнаказанно. В конце концов мы осознаем, что лучше терпеть воров, чем наказывать. Наше терпение, возможно, даже образумит их. Терпя их, мы осознаем, что они такие же, как мы, что они наши братья, наши друзья и что их нельзя наказывать. Однако это не означает, что мы должны молчать. Подобная позиция была бы равносильна трусости. Поскольку мы видим в ворах ближних наших, нужно убедить их в том, что они — наши ближние. Поэтому нам надлежит хорошо продумать, какими именно средствами привлечь их на свою сторону. Это стезя ахимсы. Она может потребовать от верующего непрерывного страдания и бесконечного терпения. Если мы и вправду готовы страдать и терпеть, то в конце концов сумеем перевоспитать вора, он

проникнется сознанием собственной неправоты и откажется от зла. Так постепенно, шаг за шагом, мы подружимся со всем миром; мы осознаем величие Бога — истины. Невзирая на страдание, наш душевный покой делается только нерушимее; мы становимся смелее и предприимчивее; в какой-то момент мы отчётливо осознаем различие между вечным и мимолётным; мы учимся распознавать свой долг и то, что таковым не является. Гордыня покидает нас, мы преисполняемся смирения. Мы всё менее и менее зависим от бренного мира, а зло в душе нашей день ото дня умалывается. Ахимса несводима к той примитивной схеме, какой её пытались представить. Без сомнения, не причинять боль ни одному живому существу есть часть ахимсы. Однако это лишь наименьшее её проявление. Принцип ахимсы нарушает любой злой помысел, отменяет ненужную спешку, ложь, ненависть, любое недоброжелательство. Кроме того, принцип ахимсы не соблюдает стяжатель, пытающийся присвоить то, в чем нуждается мир. Ведь у мира больше прав, чем у нас, даже на наш насущный хлеб.

Осознав, сколь слаба и хрупка наша плоть, мы должны ежедневно, всеми силами, что нам отпущены, стремиться достичь истины.

Вероятно, после всего вышесказанного уже ясно, что без ахимсы невозможно искать и обрести истину. Ахимса и истина столь тесно переплетены, что нельзя отделить одну от другой. Они напоминают две стороны одной монеты или, скорее, одного гладкого металлического диска, на котором не нанесено никаких изображений. Кто отличит на нем аверс от реверса? Тем не менее ахимса — это средство, а истина — цель. Чтобы доказать свою действенность, средства всегда должны быть у нас под рукой, и потому ахимса — наш высший долг. Если мы будем непрерывно заботиться о чистоте средств, то рано или поздно достигнем цели. Как только мы осознаем общую линию поведения, победа нам обеспечена. Какие бы трудности ни встречались на нашем пути, какое бы сопротивление нам ни оказывали, мы не можем отказаться от поисков истины, ибо она одна есть Бог.

С. Брахмачария

Человек, обвенчанный с истиной и ревностно служащий истине, изменяет ей, если использует свои способности для иной цели. Разве он может потворствовать своим чувственным желаниям? Обретение истины требует абсолютной самоотверженности, поэтому человек не станет тратить время на эгоистические затеи вроде дома, семьи и детей. Достижение истины через потворство собственным желаниям после всего вышесказанного кажется абсурдным.

Если мы посмотрим на это с точки зрения ахимсы, то обнаружим, что её исполнение невозможно без совершенной самоотверженности. Ахимса означает вселенскую любовь. Если мужчина отдаёт всю свою любовь одной женщине или женщина — одному мужчине, то что же тогда останется миру? В переводе на простой и недвусмысленный язык это значит: «Нам хорошо, а все остальные пусть убираются к черту!» Поскольку верная жена обязана пожертвовать всем ради мужа, а верный муж — ради жены, совершенно очевидно, что подобные люди не могут возвыситься до вселенской любви или смотреть на всё человечество как на своих ближних, ибо свою любовь они отделили от мира

высокой стеной. Чем больше их семья, тем дальше они от идеала вселенской любви. А потому тот, кто жаждет повиноваться закону ахимсы, не может вступать в брак, а тем более искать удовлетворения чувственных страстей вне брачных уз.

А как же быть тем, кто уже состоит в браке? Неужели они никогда не обретут истину? Неужели они не смогут принести всё, что имеют, на алтарь вселенской любви? И для них есть выход. Они могут вести себя так, словно не состоят в браке. Те, кто уже наслаждался блаженным состоянием свободы от брачных уз, поддержат меня. Насколько мне известно, многие успешно провели подобный эксперимент. Если муж и жена способны увидеть друг в друге брата и сестру, они обретут свободу для вселенского служения.

Самая мысль о том, что все женщины в мире — сестры, матери и дочери, одновременно облагородит мужчину и разобьёт его оковы. Совершая этот выбор, муж и жена ничего не утратят, но, напротив, обогатятся духовно и поддержат свою семью. Их любовь избудет нечистую похоть и лишь сделается сильнее. С исчезновением нечистых желаний они смогут полнее отдаться служению друг другу и реже ссориться. Там, где любовь эгоистична и несвободна, ссоры возникают чаще.

Те, кто примут вышеизложенные аргументы, не будут уделять особого внимания физической пользе целомудрия. Сколь безрассудно сознательно растрачивать жизненную энергию на чувственное наслаждение! Попусту истощать на удовлетворение чувственных страстей силы, данные мужчине и женщине для всестороннего развития физических и духовных способностей, неразумно и постыдно. Подобное злоупотребление чудесным даром — коренная причина многих болезней.

Брахмачария, как и любые другие системы обетов, должна соблюдаться мыслью, словом и делом. И «Бхагаватгита», и собственный опыт убеждают нас в том, что глупец, подчинивший себе своё тело, но лелеющий порочные помыслы, совершает напрасный труд. Подавлять телесные желания вредно, если одновременно не сдерживать разум. Если разум сбивается с пути, тело рано или поздно разделит его судьбу.

Здесь необходимо подчеркнуть различие. Лелеать порочные помыслы — одно, но совсем другое — не уметь подчинить себе разум, никак не откликающийся на наши усилия. Мы сможем одержать победу, лишь отринув происки разума, охваченного порочными страстями, как бы он ни пытался подчинить себе нас.

Зачастую мы чувствуем, что, хотя тело повинуетс нам, над разумом мы не властны. Нельзя ослаблять контроль над телом, а кроме того, мы должны постоянно стараться взять под контроль разум. Именно таков наш долг, он не больше и не меньше. Если мы уступим разуму, тело и разум пойдут разными путями, и мы изменим самим себе. Можно сказать, что тело и разум не разлучаются, пока мы продолжаем противиться натиску любой порочной мысли.

Считалось, что соблюдать брахмачарию очень трудно, почти невозможно. Подобное заблуждение объясняется тем, что термин «брахмачария» зачастую толковался очень узко. Считалось, будто одно лишь обуздание животных страстей равносильно соблюдению брахмачарии. Мне кажется, такое мнение односторонне и неправильно. Брахмачария означает контроль над всеми органами чувств. Тот, кто заставляет повиноваться лишь один орган, а остальным предоставляет полную свободу, неизбежно осознает тщетность своих

усилий. Внимать соблазнительным историям, созерцать соблазнительные картины, вкушать возбуждающие яства, прикасаться к прельстительным предметам, а затем ожидать, что сможешь подчинить себе единственный оставшийся орган, — значит протянуть руку в пламя в надежде, что оно не обожжёт. Поэтому тот, кто намерен обуздать один орган, должен подчинить себе всё. Я всегда думал, что неправомерно узкое понимание брахмачарии принесло верующим немалый вред. Если мы научимся одновременно сдерживать все органы чувств, то сможем подойти к решению вопроса с научной точки зрения и, возможно, добьёмся успеха.

Напомню о происхождении термина «брахмачария». «Чария» означает стиль поведения, «брахмачария» — поведение в соответствии с поисками Брахмы, то есть истины. Эта этимология даёт нам общее значение: «власть над органами чувств». Следует отвергнуть неполное определение, согласно которому брахмачария ограничивается лишь обузданием чувственности.

Знанием, что совершенное соблюдение брахмачарии означает постижение Брахмы, я отнюдь не обязан чтению шастр. Оно просто постепенно пришло ко мне с опытом. Шастры, касающиеся данного предмета, я изучил лишь в пожилом возрасте.

Постичь Божество и слиться с Ним возможно, лишь полностью обуздав чувственное желание.

Победа над похотью — высочайший подвиг в жизни мужчины или женщины. Не поборов чувственности, человек не сможет управлять собой. А без умения управлять собой невозможны ни сварадж, ни рамараджья. Попытка управлять миром при неумении владеть собой окажется самообманом и принесёт такое же разочарование, как игрушечный раскрашенный плод манго, приятный для глаз, но пустой, лишённый мякоти внутри. Тому, кто не преодолел чувственных страстей, нечего надеяться сослужить истинную службу делу Хариджанов, религиозного единства, кхади, защиты коров и восстановления деревень. Великие начинания, подобные перечисленным, нуждаются не в одних лишь интеллектуальных усилиях — они требуют духовного подвига, или напряжения всех сил души. Сила духа даётся лишь милостью Божьей, а милости Божьей может удостоиться лишь человек, победивший чувственные страсти.

Напоминаю своё определение брахмачарии. Она означает не подавление одного или нескольких чувств, а полную власть над ними. Эти состояния совершенно различны. Сегодня я могу подавить все свои чувства, однако мне потребуется целая вечность, чтобы подчинить их. Подчинить означает *использовать* их как покорных рабов. Я могу проколоть барабанную перепонку и в результате этой простой и безболезненной операции подавить одно из своих чувств — слух. Это бессмысленно. Я должен так воспитать свои уши, чтобы они отказались слышать сплетни, непристойности, богохульство, но остались открытыми для небесной музыки и для крика о помощи, хотя бы он раздавался за тысячи миль. Такой способностью, по преданию, был наделён святой Рамдас^[22]. А как тогда использовать органы размножения? Направив наиболее созидательную энергию, которой мы обладаем, не на сотворение

собственных двойников во плоти, а на труд во благо всего живого.

Как укрепиться в брахмачарии

Один знакомый пишет мне: «Я совершенно несчастен. Плотские желания преследуют меня всегда и везде: в конторе, в дороге, днём и ночью, за чтением и за работой, даже во время молитвы. Как мне подчинить свой ум, то и дело прельщающийся соблазнами? Как научиться видеть в каждой женщине собственную мать? Как научиться смотреть на мир с чистой любовью? Как изгнать порочные мысли? Я прочитал вашу статью о брахмачарии (написанную много лет тому назад), однако она мне не помогла».

Подобное состояние очень мучительно. Многие страдают, испытывая его. Однако, пока разум не сдаётся в борьбе с порочными мыслями, не стоит отчаиваться. Если ваши глаза устремляют взор на соблазнительное зрелище, закройте их. Если ваши уши внимают соблазнительным речам, зажмите их. Всегда надёжнее ходить опустив глаза. Тогда у них не будет возможности прельститься недозволенным и сбить вас с пути истинного. Следует избегать непристойных речей и возбуждающей музыки. Следует всячески ограничивать себя в пище. Я знаю, что тот, кто не в силах унять собственный аппетит, не сможет подавить и плотские желания. Разумеется, склонность к чревоугодию искоренить непросто. Однако побороть чревоугодие означает победить и другие чувства. Одно из правил, которому должен следовать верующий, — полностью отказаться от специй или хотя бы серьёзно ограничить их употребление. Труднее привыкнуть к мысли, что еда должна поддерживать жизнь в нашем теле, а не доставлять удовольствие. Мы дышим воздухом, чтобы жить, а не чтобы наслаждаться. Мы пьём воду, чтобы утолить жажду; точно так же мы должны есть, чтобы утолить голод, но не более. Однако с детства в нас воспитывают совершенно иные привычки. Родители приучают нас к изысканным лакомствам не для того, чтобы накормить нас, а лишь для того, чтобы выказать нам свою ласку и расположение. Впоследствии нам, избалованным родителями, приходится бороться с плодами дурного воспитания.

Однако существует золотое правило подавления плотских желаний. Для этого нужно повторять божественное имя Рамы или другую подобную мантру.

Каждый должен выбрать мантру, что ему по сердцу. Я предложил повторять имя Рамы, поскольку меня научили произносить его в раннем детстве и оно неизменно приносило мне радость, облегчение и покой. Какую бы мантру мы ни выбрали, нужно мысленно полностью отождествить себя с нею. У меня нет ни малейших сомнений в успехе повторения подобной мантры, если молящийся преисполнился веры, как бы его ни одолевали грешные мысли. Такая мантра станет светочем, ведущим верующего по жизненной стезе, и спасёт от любых бед. Подобные священные мантры ни в коем случае нельзя произносить для достижения неких материальных целей. Если ограничить их повторение областью морали, результат превзойдёт все ожидания. Конечно, если просто твердить мантру как попугай, смысла в этом не будет. Ей надобно отдаваться всей душой, а попугай бубнит её механически. Нам следует повторять её, дабы

оградить себя от нежеланных мыслей, с полной верой в её могущество и благой результат.

Для соблюдения обетов в первую очередь необходимо победить склонность к чревоугодию. Подчинив себе аппетит, я обнаружил, что с лёгкостью выполняю обеты, и отныне мог проводить эксперименты, меняя собственную диету, не только как вегетарианец, но и как брахмачари. В ходе этих экспериментов я пришёл к выводу, что пища брахмачари должна быть скудной, простой, не солёной и не перченой и по возможности сырой.

Эксперименты, длившиеся около шести лет, убедили меня, что идеальная пища для брахмачари — это свежие фрукты и орехи. Безмятежность и отсутствие страстей, которыми я наслаждался во время этой диеты, покинули меня, как только я сменил рацион. Впоследствии, в Южной Африке, я питался одними фруктами и орехами, с лёгкостью соблюдая брахмачарию, однако, едва я стал пить молоко, это весьма усложнилось.

Чтобы укрепиться в брахмачарии, необходимо поститься, ограничивая и количество потребляемой пищи, и её выбор. Наши чувства столь сильны, что взять их под контроль можно, лишь со всех сторон поставив им крепкий заслон. Известно, что, не получая пищи, люди делаются бессильны, и потому пост, соблюдаемый с целью подчинить себе чувства, весьма полезен. Иногда он не приносит желаемого результата, потому что верующие, полагая, что пост автоматически спасёт их от зла, не принимают пищу, но мысленно предвкушают, как будут наслаждаться изысканными яствами и напитками по его окончании. Подобный пост не поможет им победить чревоугодие и плотские желания. Пост полезен, когда голодающее тело всячески поддерживает разум, иными словами, когда разум преисполняется отвращения к удовольствиям, в которых отказано телу. Разум и есть начало всякой чувственности. Поэтому польза от поста ограничена, ведь постящегося по-прежнему могут терзать страсти. С другой стороны, подавление чувственных желаний невозможно без поста, незаменимого для соблюдения брахмачарии.

С каждым днём я всё больше убеждаюсь в необходимости воздержанности, о которой писал выше. Возможности самоотречения безграничны, как и возможности брахмачарии. Однако подобная брахмачария достижима только сверхчеловеческими усилиями. Для многих она обречена остаться идеалом. Взыскующий брахмачарии всегда будет осознавать собственные недостатки, будет неустанно искать страсти, затаившиеся в укромных уголках его сердца, и не отступит, пока не искоренит их совершенно. До тех пор, пока воля не подчинила себе мысль, абсолютная брахмачария недостижима. Непрошенные, случайные мысли поражают ум, словно болезнь, а изгнать их весьма и весьма непросто. Однако присутствие Бога в душе делает возможным даже контроль над мыслями. Не стоит думать, будто это не по силу человеку оттого лишь, что трудно. Это высочайшая цель, и потому неудивительно, что для её достижения требуются величайшие усилия. Лишь по возвращении в Индию из Южной Африки я осознал, что для следования брахмачарии недостаточно человеческих усилий. До тех пор я пребывал в убеждении, что фруктовая диета поможет мне победить все страсти, и наивно тешил себя надеждой, будто ничего иного от меня не требуется.

Однако не стану предвосхищать события; о своей внутренней борьбе я расскажу, когда придёт время. Пока хочу лишь подчеркнуть, что взыскующие брахмачарии в надежде узреть Бога не должны отчаиваться, если их вера в Бога равносильна убеждённости в осмысленности собственных стараний. Его имя и Его милость — последнее прибежище чающего мокши.

Опыт учит нас, что животная пища не подходит тем, кто стремится избавиться от плотских желаний. Однако не следует преувеличивать значение еды для формирования характера или умерщвления плоти. Диета — важный фактор, которым не следует пренебрегать. Но сводить религию исключительно к правилам питания, как это часто делают в Индии, столь же неверно, сколь лакомиться и безудержно предаваться чревоугодию.

Шаги на пути к брахмачарии

Первый шаг — осознание её необходимости.

Следующий шаг — постепенное подчинение всех чувств. Брахмачари обязан контролировать свой аппетит. Он должен есть для того, чтобы жить, а не для того, чтобы наслаждаться. Он должен созерцать лишь пристойные зрелища и отвращать взор свой от всего непристойного. Признак хорошего воспитания — привычка ходить опустив глаза долу, а не празднично разглядывать всё вокруг. Точно так же брахмачари не станет внимать развратным, грязным речам и обонять сильные, возбуждающие благовония. Запах свежей земли куда приятнее, чем аромат искусственных духов и эссенций. Взыскующему брахмачарии надлежит также избегать в часы бодрствования праздности и лени, много двигаться и заниматься физическим трудом. Иногда ему следует поститься.

Третий шаг — дружить только с высоконравственными людьми и читать только душеспасительные книги.

Последним и самым важным пунктом должна стать молитва. Пусть верующий регулярно, ежедневно, всем сердцем повторяет Раманаму и молит о Божественной милости.

Все эти правила нетрудно соблюдать обыкновенным мужчине или женщине. Они — сама простота. Однако сама простота их вызывает смущение. Следовать стезёй брахмачарии не так уж сложно, если мы не лишены воли. Однако людям зачастую не хватает силы воли, и они ощупью тщетно ищут верный путь. Мир в большей или меньшей степени основан на соблюдении брахмачарии, или воздержанности, и потому брахмачария необходима, и её легко осуществить на практике.

Патанджали описал пять обетов. А в наше время число их можно расширить до одиннадцати. К ним относятся: ненасилие, правдивость, неприсвоение чужого, брахмачария, нестяжание, неприменный физический труд, коим верующий снискивает себе хлеб насущный, неприятие чревоугодия, бесстрашие, равное уважение ко всем религиям, свадеши и упразднение неприкасаемости.

Стоит помнить, что все эти обеты одинаково значимы. Нарушив один, нельзя соблюсти и остальные. Поэтому необходимо воспринимать их как некое целое. Это позволит верующему полностью осознать смысл и важность брахмачарии.

Контроль над рождаемостью

Контроль над рождаемостью необходим, в этом нет сомнений. Однако единственным, освящённым веками методом подобного контроля может быть контроль над собственными плотскими желаниями, или брахмачария. Это верное, эффективное средство, неизменно приносящее пользу. А врачи заслужили бы благодарность человечества, если бы вместо создания искусственных методов контрацепции объяснили благо воздержания. Союз мужчины и женщины предназначен не для наслаждения, а лишь для рождения потомства. Союз мужчины и женщины, не желающих иметь детей, — преступление.

Искусственные методы контрацепции напоминают награду за порок. Они делают мужчину и женщину беспечными. А поскольку на подобные методы сочувственно смотрит общество, вскоре люди могут освободиться от всякой сексуальной сдержанности, которой пока требует общественное мнение. Применение искусственных методов контрацепции может повлечь за собой крайнюю слабость и нервное истощение. Окажется, что «лекарство» хуже болезни. Недостойно и безнравственно слагать с себя всякую ответственность за собственные деяния. Человеку, склонному переедать, пойдёт на пользу небольшое несварение желудка и последующий пост. Однако он ничему не научится, если, потворствуя чревоугодию, облегчит своё состояние лекарствами и микстурами. Но ещё больший моральный вред причинит себе тот, кто пойдёт на поводу у собственных плотских желаний и не возьмёт на себя ответственность за последствия. Природа неумолима и рано или поздно жестоко отомстит за подобное нарушение своих законов. Высоконравственных целей можно достичь только высоконравственными средствами, то есть моральным самоограничением. Все прочие способы контроля над рождаемостью противоречат самой цели, которой служат. Искусственные методы предохранения используются, так как общество терпит и даже поощряет потворство собственным желаниям. Нет более глубокого заблуждения. Пусть те, кто стремится ввести контроль над рождаемостью, исследуют законные средства её ограничения, разработанные ещё в древности, и попробуют возобновить их использование. В таком случае им предстоит гигантская кропотливая работа. Ранние браки — залог многодетности. Нынешний образ жизни также немало способствует бесконтрольной рождаемости. Если внимательно изучить и попытаться устранить причины этого неблагополучия, общество переживёт нравственный подъём. Если же корни перенаселённости проигнорируют, если горячие сторонники искусственных методов контрацепции победят и распространят свои взгляды во всём мире, результатом станет всеобщее моральное падение. Общество, и так ослабленное в силу разных причин, будет деградировать ещё быстрее, приняв искусственные методы предохранения. Поэтому тем, кто легкомысленно пропагандирует искусственные методы

контрацепции, следовало бы изучить этот вопрос заново, прекратить свою вредную деятельность и популяризировать брахмачарию для состоящих в браке и для холостых. Это единственный благородный и честный метод контроля над рождаемостью.

D. Нестяжание, или бедность

Обладание собственностью предполагает накопление, запасы на завтра. Ищущий истины, следующий закону любви, не думает о завтрашнем дне. Бог не запасает на завтра: Он создаёт ровно столько, сколько нужно на этот миг. Поэтому если мы уповаем на Его промысел, то должны верить, что Он каждый день пошлёт нам хлеб наш насущный, иными словами, всё, что нам нужно. Святые и истово верующие, уповавшие на провидение Господне, всегда говорили, что их жизнь подтверждает эту истину. Наше незнание Божественного закона и пренебрежение им породили неравенство вместе со всеми сопутствующему неравенству бедами. Богатые владеет множеством ненужных вещей, за которыми не следят и которые постепенно приходят в негодность, в то время как миллионы бедных не имеют самого необходимого и голодают. Если бы каждый обладал лишь минимумом действительно нужных вещей, никто не знал бы нужды и все жили бы в довольстве. Однако богатые так же неудовлетворены, как и бедные. Если бедняк мечтает стать миллионером, то богач — мультимиллионером. Богатые должны взять на себя инициативу и первыми начать избавляться от ненужного имущества, чтобы рано или поздно на всей земле воцарился дух довольства и умиротворение. Если богатые выберут умеренный образ жизни, голодных с лёгкостью удастся накормить, и они, так же как и богатые, научатся пребывать в довольстве и покое. Совершенное воплощение идеала нестяжания требует, чтобы человек жил подобно птице небесной, без крыши над головой, не имея одежды и даже пищи на завтрашний день. Ему будет потребен лишь хлеб насущный, но хлеб этот он обретёт не сам, его подаст Господь. Лишь немногим под силу достичь идеала; не исключая, что это и вовсе невозможно, однако мы не должны отчаиваться, осознав всю трудность духовного подвига. Мы должны постоянно помнить об идеале, в свете этого идеала критически оценить собственное имущество и постараться отказаться от ненужного. Цивилизация в истинном смысле этого слова заключается не в умножении, а в сознательном и добровольном сокращении потребностей. Только такое отношение к жизни делает счастливым и довольным и вселяет в нас силы для служения ближним.

Таким образом, мы принимаем идеал абсолютного самоотречения и учимся использовать собственное тело как орудие служения, которое, если мы только сможем проникнуться своим предназначением, заменит нам хлеб. Мы должны есть и пить, спать и бодрствовать ради одного лишь служения. Такое умонастроение равносильно счастью и даже видению райского блаженства.

Следует помнить, что принцип нестяжания распространяется не только на имущество, но и на мысли. Человек, загромождающий ум ненужными знаниями, нарушает этот бесценный принцип. Мысли, отвращающие нас от Бога или не приводящие к Нему, есть препятствия на нашем духовном пути.

Человеку необходима определённая степень физического благополучия и удобства, но лишь очень небольшая; пытаюсь достичь особого физического комфорта, мы совершаем ошибку. Потому идеал создания бесчисленных потребностей и их удовлетворения — пример безумия и ловушка. Удовлетворение физических, да и интеллектуальных потребностей нашего маленького «я» в какой-то момент должно полностью прекратиться, иначе оно перейдёт в физическое и интеллектуальное сладострастие. Каждый должен так организовать свою телесную и умственную жизнь, чтобы она не мешала его служению человечеству, на которое ему надлежит направить все усилия.

Я не владею собственностью и, однако, полагаю себя едва ли не богатейшим человеком на свете, ибо ни я лично, ни возглавляемые мною общественные организации никогда не знали нужды. Господь Бог неизменно своевременно ниспосылал нам помощь. Помню несколько случаев, когда на те или иные общественные начинания я тратил последний пенни. И вдруг из самых неожиданных источников поступали деньги.

Господь всякий раз простирал ко мне руку, и я преисполнялся смирения и веры в Его доброту, которая всегда будет поддерживать меня, какие бы испытания ни выпали мне на долю. Поэтому пусть весь мир смеётся над моим решением отказаться от собственности. Для меня добровольно лишиться имущества означало приобрести куда больше. Я бы хотел, чтобы ближние испытывали такое же умиротворение, что и я. Это драгоценнейшее сокровище из тех, которыми я обладаю. Поэтому, вероятно, можно сказать, что, хотя я и проповедую бедность, я богат.

Не уверен, что железный век стал каким-то прогрессом по сравнению с каменным. В любом случае меня это не волнует. Усилия ума и всех человеческих способностей должны быть направлены на совершенствование души; вот это истинная эволюция.

Е. Неприсвоение чужого

Нельзя одновременно присваивать чужое и уверять, будто познал истину или любовь. Однако все мы, сознательно или несознательно, совершаем грех воровства.

Присваивать чужое — значит брать то, в чем мы на самом деле не нуждаемся, даже если мы берём эту вещь с разрешения владельца. Мы не должны присваивать себе ни одной вещи, которая нам не нужна. Обычно подобным образом похищают еду. Если я съедаю фрукты, в которых не испытываю необходимости, или вкушаю их больше, чем нужно, я совершаю кражу. Мы не всегда осознаем свои истинные нужды, многие из нас несоразмерно увеличивают свои потребности и, сами того не понимая, превращаются в воров. По здравом размышлении мы придём к выводу, что можем избавиться от многих своих потребностей. Желая отказаться от присвоения чужого сократит свои нужды

и тем самым усвершенствуется духовно. Ужасающая нищета в нашем мире по большей части вызвана нарушением принципа, предписывающего неприсвоение чужого.

Существует и другая разновидность присвоения чужого, значительно более изощрённая и унижительная для человеческого духа. Втайне желать собственности ближнего или взирать на неё с завистью — несомненная кража.

Тот, кто следует закону неприсвоения чужого, не станет беспокоиться о вещах, которые могут потребоваться в будущем. Эта порочная, ложная забота о будущем — причина многих краж. Сегодня мы только замышляем приобрести то-то и то-то; завтра начнём думать, как бы завладеть вожаделенной вещью: по возможности честно, но если случится — мошеннически.

Точно так же, как и материальные предметы, можно похитить идеи. Тот, кто эгоистически предъявляет права на какую-то достойную идею, доказывая своё авторство, которое, вообще-то говоря, ему не принадлежит, виновен в похищении идей. В ходе мировой истории многие учёные совершали подобные кражи.

Поэтому соблюдающий закон неприсвоения чужого должен быть смиренным, внимательным, бдительным и непритязательным в своих привычках.

Полагаю, все мы в какой-то степени воры. Если я беру какую-то вещь, в которой на самом деле не нуждаюсь, и оставляю её себе, я краду её у кого-то. Осмелюсь предположить, что основополагающий, непреложный закон природы состоит в том, что она даёт достаточно для удовлетворения наших насущных нужд и что, если бы каждый брал у неё ровно столько, сколько нужно для поддержания его жизни, в мире исчезла бы нищета и ни один человек не умер бы от голода. Однако, пока существует неравенство, все мы совершаем кражу. Я не социалист и не призываю отобрать собственность у богатых; я лишь хочу сказать, что те из нас, кто мечтает увидеть свет в конце туннеля, должны в личной жизни следовать этому закону. Я не собираюсь что-то у кого-то отбирать. Пожелав сделать это, я нарушил бы закон ахимсы. Если кто-то богаче меня — пожалуйста, на здоровье. Но, разумно выстраивая собственную жизнь, я уверяю, что не решусь владеть чем-то, в чем не испытываю необходимости. У нас в Индии три миллиона человек едят один раз в день и не могут позволить себе большего. Если мы с вами хотим совершенствоваться духовно, то должны ограничить свои потребности и даже добровольно голодать, чтобы исцелить, накормить и одеть этих несчастных.

Чтобы следовать стезёй ненасилия, мы не должны желать того, что не может позволить себе презреннейший и ничтожнейший из наших ближних.

Раздел шестой. ЦЕЛИ МОЕЙ РЕЛИГИИ

24. РЕЛИГИЯ ДОЛЖНА ПРОНИЗЫВАТЬ ВСЕ СФЕРЫ ЖИЗНИ

Всё многообразие человеческой деятельности представляет некое незримое целое. Нельзя разделить общественную, экономическую, политическую и сугубо религиозную области, как если бы они были непроницаемы друг для друга. Мне не известна ни одна религия, которая существовала бы в отрыве от деятельности человека. Религия даёт ей незаменимые нравственные основы, без которых она превратилась бы в «бессмысленные шум и ярость»^[23].

Мы должны стараться, чтобы истина и ненасилие прочно вошли в жизнь не только отдельного человека, но и групп, общин и народов. По крайней мере, я мечтаю об этом. Я живу и готов умереть, чтобы воплотить эту мечту. Моя вера помогает мне каждый день открывать для себя новые истины. Ахимса — отличительное свойство души, и потому следовать ей надлежит всем, в любых обстоятельствах, в любых делах. Если ахимса не сможет проникнуть во все сферы жизни, значит она не имеет практической ценности.

25. В ОБЩЕСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Равенство людей

Думаю, не существует унаследованного от предков или приобретённого превосходства. Я верю в основополагающую доктрину адвайты (недвойственности, или единственности), и моё толкование адвайты полностью исключает идею превосходства на любой стадии развития человечества. Я безоговорочно верю в то, что все равны от рождения. Все люди, когда бы и где бы они ни родились: в Индии, в Англии, в Америке или где-то ещё, — наделены душой. Именно потому, что я верю в изначальное равенство всех людей, я отвергаю доктрину превосходства, которую надменно проповедуют некоторые наши правители. Я боролся с доктриной неравенства в Южной Африке, медленно, шаг за шагом побеждая её, и, глубоко проникшись этим убеждением, с радостью готов именовать себя мусорщиком, прядильщиком, ткачом, фермером и рабочим. Я выступал даже против самих брахманов, когда они притязали на превосходство либо по праву рождения, либо по праву исключительной мудрости и знаний. Полагаю, недостойно настаивать на превосходстве над своим ближним. Тот, кто притязает на подобное превосходство, по-моему, утрачивает право на звание человека.

Жизнь способна принимать самые разные формы, но их в равной мере наполняет один и тот же дух. Неужели мы должны различать высоких и низких, знатных и простолюдинов, если всё внешнее многообразие мира скрывает под собой одно фундаментальное единство, обретение которого является конечной целью всех религий?

Индивидуализм и социальная ответственность

Я ценю личную свободу, но нельзя забывать о том, что человек, в сущности, создание общественное. Он достиг своего нынешнего состояния, научившись приспособливать собственный индивидуализм к требованиям общественного прогресса. Неограниченный индивидуализм — закон зверя, закон джунглей. Мы должны научиться находить некий компромисс между личной свободой и ограничениями, налагаемыми обществом. Добровольное принятие подобных ограничений ради благополучия всего общества обогащает и личность, и тот социум, членом которого она является.

Нет ни единой добродетели, имеющей целью благо одной конкретной личности. Напротив, нет ни единого порока, который, пятная своего носителя, не пятнал бы одновременно, прямо или косвенно, многих других членов социума. А потому добродетельность или порочность отдельно взятого человека — не просто его личное дело, но дело всего общества, более того, всего мира.

Я верю в единство всех людей и, если уж на то пошло, единство всего живого. Поэтому я полагаю, что если один человек совершенствуется духовно, вместе с ним совершенствуется и весь мир, а если один человек опускается до низости, она в такой же мере становится уделом всего мира.

26. В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Любовь должна стать основанием экономики

Человек — это механизм, приводимый в движение душой. Самой большой производительности этот любопытный механизм достигнет не в том случае, если ему хорошо заплатят или станут грубо угрожать. Это произойдёт, когда его движущая сила, то есть воля или дух человека, подпитается подходящим топливом, а именно любовью и состраданием к ближнему. Вселенский закон материи гласит, что при условии, если и господину, и слуге присущи определённая энергия и здравый смысл, они добьются наилучшего результата, когда будут не враждовать, а любить друг друга и сострадать друг другу. Обращение с подчинённым, лишённое эгоизма и своекорыстия, найдёт самый горячий отклик. Обращайтесь со слугой по-доброму в расчёте использовать его благодарность в корыстных целях, и не увидите ответной благодарности, а вашу доброту не оценят, как вы того и заслуживали. Но если вы будете по-доброму обращаться с подчинённым без всякой задней мысли о выгоде, то с лёгкостью достигнете любых экономических целей, ведь здесь, как и везде, царит закон: кто станет сберегать душу свою, тот погубит её; а кто погубит её, тот оживит её^[24].

Чаще всего юноша, поступающий на работу в коммерческое предприятие, совершенно отторгнут от дома и его влияния. Глава фирмы становится его отцом,

и ему больше не к кому обратиться за практической помощью и советом. Поэтому у руководителя предприятия есть лишь один способ решить, достойно ли он обходится с подчинёнными, которых нанял: строго спросить себя, желал бы он, чтобы с его собственным сыном обходились так же, если бы молодой человек был принуждён «идти в люди».

Подобно тому как капитан обязан последним покинуть судно во время кораблекрушения и разделить со своей командой последний кусок хлеба во время голода, предприниматель обязан стойко переносить лишения наравне со своими рабочими и служащими во время экономического кризиса и даже брать на себя больше, чем они; так отец во время кораблекрушения, голода или битвы жертвует собой ради сына.

Всё это может показаться странным, однако единственная странность заключается в том, что мы не привыкли видеть такие отношения между начальником и подчинённым. Но эта модель вполне осуществима на практике и может воцариться навсегда.

Экономика справедливости

Подлинная экономика не видит препятствия в высочайших этических стандартах, подобно тому как подлинная этика, чтобы заслужить такое наименование, должна одновременно быть надёжной экономикой. Экономика, построенная на поклонении мамоне, позволяющая сильным накапливать богатства за счёт эксплуатации слабых, есть гнусная лженаука. Она предрекает миру смерть. С другой стороны, подлинная экономика выступает за социальную справедливость, заботится о благе каждого, включая самых слабых, и представляет собой непереносимое условие достойной жизни.

Став на новые нравственные позиции, мы перестанем думать о том, как бы получить всё, что можно, и откажемся принимать то, что недоступно другим.

Если я буду выплачивать подчинённому достойное жалованье, то не накоплю ненужных богатств, не потрачу деньги на предметы роскоши и не усугублю бедность, и так царящую в мире. Работник, получающий достойную заработную плату, в свою очередь будет справедлив к тем, кто находится у него в подчинении. Так поток справедливости не иссякнет, но лишь будет делаться полноводнее и набирать силу. А народ с таким чувством справедливости всегда будет счастливым и процветающим.

Таким образом, мы обнаружили, что экономика напрасно считает конкуренцию и соперничество достойной движущей силой. Конкуренция лишь позволяет работодателю нанимать работника за несправедливо заниженную плату, а в результате богатые обогащаются, а бедные беднеют. В конце концов этот процесс неизбежно приведёт нацию к гибели. Работник должен получать справедливую оплату, соответствующую его способностям. Даже в таком случае не удастся полностью избавиться от своеобразной конкуренции, но работники будут довольны и станут высококвалифицированными, потому что им придётся «сбивать цену», заявляя о своей готовности работать за меньшую плату,

чем другие. Им достаточно будет овладевать новыми знаниями, навыками и умениями, чтобы наверняка занять достойное рабочее место. Так устроены правительственные учреждения, в которых чиновники получают фиксированное жалование в зависимости от занимаемого поста. Претендент на место не предлагает работать за меньшую плату, чем его конкуренты, а лишь доказывает, что обладает более глубокими знаниями, нежели его соперники. Однако в торговле и промышленности господствует удручающая конкуренция, выливающаяся в мошенничество, сутяжничество и воровство. Зачастую производятся заведомо некачественные товары. Промышленник, работник, покупатель — каждый думает лишь о собственной выгоде. Стремление получить наживу отравляет любое человеческое общение.

Рабочие голодают и начинают бастовать. Промышленники утрачивают всякое представление о морали. Потребители тоже не задумываются об этических аспектах своего поведения. Одна несправедливость влечёт за собой множество других, и в конце концов работодатель, работник и потребитель страдают и погибают. Само богатство зачастую превращается для его обладателей в злой рок.

Подлинная экономика — это экономика справедливости, при которой люди будут счастливы, так как научатся праведности. всё остальное — пустое тщеславие и путь к гибели. Проповедовать обогащение любым путём — значит оказывать человечеству самую скверную услугу.

Экономическое равенство

Вот как я представляю себе общество: все в нем рождаются равными и имеют равные права, однако наделены неравными способностями. Что ж, это в природе вещей. Например, у всех разный рост, цвет кожи, уровень умственного развития, поэтому совершенно естественно, что кто-то сможет заработать больше, кто-то — меньше. Талантливые люди смогут рассчитывать на большее и будут использовать свои способности для достижения этой цели. Если они захотят поставить свои таланты на службу ближнему, то будут работать на государство. Такие люди будут выполнять роль попечителя, опекуна, не более. Не стану возражать против того, чтобы интеллектуально развитый человек зарабатывал больше, я вовсе не хочу ставить преграды его талантам. Однако большую часть заработанных денег он должен отдавать на благо государства, подобно тому как доходы всех сыновей одного отца пополняют общую семейную казну.

Истинный смысл равного распределения заключается в том, что каждый будет иметь возможность удовлетворить свои основные нужды, и не более. Например, если у одного человека слабое пищеварение и ему требуется лишь четверть фунта муки в день, тогда как другому — целый фунт, то каждый из них имеет право и получит возможность удовлетворить свои потребности. Чтобы воплотить этот идеал, придётся перестроить всю структуру общества. У общества, основанного на ненасилии, не может быть другого идеала. Возможно, мы не достигнем этой цели, но должны всегда помнить о ней и приближать её всеми доступными средствами. По мере приближения к цели мы будем ощущать

всё более глубокую радость и умиротворение и одновременно вносить всё больший вклад в дело создания общества, основанного на ненасилии.

А теперь посмотрим, как можно добиться равного распределения через ненасилие. Для того, кто всей душой жаждет воплотить этот идеал, первым шагом будет изменение собственного образа жизни. Он сократит свои потребности до минимума, помня о царящей в Индии нищете. Он никогда не станет зарабатывать деньги нечестными способами и отвергнет самую мысль о наживе. Его жилище будет полностью соответствовать его новым привычкам. Во всех сферах жизни он станет практиковать самоограничение и аскетизм. Только осуществив свой идеал в полную меру сил и способностей в собственной жизни, он станет проповедовать его соседям и знакомым.

В основе доктрины равного распределения должен лежать принцип доверительного владения лишним богатством, которому обязаны следовать состоятельные люди. В соответствии с этой доктриной у них нет права иметь даже на одну рупию больше, чем их соседи. И как же это осуществить, не прибегая к насилию? Или богачей следует лишить их состояния? Чтобы сделать это, нам, разумеется, придётся применить насилие. Этот акт насилия не принесёт пользы обществу. Напротив, общество сделается ещё беднее, ибо утратит талант того, кто знал, как разбогатеть. Поэтому очевидно, что следует предпочесть ненасильственный путь. При новом порядке богач сохранит своё имущество, будет тратить на себя в разумных пределах ровно столько, сколько нужно для удовлетворения его потребностей, а остальными деньгами распоряжаться на благо общества, как попечитель — состоянием воспитанника. В этом случае мы предполагаем, что попечитель будет неизменно честен.

Однако что делать, если, несмотря на все усилия, богатые не делают опекунами бедных в истинном смысле этого слова, если бедные всё чаще впадают в крайнюю нужду и умирают от голода? Пытаясь решить эту проблему, я открыл верные и безотказные средства: это несотрудничество и ненасильственное гражданское неповиновение. Богачи не смогут накопить и сосредоточить в своих руках богатства, не прибегая к помощи бедняков. Осознав этот способ борьбы и распространив его в массах, бедные обретут силу и ненасильственным путём избавятся от губительного неравенства, которое привело их на грань голодной смерти.

Ненасильственная экономическая структура

Мне кажется, если Индия хочет идти стезёй ненасилия, ей придётся отказаться от чрезмерной централизации, ведь централизацию нельзя сохранить и защитить без применения силы.

Общество, основанное на ненасилии, нельзя построить в рамках промышленной цивилизации, но вполне возможно в самодостаточных деревнях, всё производящих самостоятельно. Сельское хозяйство, как я его понимаю, совершенно отказывается от эксплуатации, а эксплуатация есть суть насилия. Поэтому, чтобы совершенствоваться в ненасилии, вам следует переехать в

деревню и возделывать своё поле. Индустриализация в массовом масштабе неизбежно приведёт к пассивной или активной эксплуатации крестьян, по мере того как будут проявляться конкуренция, торговля и сбыт. Поэтому мы должны предпочесть самодостаточную деревню, производящую главным образом продукты для собственного употребления. Если сельское хозяйство сохранит такой характер, то почему бы крестьянам не использовать современную агротехнику и орудия, которые они могут изготовить сами или купить? Нельзя лишь применять их для эксплуатации ближних.

Индустриализация и промышленное производство в крупных масштабах появились сравнительно недавно. Трудно сказать, насколько они осчастливили человечество, но совершенно точно привели к мировым войнам (за рынки сырья и сбыта).

Цель — всеобщее благо

Приверженец ахимсы не может принять прагматическую формулу «Цель — наибольшее благо для наибольшего числа людей». Он будет бороться за величайшее благо для всех и, если потребуется, умрёт за воплощение этого идеала. Таким образом, он с готовностью умрёт ради жизни ближних. Погибая, он будет служить не только ближним, но и себе самому. «Величайшее всеобщее благо» неизбежно предполагает благо для наибольшего числа людей, и, таким образом, сторонник ахимсы и прагматик, сравнивая свои убеждения, сойдутся во многих пунктах, но рано или поздно не согласятся по одному вопросу, и их пути разделятся. Прагматик, руководствуясь разумом, никогда не пожертвует собой. Приверженец ахимсы готов отдать за всеобщее благо даже собственную жизнь.

Мы созданы бороться не за благо для избранных и даже не за благо большинства, а за всеобщее благо, если, конечно, мы сотворены по Его образу и подобию.

27. В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Свобода через любовь

В демократическом обществе, как я его воображаю, в демократическом обществе, основанном на ненасилии, все будут свободны в равной мере. Всякий будет себе хозяином.

Истинная демократия масс, или сварадж, не может быть достигнута ложью и насилием по той простой причине, что неизбежным следствием лжи и насилия станет устранение оппозиции, то есть либо подавление, либо уничтожение

противников. Это никак не обеспечит свободу личности. Свобода личности может воцариться только при чистой, незапятнанной ахимсе.

Нет необходимости в слишком мощном государстве

Политическая власть предполагает возможность регулировать жизнь народа через его представителей. Если жизнь народа достигает такого совершенства, что перестаёт нуждаться в регулировании извне, то отпадает и необходимость в его представителях. Тогда наступает состояние просвещённой анархии. В таком государстве всякий сам себе правитель. Он управляет собой так, чтобы не нарушить права соседа. Следовательно, в идеальном государстве нет политической власти, поскольку нет и самого государства. Однако этого идеала невозможно полностью достичь в жизни. Отсюда и классическое изречение Торо, что наилучшее правительство — то, которое правит как можно меньше.

Я с величайшим страхом наблюдаю за ростом власти государства, потому что, на первый взгляд творя добро, то есть уменьшая эксплуатацию, оно творит величайшее зло, разрушая индивидуальность, каковая и есть основа любого прогресса.

Поэтому я попытался показать словом и делом, что политическое самоуправление, то есть самоуправление для большого числа мужчин и женщин, ничем не лучше самоуправления для отдельно взятой личности, а значит, его можно установить теми же средствами, что потребны для личного самоконтроля и личной сдержанности.

Ненасильственная политическая структура

Истинную демократию приводят в движение не двадцать человек, сидящих в центре, а крестьяне каждой деревни снизу.

В этой политической структуре, состоящей из бесчисленных деревень, будут существовать только концентрические, расширяющиеся окружности, но не найдётся места восходящим кругам. Жизнь при ней не уподобится пирамиде, основание которой поддерживает вершину. Она будет напоминать необъятный круг, в центре которого — отдельный человек, всегда готовый отдать жизнь за свою деревню, затем — деревня, готовая погибнуть за край, и так далее, пока целое не превратится в одно живое существо, состоящее из отдельных людей, не ведающих гордыни и не проявляющих жестокости, но вечно смиренных и столь же величественных, сколь и огромный круг, неотъемлемой частью которого они являются.

Поэтому внешняя окружность никогда не употребит свою великую власть, чтобы подавлять внутреннюю, но, напротив, станет вселять силы во все круги,

лежащие в её пределах, и черпать силу в них. Надо мною можно посмеяться, сказав, что всё это утопия и потому не стоит о ней даже думать. Если евклидова неделимая точка, хотя её и не может вообразить человеческое сознание, имеет непреходящую ценность, моя картина также обладает ценностью для человечества будущего. Пусть Индия живёт с подобным идеалом, даже если его и невозможно достичь в полной мере. Нужно сначала хорошо представить себе, чего мы хотим, и уж потом пытаться осуществить свои замыслы. Если когда-нибудь в каждой индийской деревне возникнет республика, я заявлю об истинности своего утопического видения, в котором равны первые и последние, или, иными словами, нет ни первых, ни последних.

При сварадже, основанном на ненасилии, ни у кого не будет врагов, каждый станет вносить свою лепту в упрочение всеобщего блага, все будут грамотны и знания станут расти день ото дня. Болезни и эпидемии удастся свести к минимуму. Исчезнет нищенство, и любой сможет найти работу. При таком сварадже не будет места азартным играм, пьянству, безнравственности или классовой ненависти.

Национализм и интернационализм

Мой патриотизм не имеет своей целью благо исключительно индийцев. Он задуман с тем, чтобы не только не причинять вреда ни одному народу, но даже приносить истинную пользу всему миру. Свобода Индии, как я её понимаю, ничем не будет угрожать миру. Подобно тому как культ патриотизма ныне учит нас, что отдельный человек должен умереть за свою семью, семья — за деревню, деревня — за округ, округ — за провинцию, а провинция — за страну, страна должна обрести свободу, чтобы, если понадобится, умереть за весь мир. Моё видение патриотизма исключает расовую ненависть.

Мы должны самоотверженно служить своим соседям и протягивать им руку помощи, даже если нас разделяют государственные границы. Бог никогда не создавал таких границ.

Я безоговорочно верю в существование единого Бога и, соответственно, единого человечества. Пусть существует много тел, душа у нас одна. Преломление умножает лучи солнца, но они имеют один источник.

Моя религия и мой патриотизм, который является следствием моей религии, предполагают любовь и сострадание ко всему живому. Я заявляю о своём родстве и тождестве не только со всеми людьми на свете, но и со всеми живыми существами, даже с рептилиями. Не хочу шокировать вас, но я ощущаю своё родство даже с ползучими гадами и насекомыми, ведь все мы исходим от одного Бога, а если это так, то всё живое, в каком бы облике оно ни представало, в сущности едино.

Раздел седьмой. МОЙ ИНДУИЗМ

28. СУТЬ ЕГО — ПОЛНОЕ САМООТРЕЧЕНИЕ И ПОЛНАЯ ПРЕДАННОСТЬ ВЕРЕ

Я выбрал и сейчас прочитаю вам одну мантру, отражающую самую суть индуизма. Многим из вас, полагаю, известна «Иша-Упанишада». Я прочёл её много лет тому назад с переводом и с комментариями. Я выучил её наизусть в тюрьме Йервада. В ту пору она не столь покорила меня, как пленяет последние несколько месяцев: теперь я пришёл к выводу, что, если бы «Упанишады» и все прочие священные тексты внезапно поглотило пламя и пощадило бы лишь первый стих «Иша-Упанишады», который один остался бы в памяти индуистов, то индуизм жил бы вечно.

Так вот, эта мантра состоит из четырёх частей. Первая часть звучит как ईशावास्यमिदं सर्वं | यत्किं च जगत्यां जगत् |. Я перевёл бы эти строки: «Все, что мы видим в этой великой Вселенной, преисполнено Бога». Далее, вторая и третья части читаются как तेन त्यक्तेन भुजीथाः |. Я делю их пополам и перевожу: «Отрекись от её благ и насладись ею». Есть и другой перевод, в сущности предлагающий ту же интерпретацию: «Насладись тем, что Он дарует тебе». При таком толковании вы тоже можете разделить строку на две части. Затем следует заключительная, самая важная часть: मा गृधः कस्यस्विद् धनम् |. Это означает: «Не вожделей чужого богатства или достояния». Все остальные мантры этой древней «Упанишады» — комментарий или пояснения к первой мантре.

Мне кажется, она воплощает идеал социалиста и коммуниста, философа и экономиста. Осмелюсь предположить, обращаясь к неиндуистам, что она отвечает также их чаяниям. А если это так — а я полагаю, это именно так, — вы можете не принимать в индуизме того, что не созвучно с этой мантрой или противоречит её содержанию. Способен ли обычный человек постичь что-то большее, нежели принцип, согласно которому вся Вселенная одухотворена присутствием одного Бога, создателя и властителя всего живого? Остальные три части мантры непосредственно следуют из первой. Если вы верите, что Бог присутствует во всем, что Он создал, то, естественно, должны верить и в то, что не можете насладиться ничем, что не было бы Им даровано. А осознав, что Он — Создатель, то есть Отец, бесчисленных детей, вы, соответственно, не можете вожделей чужого достояния. Если вы воспринимаете себя как одно из Его бесчисленных творений, то вам пристало отречься от всего, что вы имеете, и сложить всё к Его ногам. Это означает, что в акте самоотречения вы не просто жертвуете собой и отказываетесь от своего физического существования, но рождаетесь заново или перерождаетесь. Это сознательное деяние, его нельзя совершать бездумно. Поэтому оно означает возрождение. А потом, поскольку человек, заключённый в смертном теле, должен вкушать пищу, пить и облекать своё бренное тело в одежду, он, естественно, должен молить Господа об удовлетворении всех своих нужд. И получает всё, что ему потребно, в качестве вознаграждения за своё самопожертвование. Чтобы подчеркнуть важность этого

принципа, мантра завершается словами: «Не вожделей чужого достояния». Начав следовать этим предписаниям, вы становитесь мудрым гражданином мира и отныне пребываете в состоянии абсолютной гармонии со всеми живыми существами. С этих пор все ваши сокровеннейшие желания осуществляются: и в этом мире, и в потустороннем.

Запомните этот единственный стих «Иша-Упанишады» и забудьте все прочие священные писания. Разумеется, вы можете утонуть в океане священных текстов или похоронить себя под их лавиной. Они пойдут на пользу образованному человеку, если станут учить смирению и мудрости, однако обыкновенному человеку, чтобы преодолеть любые трудности, достаточно этой мантры: «Бог Вседержитель одухотворяет всё, что есть во Вселенной. А потому отрекись от её благ и всё сложи на алтарь Его, а затем воспользуйся и насладись тем, что выпало тебе на долю. Не возжелай имущества ближнего».

В этом стихе провидец избрал для описания Божества именно эпитет «Вседержитель», а значит, отдал ему во власть всю Вселенную. Он говорит, что весь окружающий мир преисполнен Божественного начала, а естественным следствием этого принципа являются другие части мантры. Например, когда провидец обращается к верующему: «Отрекись от её благ!» — он имеет в виду всё, что существует во Вселенной, всю Вселенную, а не только наш земной шар. Он настаивает, что мы должны отринуть всю Вселенную, поскольку мы сами — столь мелкие, ничтожные атомы, что, если бы мы посягали владеть хоть чем-нибудь, то это не могло бы не показаться нелепым. А потом, говорит Риши, нас ждёт награда за отречение, भुञ्जीथा, наслаждение всем, чем угодно. Однако слово, которое можно перевести глаголом «наслаждаться», имеет и другое значение: «владеть», «пользоваться». Поэтому эту строку можно интерпретировать как предостережение верующему: брать ровно столько, сколько требуется для жизни. Соответственно наслаждение, или владение, ограничено двумя условиями. Одно из них — это акт полного самоотречения, или, как сказал бы автор «Бхагаватгиты», наслаждения в духе कृष्णार्पणमस्तु सर्वम्, или совершенной жертвы, приносимой Господу. И каждое утро всякий, кто верит в Бхагаватдхарму, должен посвящать все свои помыслы, речи и деяния Кришне и, пока не совершил этого акта ежедневного отречения или жертвования, свидетельство преданности Кришне, не имеет права даже ни к чему прикоснуться или выпить хотя бы глоток воды. И, лишь совершив этот акт отречения и преданности, человек получает право на пищу и питье, одежду и крышу над головой в той мере, в какой это необходимо для поддержания его жизни. Поэтому воспринимайте это как хотите: либо в том смысле, что наслаждение или обладание — награда за отречение и жертву, либо в том, что отречение и жертвенность — неперемennые условия наслаждения, без самоотречения и жертвенности невозможно само наше существование, без них погибнет душа. Словно опасаясь, что мантра недостаточно полно описывает это условие, Риши поспешил добавить: «Не вожделей того, что принадлежит другому». Поэтому я полагаю, что суть всех философских и религиозных систем, где бы они ни появились, сводится к этой мантре.

А сейчас я попробую применить содержание этой мантры к современности. Если всё сущее во Вселенной одухотворено Божественным началом, иными словами, если брахман и бханги, учёный мудрец и мусорщик, ежава и пария, не

важно, к какой касте они принадлежат, в равной мере озарены светом Божьим, то, согласно этой мантре, среди них не может быть высших и низших, все равны, ибо все сотворены Господом.

Я хотел бы, чтобы мантру, которую я прочитал, бережно хранили в сердце все наши мужчины, женщины и дети, и если она, как я полагаю, выражает самую сущность индуизма, её должно запечатлеть на вратах всех храмов.

Провидец, которому эта мантра, или стих, была ниспослана как откровение, не довольствовался велеречивым утверждением, что Господа можно найти повсюду. Он пошёл дальше и сказал: «Поскольку Господь обитает повсюду, ничто не принадлежит вам, даже ваше собственное тело. Бог безусловно, несомненно владеет всем, что вы привыкли считать своим». И потому, когда человек, называющий себя индуистом, переживает перерождение или второе рождение, как сказали бы христиане, он обязан отречься от всего, что по неведению считал своей собственностью, и предать её Господу. А совершив этот жертвенный акт, он познает, что его ожидает награда, ибо Господь позаботится о том, чтобы накормить, одеть и приютить его. Поэтому условием наслаждения всем, что необходимо для жизни, или просто использования самого необходимого является отказ и передача всего в руки Господа. И совершать этот акт жертвенности и преданности нужно изо дня в день, иначе можно забыть в этом суетном мире о нашей главной цели. А в заключение провидец говорит: «Не вожделей чужих богатств». Полагаю, истина, заключённая в этой лапидарной мантре, призвана удовлетворить глубочайшие чаяния каждого человека — и в этом мире, и в потустороннем. Я внимательно исследовал священные писания разных религий, но не нашёл ничего, чем можно было бы дополнить эту мантру. Обобщая все свои знания о священных писаниях мира — а признаюсь честно, они весьма скудны, — я чувствую, что всё благое и праведное в них происходит из этой мантры. Эта мантра даёт мне ощущение всеобщего братства, включающего не только людей, но и всех живых существ. Если можно обрести несокрушимую веру в Господа, какие бы атрибуты мы ни прибавляли к Его имени, я нахожу её именно в этой мантре. Если можно всецело проникнуться мыслью о полной преданности Богу и верой, что Он подаст мне всё необходимое для жизни, то я опять-таки проникаюсь подобной верой, читая эту мантру. Поскольку Он пребывает в каждой частичке бытия — моего, вашего и любого человека, — я извлекаю из этой мантры доктрину равенства всего живого, всех земных созданий. Полагаю, эта мантра должна быть близка и тем, кто исповедует философию коммунизма. В этой мантре говорится, что я не вправе считать своим ничто из принадлежащего Богу, а для того, чтобы моя жизнь и жизнь тех, кто уверовал в эту мантру, преисполнилась преданности Господу, она должна превратиться в служение ближним — всем созданиям Божьим.

Такова моя вера; мне кажется, её должны разделять все, кто называет себя индуистами. Осмелюсь предположить, что если мои друзья, исповедующие ислам или христианство, внимательно перечитают свои священные писания, то не обнаружат в них ничего больше.

Не стану утаивать от вас тот факт, что мне известно немало суеверий, которые почему-то пытаются выдать за индуизм. Мне бывает чрезвычайно неловко, когда я вспоминаю о всевозможных предрассудках, притворяющихся

индуизмом, и я готов решительно их разоблачать. Как величайший из этих предрассудков я не преминул обличить неприкасаемость. Но, несмотря на всё это, я остаюсь индуистом, ибо полагаю, что все эти суеверия не имеют к индуизму отношения. Самые каноны толкования индуистских текстов учат нас, что всё, что не соответствует истине, которую я изложил вам, и не сокрыто в упомянутой мною мантре, можно отвергнуть как противоречащее индуизму.

Последователь «Дхармагиты» воспитывает себя так, чтобы уметь обходиться без многих вещей и при этом быть счастливым, или, как называет это «Бхагаватгита», спокойным и уравновешенным, ибо счастье, согласно «Бхагаватгите», не противоположно несчастью. Оно превосходит несчастье. Приверженец «Бхагаватгиты» не счастлив и не несчастлив. Когда он достигает спокойствия и умиротворения, он уже не различает ни муки, ни удовольствия, ни поражения, ни лишений, ни обладания.

Мы должны научиться не скорбеть, сталкиваясь со смертью, не важно, когда и к кому она приходит. Полагаю, мы научимся этому, когда станем равнодушно думать о своём собственном неизбежном уходе, и это безразличие к смерти наступит, когда во всякое мгновение своей жизни мы будем осознавать, что выполнили задачу, которая на нас возлагалась.

29. БОГОСЛУЖЕНИЕ В ХРАМЕ И ПОЧИТАНИЕ ОБРАЗОВ

Образ не вызывает у меня никаких благоговейных чувств. Однако мне кажется, что почитание образов в человеческой природе. Мы тоскуем по символам. Зачем же тогда насаждать чрезмерную сдержанность в церкви? Образы есть часть богослужения. Ни один индуист не видит в образе Бога. Я не считаю почитание образов грехом.

Я одновременно сторонник и противник почитания образов, в истинном смысле этих определений. Я высоко ценю дух, подвигающий на почитание образов. Оно играет значительную роль в нравственном совершенствовании человечества. И я хотел бы, чтобы мне были отпущены силы даже ценой своей жизни защитить тысячи священных храмов, осеняющих своим присутствием нашу землю.

Я противник почитания образов, поскольку отрицаю его наиболее изощрённую форму — фанатизм, отказывающийся признавать богоугодным любой вариант религии, отличный от собственного. Утончённое и обманчивое, подобное идолопоклонство куда более ужасно, чем откровенное и грубое поклонение высеченной из камня или отлитой из золота скульптуре, в которой видят Божество.

Следует устанавливать в храмах образы или нет — вопрос темперамента и вкуса. Я вовсе не считаю дурными и исполненными предрассудков индуистский

храм или католическую церковь, где установлены изображения, и не готов превозносить мечеть или протестантскую церковь потому лишь, что они избегают изображений. Символ, подобный кресту или книге, с лёгкостью может превратиться в объект идолопоклонства, а значит, и суеверия. И напротив, поклонение младенцу Кришне или Деве Марии может облагородить душу и освободить её от любых предрассудков. всё зависит от того, что происходит в душе у верующего.

— Если бы индуизм стал монотеистической религией, — предположил один священник, — христианство и индуизм смогли бы сотрудничать в деле служения Индии.

— Я был бы очень рад такому сотрудничеству, — сказал Ганди. — У меня есть своё видение этой ситуации, но прежде я хотел бы оспорить мнение, что индуисты верят во множество богов и могут считаться идолопоклонниками. Полагаю, что вправе назвать себя истинным индуистом, однако никогда не был приверженцем многобожия. Даже в детстве я не верил во множество богов, и никто не навязывал мне подобной веры.

Что касается идолопоклонства, то оно не может не существовать в той или иной форме. Почему мусульманин отдаёт свою жизнь, защищая мечеть, которую называет домом Божиим? И почему христианин ходит в церковь, а когда его вызывают свидетельствовать в суде, клянётся на Библии? Я несколько не возражаю против этого. А жертвовать целые состояния на возведение мечетей и гробниц? Что это, если не вариант идолопоклонства? А католики, преклоняющие колени перед образами Девы Марии и святых — каменными изваяниями, картинами или витражами?

— Однако, — возразил на это католический священник, — я храню и благоговейно целую фотографию матери, но не поклоняюсь ей, как не поклоняюсь святым. Я поклоняюсь одному лишь Богу, признавая Его Своим Создателем, величайшим, чем все Его творения.

— Пусть так, и всё же мы поклоняемся не камням, но Богу в образе камней и металла, сколь бы грубы они ни были.

— Но крестьяне поклоняются камням как Богу.

— Нет, уверяю вас, они не поклоняются ничему, что было бы слабым отражением Божества. Когда вы преклоняете колени перед Девой Марией и молитесь ей о заступничестве, разве вы делаете не то же самое, что индуист, пытающийся приобщиться Богу через Его изображение в камне? Почему сердце мусульманина преисполняется благоговения и восторга, когда он переступает порог мечети? В самом деле — почему, ведь можно сказать, что весь мир — мечеть? Вот, например, великолепный небесный свод у нас над головой, разве он меньше и презреннее мечети? Но я понимаю мусульман и сочувствую им. Такой способ познания Божества они выбрали. Индуисты познают того же Предвечного по-своему. Мы все постигаем Бога по-разному, но это не означает, что мы поклоняемся разным богам.

Почитание образов, придающих идеалу конкретную форму, — естественное свойство человеческой природы, по-своему ценное, так как укрепляет верующего в его молитвах и религиозных обрядах. Например, мы почитаем образ, благоговейно созерцая священное писание той или иной религии. Мы почитаем

образ, вступая в храм или мечеть с чувством благоговения и восторга. Я вполне принимаю это и, более того, полагаю, что человек, наделённый далеко не всеобъемлющим, конечным сознанием, и не может вести себя иначе.

Напротив, нельзя поощрять того, кто даёт обеты или возносит молитвы с корыстными целями, не важно, как и где именно он это делает: в церкви или в мечети, в храме или перед священными деревьями или иными святынями. Однако вознесение корыстных молитв, принятие эгоистичных обетов — само по себе отнюдь не следствие почитания образов. Личная молитва, имеющая корыстные цели, всегда недостойна, вне зависимости от того, произнесена она перед образом или незримым Богом.

Богослужение в храме

Индуист не обязан ходить в храм, чтобы поклоняться образу Рамачандры. Пусть так поступает тот, кто не в силах возносить молитвы Раме, не созерцая при этом его храмового образа. Может быть, этому верующему не повезло, но для него Рама, безусловно, пребывает прежде всего в этом святилище, а не где — либо в ином месте. Я не стал бы разрушать его простодушную веру.

Кришнаит или индуист — совершенное создание. Его не волнуют суровые осуждения критиков. Миллионы приверженцев Кришны и Рамы пережили религиозное просветление, вдохновлённое произнесением священных имён. Не могу судить о природе этого явления. Это таинство. Я никогда не пытался доказать его с помощью логики. Хотя и разумом, и сердцем я давно признал, что высочайшее неотъемлемое свойство Господа и Его имя есть истина; истина для меня носит имя Рамы. Это имя спасало меня в часы величайших несчастий и продолжает спасать до сих пор. Возможно, такое убеждение зародилось у меня в детстве, возможно, всё обаяние этого имени я ощутил благодаря Тулсидасу^[25]. Но факт остаётся фактом, и сейчас, когда я пишу эти строки, у меня в памяти встают сцены детства, ежедневное посещение храма Рамаджи мандира, располагавшегося неподалёку от нашего наследственного дома. В ту пору мой Рама обитал там. Он избавил меня от множества страхов и грехов. В моих глазах молитва, возносимая Раме, отнюдь не была суеверием. Возможно, служитель того храма был недостойным человеком, хотя мне не известно о нем ничего дурного. Не слышал я и о том, что в храме творились какие-то злодеяния. Следовательно, они никак не повлияют на мою веру. То, что можно сказать обо мне, справедливо и по отношению к миллионам индуистов. Богослужение в храме удовлетворяет остро ощущаемую духовную жажду человечества. Его позволительно реформировать. Однако оно будет существовать до тех пор, пока живо человечество.

Храмы для индуистов — то же, что церкви — для христиан. Тысячи индуистов, в своей бесхитростной вере посещающие храмы, черпают в богослужении то же духовное благо, что и христиане, в своей бесхитростной вере посещающие церковь. Лишите индуиста его храма, и он утратит самое дорогое в жизни. Не стану спорить, многие индуистские храмы повинны в распространении

суеверий и в том, что давали приют злу. Однако это повод лишь для реформы храмового богослужения, а не для отказа от него.

Мне не известна ни одна религия или секта, которая обходилась бы без дома Божьего, будь то храм, мечеть, церковь, синагога или агиари^[26]. К тому же нельзя с уверенностью утверждать, что Иисус или другие великие реформаторы разрушали храмы или призывали отказаться от них. Все они пытались изгнать пороки из храмов и из общества. Большинство из них, если не все, по-видимому, проповедовали в храмах. Я уже много лет не посещаю храмов, однако не считаю, что это хоть сколько-то положительно на меня повлияло. Моя мать никогда не пропускала посещение храма, если ей позволяло здоровье. Возможно, её вера была значительно твёрже моей. Веру миллионов людей укрепляет посещение храмов, церквей и мечетей. Они не слепые рабы предрассудков и не фанатики. Предрассудки и фанатизм зарождаются далеко не в первую очередь в храмах; скорее, эти пороки коренятся в нашем сердце и уме.

Отвергнуть храмы означает отвергнуть Бога, религию и земное существование.

Настоящий религиозный реформатор должен задумываться в первую очередь о радикальном изменении не внешней формы, но духа, внутреннего содержания. Если удастся преобразовать дух, форма изменится сама собою. Если же дух не переживёт возрождения, форма, сколь бы её ни видоизменяли, останется гробом повапленным^[27]. Мавзолей, сколь бы прекрасен он ни был, — всего лишь гробница, а не мечеть, тогда как голый клочок освящённой земли может стать истинным Храмом Божьим.

Мисс Мейо в своей книге «Мать-Индия»^[28] говорит, что вишнуитский знак имеет непристойный смысл. Я родился в семье вишнуитов. Я прекрасно помню посещения вишнуитских храмов. Моя семья придерживалась ортодоксальных воззрений. Ребёнком я сам носил этот знак на лбу, и ни мне, ни моим близким и в голову не приходило, что этот невинный и довольно изящный знак наделён каким-то непристойным значением. Я расспрашивал о нем многих вишнуитов здесь, в Мадрасе, где сейчас пишу эти строки. Они ничего не знали о якобы присущем ему непристойному смыслу. Не хочу сказать, что он никогда не имел такого значения. Но в таком случае миллионы людей не догадываются о непристойности многих обычаев, которые мы простодушно практиковали до сих пор, не ведая греха. Впервые я узнал о том, что шива-лингам исполнен бесстыдства, только из книги одного христианского миссионера, и даже сейчас, когда я вижу шиву-лингам, ни его форма, ни контекст, в котором он предстаёт, не вызывают у меня никаких неприличных ассоциаций. Опять-таки в книге, написанной христианским миссионером, я прочитал, что храмы Ориссы обезображены непристойными статуями. Во время своей поездки в Пури я не без труда заставлял себя глядеть на эти фигуры. Однако мне известно, что тысячи паломников, устремлявшихся в эти храмы, даже не подозревают о бесстыдстве окружающих их статуй. Посещающие храмы невинны в своей бесхитростной вере, а статуи не бросаются в глаза.

30. ВОПЛОЩЕНИЕ БОЖЕСТВА

Мой Кришна не имеет никакого отношения к исторической личности, носившей это имя. Я не стал склонять голову перед Кришной, которого оскорблённая гордость заставляет совершить убийство, или Кришной, которого неиндуисты изображают распутным юношей. Кришна, живущий в моем воображении, — это совершенное воплощение Божества, безупречное во всех смыслах слова, вдохновитель «Бхагаватгиты», дающий силы и утешение миллионам людей. Однако, если бы мне доказали, что «Махабхарата» содержит достоверные факты, подобно современным историческим исследованиям, и что Кришна «Махабхараты» действительно совершил некоторые из приписываемых ему деяний, я, даже подвергая себя опасности быть исторгнутым из лона индуизма, не преминул бы отвергнуть такого Кришну как воплощение Бога. Однако для меня «Махабхарата» — глубоко религиозная книга, имеющая в основном аллегорический характер, а отнюдь не изложение исторических событий. Это описание поединка между добром и злом, непрерывно происходящего у нас в душе, и описание столь живое, что читатель на время может поверить, будто речь действительно идёт о конкретных людях, совершающих весьма неблагоприятные поступки. К тому же я, в отличие от большинства современных индуистов, не считаю «Махабхарату» безупречной копией оригинала. Напротив, я полагаю, что она претерпела множество редакций.

В индуизме воплощением Божества становится тот, кто отличился в деле служения человечеству. всё живое на самом деле есть воплощение Бога, однако не принято считать каждое живое существо, взятое в отдельности, подобным воплощением. Объявляя определённого человека воплощением Божества, будущие поколения воздают честь тому, кто при жизни прославился благочестивым поведением. Мне кажется, эта процедура вполне законна и справедлива: она ничем не умаляет величия Господа и не ущемляет истину. Существует изречение на урду, гласящее: «Адам — не Бог, но в нем искра Божья». Поэтому в том, чьи мысли и деяния были наиболее благочестивы, живёт наиболее сильная, неугасимая искра Божья. Именно согласно этой концепции Кришна в индуизме имеет статус наиболее совершенного воплощения Бога.

Вера в воплощение Божества — свидетельство высоких духовных притязаний человека. Человек не изведает покоя, пока не уподобится Богу. Попытка достичь этого состояния — высшее, единственно ценное стремление. Для этого мы, в сущности, живём.

Бог — это не человек. Утверждать, что Он время от времени нисходит на землю в человеческом облике, верно лишь отчасти и предполагает, что подобный человек был близок Богу. Поскольку Бог вездесущ, Он пребывает в душе каждого человека, и поэтому можно сказать, что все люди — Его воплощения. Однако далее мы зайдём в тупик. Раму, Кришну и так далее именуют воплощениями Бога, потому что приписывают им Божественные свойства. В действительности же они — создания человеческого воображения. Существовали ли они на самом деле — не важно, это несколько не разрушает их

образа в человеческом сознании. Исторические Рама и Кришна зачастую предстают весьма противоречивыми персонажами, а их деяния требуется оправдывать с использованием всевозможных философских и религиозных аргументов.

31. ВАРНА И КАСТА

Закон варны

«Варна» означает предопределение при выборе профессии или ремесла. Закон варны обязывает человека зарабатывать на жизнь тем же трудом, что и его предки. Поэтому варна — это закон наследования. Варна не была навязана индуистам, её закон открыли люди, заботившиеся об их благе. Это не создание человеческого ума, а непреложный закон природы, проявление неослабевающей, неизменной тенденции, подобной ньютоновскому закону всемирного тяготения. Закон всемирного тяготения существовал до того, как был открыт, и это справедливо также по отношению к закону варны. Именно индуистам было назначено обнаружить этот закон. Открыв и поставив себе на пользу некоторые законы природы, народы Запада с лёгкостью приумножили своё материальное благосостояние. Точно так же индуисты, обнаружив этот непреложный закон существования общества, достигли уровня духовного развития, недоступного прочим народам.

Варна не имеет отношения к касте. Долой чудище — касту, пытающееся предстать в облике варны! Именно это искажённое понимание варны нанесло Индии и индуизму непоправимый ущерб. Наша неспособность следовать закону варны в значительной мере явилась причиной экономического и духовного падения. Ложное толкование варны породило бедность и безработицу, особую касту неприкасаемых, слабость и пороки нашей религии.

В ходе неустанных исследований и экспериментов риши установили деление общества на четыре разряда, доверив им соответственно учение, защиту, производство материальных благ и физический труд.

В древности существовали обязательные торговые гильдии, а все представители одной профессии или ремесла, следуя неписаному закону, поддерживали своих коллег. Сто лет тому назад сын плотника не стремился стать юристом. Сегодня он одержим такой мечтой, ибо профессия юриста — простейший путь к присвоению чужих денег.

В прошлом никто не жаждал посягнуть на чужую профессию и разбогатеть. Например, во времена Цицерона профессия юриста была неоплачиваемой почётной деятельностью. И потому любой неглупый плотник имел право стать юристом: не ради денег, а исключительно ради служения ближним. Впоследствии выбор профессии запятнали честолюбие и стремление к наживе. Врачи служили обществу, довольствуясь тем, что получали в награду за труды, но ныне они превратились в торговцев и стали едва ли не угрозой обществу. Профессии врача

и юриста справедливо именовались свободными, пока их избирали по сугубо филантропическим мотивам.

Если я унаследую профессию своего отца, мне даже не придётся изучать её в школе, и я смогу направить свою умственную энергию на духовные упражнения, ведь деньги или, скорее, кусок хлеба мне обеспечен. Варна — лучшая гарантия счастливой жизни, она позволяет всецело посвятить себя истинным религиозным поискам. Сосредоточивая энергию на достижении иных целей, я продаю свои способности к самосовершенствованию за бесценок, а душу — за миску чечевичной похлёбки.

У нас сложилось искажённое представление о Варне. Когда индуисты жили согласно требованиям варны, у них оставалось достаточно времени для духовных упражнений. Но даже сейчас, наведя отдалённые деревни, вы увидите, сколь высокой духовной культурой обладают крестьяне по сравнению с горожанами, которым неизвестно самоограничение и аскетизм.

Мы не можем, не должны искать новые пути обогащения. Нам следует довольствоваться теми, что унаследованы от предков, при условии, что они чисты. Если мой отец — торговец, а я обнаруживаю качества воина, то могу, не требуя вознаграждения, служить своей стране как солдат, но должен довольствоваться тем, что зарабатываю на хлеб торговлей.

Варнашрама, как я её понимаю, удовлетворяет все религиозные, социальные и экономические потребности общины. Она удовлетворяет все религиозные нужды, потому что у целой общины, следующей закону, остаётся достаточно времени, которое она может посвятить духовному совершенствованию. Соблюдение закона устраняет социальное зло и позволяет полностью избежать убийственной экономической конкуренции. А если этот закон понимается как закрепляющий не права и привилегии общины, над которой он властвует, а её обязанности, то он обеспечивает наиболее справедливое распределение земных благ, хотя это распределение и может быть неидеальным, то есть не абсолютно равным. Поэтому, если люди пренебрегают законом, принимают обязанности за привилегии и пытаются выбрать себе поприще сами, руководствуясь честолюбивыми и корыстными помыслами, варну начинают толковать превратно, и в обществе в конце концов воцаряется хаос. Этот закон никого не принуждает наследовать профессию отца, если сын или дочь не имеет к ней склонностей; иными словами, никого не подвергают давлению извне и не заставляют совершать тот или иной выбор, каковое состояние безмятежно и непрерывно длилось несколько тысяч лет, когда закон варнашрамы соблюдался неукоснительно. Людей воспитывали так, чтобы они осознавали свой долг и справедливость закона, и они добровольно следовали ему. Сегодня народы пребывают в невежестве, постоянно нарушают этот закон и оттого страдают. Так называемые цивилизованные нации отнюдь не достигли уровня развития, на котором ощутили бы умиротворение и покой.

Варнадхарма, как я её понимаю, не устанавливает никаких пределов для высочайшего духовного роста. Ограничения касаются лишь отказа от наследственной профессии или деятельности ради того, чтобы улучшить своё материальное положение, а значит, ввести систему нездоровой, вредной конкуренции, которая сегодня лишает жизнь всякой радости и красоты.

Варна определяется рождением, однако сохранить её можно, лишь соблюдая налагаемые ею обязательства. Человек, родившийся в семье брахманов, будет именоваться брахманом, однако если, достигнув совершеннолетия, он не обнаружит качеств, приличествующих этой варне, то утратит право так называться. Он будет исторгнут из среды брахманов. С другой стороны, человека, по происхождению не являющегося брахманом, но уподобляющегося брахману в мыслях, речах и поступках, станут считать брахманом, даже если сам он смиренно станет отрицать этот высокий титул.

Варна, истолковываемая подобным образом, предстаёт не созданием человеческого ума, а законом жизни, который управляет всем человечеством. Соблюдение этого закона сделает жизнь куда более сносной, установит мир и спокойствие, положит конец ссорам и конфликтам, искоренит голод и нищету, решит проблему перенаселённости и даже избавит человечество от болезней и страданий.

Но если варна открывает нам закон нашего бытия и таким образом демонстрирует долг, который мы обязаны исполнять, она не даёт нам никаких прав, а сама идея превосходства или низкого состояния совершенно чужда ей. Все варны равны, ибо община в равной мере зависима от всех варн. Сегодня варна означает высший или низший слой общества, то есть превратилась в пародию на своё исконное предназначение. Наши предки открыли закон варны, неуклонно предаваясь аскетизму и следуя самому суровому самоограничению. Они изо всех сил пытались жить так, как заповедует закон. Сегодня мы исказили этот бесценный закон, сделавшись посмешищем в глазах всего мира.

Хотя закон варны был открыт неким индуистским провидцем, он приложим ко всему миру. Любой религии присущи свои специфические характеристики, но если в основе её лежит принцип или закон, он должен распространяться на всё человечество без исключения. Так я вижу закон варны. Сегодня мир может игнорировать его, однако рано или поздно он признает его справедливость. Варна предписывает каждому исполнять закон своего бытия, совершая в духе долга и служения то, для чего он был рождён.

Беседа Ганди с американским священником

Ганди. Почему бы моему сыну не быть мусорщиком, если сам я мусорщик?

Американский священник. Вот как? Вы заходите столь далеко?

Ганди. Да, ведь я полагаю, что ремесло мусорщика ничем не уступает вашему.

Американский священник. Согласен, но неужели Линкольну надлежало оставаться лесорубом, а не баллотироваться на пост президента США?

Ганди. А почему бы лесорубу не стать президентом США? Гладстон же рубил дрова.

Американский священник. Но он же не видел в этом своего поприща.

Ганди. Он ничего не утратил бы, если бы выбрал ремесло лесоруба. Я хочу сказать, что тот, кто родился мусорщиком, должен зарабатывать на жизнь уборкой мусора, а уж в свободное время пусть делает что хочет. Ведь мусорщик зарабатывает на хлеб не менее достойным образом, чем юрист или ваш

президент. Такова, с моей точки зрения, природа индуизма. Это самый лучший коммунизм на свете. Варнадхарма даже напоминает закон всемирного тяготения. Я не отменю действия этого закона, пытаюсь день за днём прыгать всё выше и выше, стараясь избежать воздействия гравитации. Подобные усилия будут тщетными. Столь же напрасны усилия прыгнуть выше своего ближнего. Закон варны — опровержение убийственного соперничества.

Каста и класс

Человек — общественное животное и потому вынужден разработать какой-то метод социальной организации. В Индии этой цели служат касты, а в Европе — классы. Ни кастам, ни классам не свойственна сплочённость и естественность, отличающая семью, возможно созданную Богом. Если кастовая система породила немало зла, немало грехов и на совести классовой системы.

Если класс помогает сохранить некоторые общественные добродетели, то касте это под силу в меньшей, а может быть, и большей степени. Преимущество кастовой системы в том, что она не основана на имущественных различиях. Как показала история, деньги — наиболее разрушительная сила в мире. «Богатство способно запятнать даже святость семейных уз», — говорит Шанкарачарья. Каста — лишь крайнее воплощение принципа семьи. И кастой, и семьёй управляет кровное родство и наследственность. Западные учёные из всех сил пытаются доказать, что наследственность не играет никакой роли и что главное — это среда. Богатый опыт многих стран свидетельствует об обратном; но даже если принять доктрину среды, нетрудно убедиться, что сохранить и облагородить среду легче при кастовой системе, нежели при классовой.

Дух касты не имеет ничего общего с надменным превосходством; каста лишь иначе, чем на Западе, воспринимает человеческое «я» и строится на иной культуре. Каста не знает себе равных в деле установления стабильности и общественного прогресса. Подобно тому как дух семьи объединяет тех, кто любит друг друга и связан кровными и родственными узами, каста пытается объединить семьи, отличающиеся особой чистотой образа жизни (при этом касту не интересует уровень жизни того или иного семейства, то есть его материальное благосостояние). Впрочем, решать, к какому именно типу относится та или иная семья, каста не предоставляет отдельным людям с их пристрастиями и вкусами. Каста предпочитает верить в принцип наследственности, а будучи лишь культурным феноменом, убеждена, что не наносит никакого ущерба индивиду или семье, побуждая его или её оставаться внутри своей группы, хотя он или она стремится изменить свой образ жизни к лучшему. Как мы знаем, социальные изменения в жизни происходят медленно, и можно сказать, что каста уже допустила определённые реформы, отражающие изменения в образе жизни. Однако кастовая структура меняется медленно и неуловимо, словно облаков. Трудно представить себе более гармоничное общественное установление.

Каста не строится на идее превосходства одних над другими. Она лишь признает существование различных мировоззрений и соответствующего образа жизни. Впрочем, нельзя отрицать, что кастовая система предполагает определённую общественную иерархию.

Я неоднократно подчёркивал, что не поддерживаю кастовую систему в её современном облике. Это вопиющее безобразие и преграда общественному прогрессу. Заявлять о своём превосходстве над другими — значит поступать не по-божески и не по-человечески и совершать грех. Поэтому если каста предполагает деление на высших и низших, она есть зло.

В глазах религии все люди равны. Знания, интеллект или богатства никому не дают права превосходства над теми, кто лишён этих преимуществ.

32. НЕПРИКАСАЕМОСТЬ

Я рано осознал проблему неприкасаемости благодаря любви к людям. Моя мать сказала: «Не дотрагивайся до этого мальчика, он неприкасаемый». — «Почему мне нельзя до него дотрагиваться?» — тут же переспросил я, и с того дня начался мой бунт.

Неприкасаемость не предусмотрена нормами религии, её изобрёл Сатана. Дьявол всегда любит цитировать священное писание. Однако священные писания не выше здравого смысла и истины.

Веды учат чистоте, правдивости, невинности, целомудрию, смирению, простоте, всепрощению, праведности и всему, что делает мужчину и женщину благородными и смелыми. Но неужели есть какое-то благородство и смелость в том, чтобы обращаться с достойными, долготерпеливыми мусорщиками хуже, чем с презренными, унижаемыми собаками?

Я так и не смог примириться с существованием неприкасаемости. Я всегда считал её вопиющим безобразием. Не стану спорить, неприкасаемость известна в Индии с глубокой древности, впрочем, как и многие другие отвратительные явления. Мне становится стыдно при мысли, что некогда в индуизме бытовала ритуальная проституция. Однако приходится признать, что она практиковалась во многих районах Индии. Мне кажется, приносить коз в жертву Кали — истинное святотатство, не имеющее никакого отношения к индуизму. Индуизм формировался на протяжении тысячелетий. Само название «индуизм» было дано религии полуострова Индостан чужестранцами. Разумеется, в древности допускалось жертвоприношение животных во имя религии. Однако оно оскорбляет любую религию, тем более индуизм. Мне также думается, что, когда защита коров стала для наших предков частью религиозного культа, те, кто продолжал употреблять в пищу говядину, были исторгнуты из индуистской общины. Вероятно, противоречия между сторонниками и противниками мясоедения приняли крайние формы. Общество не только прекращало любые отношения с упорными мясоедами; считалось, что за их грехи должны отвечать даже их дети. Эти обычаи, возможно введенные с добрыми намерениями, стали соблюдаться неукоснительно, и даже в наших священных книгах появились стихи, закрепившие незаслуженные и тем более неоправданные муки целой

касты. Не знаю, справедлива ли моя теория, но неприкасаемость противоречит здравому смыслу и бросает вызов милосердию, состраданию и любви. Религия, в том числе почитающая коров, не должна терпеть или оправдывать жестокое и бесчеловечное обращение с людьми. И я предпочёл бы мученическую смерть, но не стал бы унижать угнетаемые классы. А поскольку индуизм мне дороже жизни, это пятно на его репутации я вынести не в силах.

Мы все мазаны одним миром, все мы дети одного Творца, и потому Божественные силы в нашей душе бесконечны. Оскорбить одного человека — значит оскорбить эти Божественные силы и нанести вред всему миру.

Я абсолютно убеждён, что, если индуистам удастся изгнать позорящую их неприкасаемость, это событие будет иметь неизбежные последствия не только для всех общин Индии, но и для мира в целом. Я с каждым днём укрепляюсь в этой вере. Я не могу отрицать неприкасаемость нескольких миллионов и одновременно считать, что такой участи достойны другие несколько миллионов. Если мы, индуисты, искренне отвергнем деление на высших и низших, то исцелимся от взаимной зависти и недоверия к другим сообществам и одновременно исцелим их. Именно ради этой цели я готов пожертвовать жизнью. Ведя непримиримую войну с неприкасаемостью, я борюсь за единение не только «высших» и «низших» каст Индии, но и за единение индуистов, мусульман, христиан и представителей всех прочих религий.

Следует искоренить неприкасаемость не только в среде индуистов, но и в отношениях между индуистами, христианами, мусульманами, парсами и приверженцами других религий. Я убеждён, что если бы нам удалось осуществить эту кардинальную мировоззренческую перемену, люди в Индии стали бы больше доверять друг другу и избавились бы от взаимных подозрений. Именно неприкасаемость в самых своих изощрённых формах возводит меж нами преграды и делает саму жизнь тяжкой и убогой.

Уничтожение неприкасаемости равносильно любви ко всему миру, служению всему миру и, таким образом, есть часть ахимсы. Уничтожение неприкасаемости означает разрушение преград не только между людьми, но и между различными классами живых существ; подобные преграды нетрудно обнаружить по всему миру.

33. ЗАЩИТА КОРОВ

Защита коров дорога сердцу истинного индуиста. Тот, кто равнодушен ко благу коров, не может считаться индуистом. Это благородное убеждение. Поклонение коровам означает для меня почитание невинности. Корова в моих глазах — воплощение невинности. Защищать коров означает защищать слабых и беспомощных. Как верно заметил профессор Васвани, защищая коров, человек заявляет, что животные — его братья. Это достойная позиция, и её должно всячески укреплять терпеливыми, кропотливыми усилиями и тапасьей.

Защита коров для меня — одно из наиболее удивительных явлений в человеческой эволюции. Она открывает человеку глаза на другие биологические виды. Корова для меня воплощает весь животный мир. Благодаря корове человек обязан осознать своё единство со всеми живыми существами. Мне вполне понятно, почему именно корова была избрана высшим воплощением этой тенденции. Корова была верной спутницей индийцев, подательницей изобилия. Она не только давала индийцам молоко, но и в принципе сделала возможным земледелие. Корова — это гимн состраданию. Во взоре этого незлобивого создания читается жалость. Корова — мать миллионов индийцев. Защита коров — это защита всех бессловесных тварей Божьих. Древний провидец, кто бы он ни был, прежде всего призывал к защите коров. Беречь тварей земных тем более важно, что они бессловесны и не могут постоять за себя сами. Защита коров — дар, который индуизм приносит миру. А индуизм будет существовать до тех пор, пока индуисты будут беречь коров.

Наши риши сделали удивительное открытие, в справедливости которого я всё более убеждаюсь с каждым днём: священные тексты и боговдохновенные книги откроют верующему истину лишь настолько, насколько он продвинулся стезёй ахимсы и праведности. Чем искреннее и полнее он воплощает идеал ахимсы и праведности, тем большего просветления достигнет. Те же самые риши объявили высшим долгом индуиста защиту коров, а его соблюдение — залогом мокши, то есть спасения. Не скрою, я не уверен, что можно обрести мокшу, всего лишь защищая коров. Ибо для достижения мокши необходимо всецело отринуть такие низменные чувства, как привязанность, ненависть, гнев, ревность и т. п. Следовательно, в терминах мокши защита коров должна трактоваться куда шире и глубже, чем это обыкновенно делают. Защита коров, способная даровать мокшу, по самой своей природе должна распространяться на всё живое. Поэтому, с моей точки зрения, любое, даже незначительное нарушение принципа ахимсы, будь то намеренная грубость и оскорбление словом мужчины, женщины или ребёнка, причинение боли даже ничтожнейшему земному созданию, одновременно будет и нарушением принципа защиты коров, будет равносильно греху вкушения говядины, и если и будет отличаться от него, то лишь степенью, но не по сути.

Индуист, защищающий коров, должен спасать и беречь всех земных созданий. Однако, учитывая обстоятельства, даже если он не в силах оградить от несчастий всех земных существ, не стоит насмехаться над тем, что Он защищает коров. Поэтому единственный вопрос, который имеет смысл задать, — надо ли защищать коров. А если милосердие к животным следует считать долгом каждого, кто верит в ахимсу, то человек, защищая коров, безусловно, поступает правильно. Это справедливо по отношению к индуисту и любому верующему, какую бы религию он ни исповедовал. Поэтому обязанность проявлять милосердие к животным следует считать бесспорной частью религиозного мировоззрения. Индуизм первым счёл своим долгом защиту коров, и это говорит в его пользу. А тот, кто ограничивается лишь защитой коров и не подаёт руку помощи другим животным, — плохой индуист. Корова — всего

лишь символ человеческого милосердия, а защита коров — наименьшее, что ждут от верующего.

В основе защиты коров лежат не только эгоистические мотивы, хотя присутствуют и они тоже. Если бы защита коров строилась исключительно на своекорыстии, их убивали бы, когда они перестанут давать молоко и станут ненужными, как это происходит в других странах. Индуист никогда не убьёт корову, даже если её содержание делается тяжким бременем. Бесчисленные гошалы, устроенные милосердными индуистами для содержания старых, отслуживших своё коров, — весьма красноречивое доказательство усилий, предпринимающихся в этом направлении. Хотя сегодня гошалы очень бедны и потому не могут приютить всех ненужных коров, это не умаляет благородного поступка их основателей.

Поэтому мне кажется, что защита коров вдохновлена весьма возвышенной философией. Она ставит бессловесную тварь Божью на одну ступень с человеком и объявляет её жизнь не менее значимой, чем человеческая.

35. ЧТО Я ЦЕНЮ В ИНДУИЗМЕ

Если Запад сделал множество удивительных открытий, касающихся законов существования видимого мира, то индуизм совершил не меньше открытий в сфере религии, духа и души. Однако мы склонны не замечать эти великие и прекрасные открытия. Мы ослеплены материальным прогрессом, которого добилась западная наука. Я не сторонник подобного прогресса. Напротив, мне представляется, что Господь в Своей мудрости удержал Индию от подобного пути, дабы она выполнила своё особое предназначение и воспротивилась натиску материализма. В конце концов, индуизм каким-то образом дожил до наших дней. Он стал свидетелем падения вавилонской, сирийской, персидской и египетской цивилизаций. Оглянитесь вокруг. Что случилось с Римом и Грецией? Вы видите где-нибудь Италию Гиббона, а точнее, Рим, ибо Рим и был тогда Италией? Поезжайте в Грецию. Где знаменитая аттическая цивилизация? А потом отправляйтесь в Индию, прочитайте наши древнейшие предания и легенды, посмотрите вокруг, и вы совершенно точно скажете себе: «Да, Индия прошлого по-прежнему жива». Разумеется, и у нас можно увидеть кучи мусора, однако под ними таятся сокровища. А выжила Индия потому, что ставила себе целью не материальный прогресс, а духовное развитие.

Среди множества идей, которыми Индия обогатила мировую культуру, особенно выделяется представление о равенстве человека и бессловесной твари. Поклонение корове — великое новшество, и его следует распространить на защиту всех Божьих созданий. Весьма ценным мне представляется также нежелание индуизма агрессивно вовлекать новых адептов в свои ряды. Ему не нужна проповедь. Он просто говорит: «Живи этой жизнью». Моё дело — жить этой жизнью, твоё дело — жить этой жизнью, и тогда через нас индуизм оставит след в веках. А вспомните, какой вклад в формирование индуизма внесли Рамануджа^[29], Чайтанья^[30], Рамакришна^[31], не говоря уж о более современных мистиках и вероучителях. Индуизм отнюдь не исчерпал свои возможности и не превратился в мёртвую религию.

Не следует забывать и о четырёх ашрамах, уникальном явлении в индуизме. Подобного не знает мир. У католиков существуют монашеские ордены, члены которых дают обет целомудрия, напоминающий клятвы брахмачари, но это установление не распространяется на всё общество. Напротив, в Индии каждый юноша должен пройти первую ашраму, первую ступень духовного развития. Это великий обычай! Сегодня наши очи запятнаны, наши помыслы — тем более, а наши тела и вовсе исполнены мерзости, и всё потому, что мы отвергли индуизм.

Есть и ещё кое-что, о чем я пока не упоминал. Сорок лет тому назад Макс Мюллер сказал: «Наконец-то Европа стала осознавать, что переселение душ — это не вымысел, а факт». И открытием переселения душ мировая культура обязана исключительно индуизму.

Сегодня варнашрама-дхарма и индуизм в целом неверно толкуются и даже отрицаются своими адептами. Однако их должно не отвергнуть, а реформировать. Проникнемся же духом истинного индуизма и спросим себя, оживит ли он наши души.

Главная ценность индуизма для меня заключается в убеждении, что *всё* живое (не только люди, но и все способные чувствовать создания) есть одно целое, то есть происходит из одного вселенского источника.

Понимание единства всего живого — отличительная черта индуизма, обещающего спасение не одним лишь людям, но утверждающего, что спасение возможно не для всех Божьих созданий. Возможно, спастись действительно смогут не все, разве что благодаря человеку, но это не делает человека венцом творения, лишь превращает его в слугу созданий Божьих. Ныне, говоря о всеобщем братстве, мы понимаем под ним единение людей и исключаем всех тварей, думая, что человек вправе эксплуатировать их и распоряжаться их жизнью как угодно. Но индуизм против всякой эксплуатации. Нет пределов той жертве, которую верующий может совершить, чтобы ощутить своё единство со всем живым, но, разумеется, величие идеала ставит пределы его потребностям. Поэтому индуизм проповедует позицию, противоположную мнению современной цивилизации, которое гласит: «Увеличивайте количество потребностей». Те, кто придерживается подобных взглядов, полагают, что рост потребностей означает рост знаний, а значит, более глубокое постижение Бесконечности. Напротив, индуизм отвергает потворство собственным страстям и увеличение потребностей, поскольку они препятствуют духовному совершенствованию и не дают слиться с Вселенским «Я».

Индуизм в своём чистейшем варианте проповедует равенство брахмана, муравья, слона и собакоеда-швапача. А поскольку наша философия столь возвышенна и мы не сумели жить согласно её нормам, ныне она вызывает у нас неприятие. Индуизм настаивает, что человек должен ощущать себя братом не только всех людей, но и любых живых существ. Таким образом, индуизм задаёт высочайшие нравственные стандарты, но мы обязаны их воплотить. В тот миг, когда мы возродим всечеловеческое равенство, мы сумеем установить и равенство человека и всех бессловесных тварей. Вот тогда-то и воцарится на земле мир и в человецех благоволение^[32].

Санатана-дхарма

Я называю себя санатани, потому что верю в учение Вед, Упанишад, Пуран и всего, что принято понимать под индуистскими священными текстами, а потому верю в аватары и перерождение. Я также:

- 1) верю в варнашрама-дхарму в строго ведическом смысле, а не в нынешнем, опошленном и грубом её варианте;
- 2) верю в защиту коров в куда более широком смысле, чем это принято;
- 3) не отвергаю почитания образов.

Читатель заметит, что я воздержался от употребления слов «Божественное происхождение», говоря о Ведах и подобных им священных писаниях, ибо я не верю в исключительную божественность Вед. Полагаю, что Библия, Коран и Зенд-Авеста — столь же боговдохновенные священные писания, сколь и Веда. Моя вера в священные писания индуизма не заставляет меня воспринимать любое слово, любой их стих как боговдохновенный. Кроме того, не буду скрывать, не со всеми священными книгами индуизма я знаком непосредственно. Я могу притязать лишь на знание истин, составляющих самую суть священных писаний, и на глубокое их почитание. Я отвергаю любую интерпретацию священных текстов, сколь бы учёной она ни была, если она противоречит разуму и нравственному чувству.

Я безоговорочно верю в индуистский афоризм, утверждающий, что шастры не знает ни один из тех, кто не достиг совершенства в невинности (ахимсе), правдивости (сатье) и самоограничении (брахмачарии), а также не отверг всякое приобретение и не раздал свои богатства. Институт гуру очень полезен, однако в наш век миллионы вынуждены обходиться без наставника, так как очень трудно найти гуру, который сочетал бы в себе совершенную праведность с совершенным знанием. Впрочем, не стоит отчаиваться и думать, будто нельзя познать истину своей религии без наставника, потому что основы индуизма, как и любой великой веры, неизменны и легко постижимы. Каждый индуист верит в Бога и Его единственность, в перерождение и спасение.

Чувство, которое я испытываю к индуизму, сродни моей любви к жене, и его столь же трудно облечь в слова. Моя жена трогает моё сердце, как никакая иная женщина. При этом я вполне сознаю её недостатки. Возможно, их у неё даже больше, чем мне видится. Однако меня связывает с ней ощущение нерасторжимых уз. Точно такое же чувство я испытываю к индуизму со всеми его ошибками, грехами и недостатками. Ничто не переполняет мою душу таким восторгом, как музыка «Бхагаватгиты» или «Рамаяны» Тулсидаса, единственных священных книг индуизма, которые я в какой-то степени знаю. Когда мне казалось, что я умираю, «Бхагаватгита» утешала меня. Мне известно, что ныне все великие индуистские святые сделались прибежищем порока, но, несмотря на их все слабости, я продолжаю любить их. Они влекут меня, как ничто иное. Я убеждённый реформатор, однако моё религиозное усердие никогда не заставит меня отвергнуть ни одну сущностную черту индуизма.

Индуизм как религия не тяготеет к закрытости и придирчивому выбору адептов. В нем есть место почитанию всех мировых пророков. Это и не миссионерская религия в обычном смысле слова. Без сомнения, она приняла под

свое крыло множество племён, однако само их обращение в индуизм носило эволюционный характер и происходило исподволь, незаметно. Индуизм учит каждого поклоняться Господу, как требует его собственная вера, или *дхарма*, и потому живёт в мире со всеми религиями.

Индуизм растёт и ширится

Подобно Гангу, индуизм чист и не замутнён в своих истоках, однако в своём течении постепенно утрачивает чистоту. Подобно Гангу, он оказывает благотворное воздействие на мир. В разных местностях и у разных народов он принимает различную форму, но сущность его остаётся неизменной. Обычай — это не религия. Обычаи могут меняться, но религия пребудет вечной.

Чистота индуизма зависит от аскетизма и самоконтроля его адептов. Каждый раз, когда их религия подвергалась опасности, индуисты приносили самое суровое покаяние, исследовали причины угрозы и предпринимали все усилия, чтобы побороть их. Шастры постоянно росли. Веды, Упанишады, Смрити, Пураны, Итихасы появились в разное время. Все эти книги были порождены необходимостью того или иного конкретного временного периода, и потому, на первый взгляд, противоречат друг другу. Эти книги не провозглашают заново вечные истины, а показывают, как эти истины понимали и как следовали им в те времена, когда создавались те или иные священные писания. Обычаи, вполне приемлемые в ту или иную далёкую эпоху, если слепо подражать им сейчас, увлекут нас в «трясину отчаяния»^[33]. Неужели потому, что некогда дозволялось приносить в жертву животных, мы должны возродить эту традицию? Неужели если прежде мы вкушали говядину, нам следует и сейчас употреблять её в пищу? Неужели если в древности ворам отрубали кисти рук и ступни, нам должно вернуться к этому варварству? А не возродить ли нам многомужество? Не заключать ли браки между детьми? Если в незапамятные времена мы отвергли какую-то часть человечества, неужели её потомки до сих пор должны носить позорное клеймо париев?

Индуизм не терпит косности. Знания безграничны, как и истина, которой мы должны следовать. Каждый день растёт и приумножается наше знание о власти Атмана и будет расти и приумножаться вечно. Новый опыт научит нас новым обязанностям, но истина останется неизменной. Кому под силу всецело познать её?

В свете благоговейного изучения других религий и, более того, в свете собственного опыта жизни согласно заветам индуизма, как они изложены в «Бхагаватгите», я попытался дать расширительное, но отнюдь не искусственное толкование индуизма. При этом я старался не только опираться на его многочисленные священные тексты, но и увидеть в нем живую веру матери, успокаивающей страждущее дитя. Мои усилия вполне соответствуют историческому развитию индуизма. Я следовал стезёй наших предков. Некогда они приносили в жертву животных, чтобы умиловить разгневанных богов. Их потомки, наши не столь отдалённые предки, иначе истолковали требование «совершить жертву» и стали учить, что в жертву надобно принести свои

низменные страсти, и не во имя разгневанных богов, а во имя Бога, живущего у нас в душе.

Не стоит называть меня аскетом. Идеалы, которым я подчинил свою жизнь, в принципе близки всему человечеству. Я принял их в процессе постепенной духовной эволюции. Каждый свой шаг на этом пути я тщательно обдумывал, взвешивал и предпринимал с величайшей осторожностью. И моя воздержанность, и моё ненасилие стали следствием моего личного опыта, а потом и частью моей сознательной гражданской позиции. В Южной Африке я вёл весьма замкнутую жизнь отца семейства, юриста, поборника социальных реформ и политика, и исполнение этих обязанностей требовало строжайшего упорядочения сексуальной жизни, неуклонного соблюдения правил ненасилия и следования истине в отношениях как с соотечественниками, так и с европейцами. Я заявляю, что я средний человек, наделённый средними способностями. Если я и усовершенствовался хоть сколько-то на пути ненасилия и воздержанности, то лишь благодаря неуклонным усилиям. У меня нет ни тени сомнения, что любой мужчина, любая женщина могут достичь того же, предприняв такие же усилия и воодушевляясь такой же верой и надеждой.

Весь мой опыт убеждает меня в том, что нет иного Бога, кроме истины. И если каждое слово, написанное мною на этих страницах, не уверяет читателя в том, что единственное средство обретения истины — это ахимса, значит мои усилия были напрасны. А если мои попытки вразумить читателя оказались тщетными, то виновен в этом не великий принцип, а лишь я, негодное средство его воплощения. В конце концов, сколь бы искренне я ни старался достичь ахимсы, мои усилия были несовершенны и недостаточны. Чуть заметные проблески истины, время от времени на миг являвшиеся моему взору, едва ли могут дать представление о её истинном сиянии, в миллион раз более ярком, нежели свет солнца, который мы видим ежедневно. На самом деле мы в состоянии уловить лишь слабое мерцание этого лучезарного блеска. Однако могу сказать с уверенностью по собственному опыту, что узреть совершенную истину можно, лишь всецело предавшись ахимсе.

Чтобы проникнуться вселенским, всепроникающим духом истины, необходимо полюбить ничтожнейшее из земных созданий не менее самого себя. А человек, взыскующий истины, не может ограничиться определёнными сферами жизни. Вот почему моя преданность истине побудила меня заняться политикой; могу сказать без колебаний, что тот, кто отделяет религию от политики, не представляет себе, что на самом деле есть религия.

Невозможно отождествлять себя со всеми живыми тварями, не прибегнув к самоочищению. Без самоочищения соблюдение закона ахимсы окажется пустой мечтой. Бога не постигнет тому, кто не чист сердцем. Поэтому самоочищение должно распространяться на весь образ жизни. А поскольку оно легко передаётся от одного человека к другому, то стоит одному ступить на поприще самоочищения, как и окружающие перенимают этот идеал.

Однако путь самоочищения труден, а идти придётся в гору. Чтобы достичь совершенной чистоты, придётся избавиться от страстей в мыслях, речах и деяниях, а также возвыситься над противоположными чувствами любви и ненависти, привязанности и отвращения. Я знаю, что ещё не достиг совершенной

чистоты в мыслях, речах и деяниях, хотя и неустанно пытался. Вот почему похвала не трогает меня, а нередко даже печалит до глубины души. Мне кажется, победить утончённые, коварные страсти куда труднее, чем целый мир — силой оружия. С тех пор как вернулся в Индию, я ощущаю, как в душе моей тщатся пробудиться спящие страсти. Осознавая их коварство, я чувствую себя униженным, но непобеждённым. Мой духовный опыт, мои эксперименты неизменно поддерживали меня и приносили мне радость. Впрочем, я знаю, что мне ещё предстоит долгий и трудный путь. Я должен умалиться, сделавшись меньше песчинки. До тех пор, пока человек добровольно не сочтёт себя ничтожнее всех своих ближних, ему не обрести спасения. Ахимсы не достичь без абсолютного смирения.

35. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившиеся у меня взгляды и выводы, к которым я пришёл, отнюдь нельзя рассматривать как окончательные. Я могу изменить их завтра; я не могу научить мир ничему новому. Истина и ненасилие — такие же древние, как эти холмы. Я лишь широко, как только мог, экспериментировал с применением обоих этих принципов. При этом я совершал ошибки и извлекал из них полезный опыт. Тем самым экспериментами в области ненасилия и обретения истины стали для меня сама жизнь и её трудности.

Моя вера в истину и ненасилие растёт с каждым днём, и я, неизменно стараясь в своей жизни следовать их закону, совершенствуюсь каждое мгновение. Я нахожу в них всё новые и новые смыслы. Каждый день они предстают мне в каком-то новом свете, с какими-то новыми, прежде не замеченными особенностями.

Когда я пишу ту или иную записку или статью, я не вспоминаю о том, что говорил прежде. Я стараюсь не быть до конца последовательным в конкретном вопросе, но лишь писать, полностью соглашаясь с истиной, как она представляется мне в данный момент. В результате я морально совершенствовался, переходя от одной истины к другой, я избавил память от лишнего напряжения, и, самое главное, сравнивая свои высказывания полувековой давности с недавними, я не вижу никакой непоследовательности. Если мои друзья заметят какую-то непоследовательность и несообразность в моих печатных работах, я посоветовал бы им ориентироваться на более поздние, разумеется, если они принципиально не предпочитают давние. Но, делая выбор, они должны убедиться, что мои прежние и нынешние писания не составляют единого целого, в основе которого — одна и та же нерушимая истина.

Позвольте мне сказать, без всякой гордыни и со всей возможной скромностью, что и мои идеи, и мои методы, в сущности, создавались на благо всего мира.

В силу мысли я верю больше, чем в силу слова, не важно, письменного или

устного. И если движение, которое я пытаюсь представлять, жизнеспособно и удостоилось Божественного благословения, то распространится по всему миру, даже там, где я никогда не бывал и не побываю.

Я не притязаю ни на какую особую божественность. Я не вправе считать себя пророком. Я всего лишь смиренно ищу истину и намерен обрести её во что бы то ни стало. Ни одна жертва не представляется мне непомерно великой ради того, чтобы воочию узреть Господа.

Весьма настойчивый корреспондент из Шимлы спрашивал меня, не собираюсь ли я основать секту или заявить о своей божественности. Я ответил ему в частном письме. Однако он потребовал, чтобы я сделал публичное заявление на благо потомков. Я полагал, что уже неоднократно недвусмысленно отвергал всякие притязания на божественность. Я вправе считать себя лишь смиренным слугой Индии и всего мира и хотел бы умереть, исполняя эти обязанности. Я не намерен основать секту. На самом деле я слишком честолюбив, чтобы ограничиться адептами-сектантами, ведь я не несу никаких новых истин. Я лишь пытаюсь следовать истине, как я её знаю, и жить в соответствии с нею. Возможно, мне удалось представить некоторые древние истины в новом свете. Надеюсь, что это заявление удовлетворит моего корреспондента и ему подобных.

Глоссарий

Аватар — воплощение, инкарнация.

Агуари — зороастрийский храм, святилище парсов— огнепоклонников.

Адвайта — религиозная философия индуизма, признание Атмана, или истинного «я», высшей реальностью, или Брахманом.

Ахимса — воздержание от нанесения живым существам какого-либо вреда. Учение ахимсы существовало ещё в Древней Индии, а затем было развито в буддизме и особенно в джайнизме.

Ашрам — в Древней Индии обитель мудрецов и отшельников, расположенная в отдалённой местности; в современном употреблении — духовная община, куда человек приходит для молитвы, медитации и проч. Так Ганди называл общины единомышленников, основанные им в Южной Африке и, позднее, в Индии.

Ашрама — одна из четырёх стадий духовного пути (ученик, отец семейства, отшельник в лесу, странствующий вероучитель), как их предписывает индуизм.

Аюрведа — традиционная система индийской медицины.

Бати — индийские лепёшки.

Брахмачария — целомудренное поведение; в узком смысле — половое воздержание, в широком — самодисциплина, контроль над желаниями.

«Бхагаватгита» (букв.: «Песнь божества») — памятник древнеиндийской литературы на санскрите, часть «Махабхараты»; классическое ведическое

произведение, лежащее в основе религиозной практики вайшнавизма (кришнаизма).

Бхаджан — религиозное песнопение в индуизме; часть богослужебного ритуала.

Бханги — мусорщик, неприкасаемый.

Варнадхарма — учение, согласно которому все исповедующие индуизм делятся на четыре большие группы каст, или варны: брахманов (жрецов, священнослужителей), кшатриев (военачальников и воинов), вайшьев (торговцев и ремесленников) и шудр (неприкасаемых). Варнадхармой называется также религиозный кастовый долг.

Варнашрама — четыре социальные группы, а также четыре стадии в духовном пути человека (см. ашрама).

Веды — сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите, возникший, как полагают, в конце III — начале II тысячелетия до н. э.

Вишнуиты (вайшнавизм) — последователи вайшнавизма — одной из четырёх основных деноминаций индуизма. Вишнуиты почитают бога солнца и хранителя всего живого Вишну как личностного Бога.

«Гаятри-мантра» — ведийская мантра (молитва) на ведийском санскрите, славословие Создателю, богу солнца.

«Гита» — см. «Бхагаватгита».

Гошала — молочная ферма.

Гуджарати — язык гуджаратцев, распространён в Гуджарате, Бомбее, на полуостровах Катхиавар и Кач.

Гхи — топлёное коровье масло с приятным вкусом и запахом, золотистого цвета, немного похожее на мёд.

Дал — сорт гороха, а также густой суп из гороха, овощей и разнообразных специй.

Джайнизм — одна из наиболее известных религий Индии, возникшая там приблизительно в VI в. до н. э. Проповедует ненанесение вреда всем живым существам в этом мире (ахимса).

Джайны — последователи джайнизма.

Дхарма — религиозный опыт в индуизме.

Дхармаюддха — национально-освободительная война в форме религиозного подвижничества.

Ежава — низкая каста.

Зенд-Авеста — священное писание парсов, или зороастрийцев.

Итихасы — древнеиндийские эпические поэмы; к числу их относятся «Рамаяна» и «Махабхарата».

Йервада — центральная тюрьма в г. Пуне, в которой в 1922-1924 гг. находился в заключении М. Ганди.

Кали — в индийской мифологии богиня-мстительница. Изображается четверорукой, держащей череп или нож. Обряды поклонения Кали сопровождаются жертвоприношениями.

Калима — религиозная декларация ислама, мусульманский Символ веры.

Карма-йога — один из четырёх видов йоги, основанный на «Бхагаватгите», предписывающий деятельную любовь к Богу и служение ближнему без ожидания воздаяния.

Китчлу Сайфуддин (1885-1963) — общественный деятель Индии; адвокат, доктор.

Куне Луи — автор метода лечения, заключавшегося в ваннах для туловища, особых ваннах на скамейке или сидячих ваннах с растиранием. При лечении по методу Куне соблюдается строгая растительная диета.

Кхади — домотканая хлопчатобумажная материя. В поощрении ношения одежды из кхади, ручного ткачества и прядения Ганди видел экономическое подспорье для индийских ремесленников и возможность бойкота английских товаров.

Майя (букв.: «иллюзия, видимость, обман») — понятие из индийской идеалистической философии веданты, согласно которой реальный, эмпирический мир — лишь иллюзорное проявление абсолютного духа, бога Брахмы.

Мандир — индуистский храм.

Мантра — ведический гимн, священная молитва.

«Махабхарата» (ок. XI в. до н. э.) — комплекс эпических повествований, новелл, басен, притч, легенд на санскрите; одно из древнейших произведений мировой литературы.

Мокша — понятие индийской идеалистической философии, означающее освобождение души от земного эмпирического бытия и слияние её с абсолютным духом, Богом.

Пария — наименование отверженного, неприкасаемого у южноиндийской народности тамилы.

Парсы — группа населения Гуджарата и города Бомбея. Выселились в раннем Средневековье из Ирана. Исповедуют религию зороастризма. Занимаются главным образом торгово-ростовщической деятельностью.

Прадоша — вечерний пост.

Пураны — произведения древнеиндийской литературы на санскрите (ок. III—XI вв.); канонические тексты индуизма; включают в себя космогонию, генеалогию богов и героев, историю Вселенной, основы религиозной философии.

Пури — лепёшка из пшеничной муки грубого помола.

Рама — герой эпической поэмы «Рамаяна» — почитается индусами как воплощение бога Вишну.

Рамарадж — Царствие Божие, Царство Рамы; идеальное в политическом и социальном отношении государство.

«Рамаракша» — произведение средневековой индийской литературы на санскрите, воспевающее подвиги Рамы.

Рамачандра — Господь Рама; одно из наименований Рамы как воплощения Вишну.

«Рамаяна» — героическая поэма классика индийской литературы Тулсидаса (XVI в.), созданная по мотивам древнеиндийского эпоса. В «Рамаяне» описываются подвиги мифического героя Рамы и жизнь его супруги Ситы.

Риши — провидец, пророк в индуизме.

Санатана — древний, ортодоксальный, традиционный, в противоположность реформаторскому.

Санатани — приверженец древней веры.

Сатьяграх — участник движения сатьяграхи.

Сатьяграха — философия ненасилия и метод политической борьбы Ганди. Сам он объяснял термин «сатьяграха» как «истину, воплощённую в любви», «упорство в истине, основанное на ненасилии».

«Сатьяграха ашрам» — община, основанная М. Ганди и его последователями в местечке Кочраб, близ Ахмадабада. Среди членов общины — значительная часть сподвижников Ганди по его деятельности в Южной Африке.

Свадеш — движение за развитие национальной промышленности и бойкот иностранных товаров.

Свами (букв.: «хозяин», «господин») — форма почтительного обращения у индусов.

Сварадж (букв.: «своё правление») — программный политический лозунг национально-освободительного движения в Индии, призывал к борьбе против английского господства и самоуправлению.

Свараджисты — основанная в начале 20-х гг. XX в. Ч. Р. Дасом в составе Национального конгресса правая националистическая партия, стоявшая за прекращение всех форм гражданского неповиновения.

«Смрити» — категория священных писаний индусов, дополняющих изначальные ведические писания.

Сурдас — средневековый поэт из Агры, писавший на хинди.

Тамилы — дравидская народность Южной Индии; большие группы тамилы живут на Цейлоне, острове Маврикий, в Малайе и Южной Африке.

Тапас — самовоздержание, аскетизм.

Тола — мера веса, стандартный тола равен весу серебряной рупии — 11,664 г.

«Упанишад» (букв.: «сокровенное знание») — многочисленные комментарии к ведическим текстам, основа всех ортодоксальных религиозно-философских систем Индии. Из свыше двухсот «Упанишад» около десяти главных. Время создания — VII—III вв. до н. э. Основная идея — «познай самого себя — и ты познаешь Бога».

Хаким — мусульманский врач, лечащий по правилам традиционной арабской медицины.

Хариджан (*гуджарати* «дети Божьи») — наименование, данное Ганди представителям касты неприкасаемых, за права которых он боролся. Также название основанной Ганди еженедельной газеты.

Химса — насилие.

Худа — обозначение божества в персидском языке.

Шастры — древние индийские священные книги, излагавшие различные обязанности индусов. Позднее шастрами стали называть книги по самым разным научным дисциплинам.

Шива — один из богов верховной триады, наряду с творцом Брахмой и поддержателем Вишной. Олицетворяет разрушительное начало Вселенной и трансформацию (созидательное разрушение).

Шудра — четвёртая, низшая из индийских каст, в которую входят занимающиеся физическим трудом.

Примечания

1

Второе послание к коринфянам святого апостола Павла (3:6).

2

Плимутские братья (*англ.* Plymouth Brethren, Plymouth Brothers) — консервативное, фундаменталистское религиозное течение в рамках протестантизма. Возникло в 20-е гг. XIX в., распространено преимущественно в Англии и Ирландии.

3

Олкотт Генри Стил (*англ.* Henry Steel Olcott, 1832-1907) — американский офицер, журналист, юрист. Исследователь буддизма. Со-основатель и первый президент Теософского общества.

4

Парламент религий, правильно — Парламент мировых религий (*англ.* Parliament of the World's Religions) — конгресс представителей различных религий, ставивший своей целью диалог и сотрудничество, борьбу с фанатизмом и нетерпимостью. Впервые был проведён в Чикаго в 1893 г. В настоящее время возобновлён.

5

Оксфордская группа (*англ.* Oxford Group) — течение в Англиканской церкви, провозгласившее моральное совершенствование, бесстрашие и альтруизм. Апеллировало к конкретному человеку. Основано в 1921 г. американским священником Фрэнком Бухменом.

6

Боше Джагдиш Чандра, сэр (1858-1937) — известный бенгальский учёный-энциклопедист, физик, биолог, ботаник, археолог, автор ряда научных открытий и изобретений.

7

Ньюмен Джон Генри (*англ.* John Henry Newman, 1801 — 1890) — английский католический церковный деятель, кардинал, известный религиозный писатель.

8

Послание к римлянам святого апостола Павла (8: 27).

9

Калима (от *араб.* «слово») — религиозная декларация ислама, подобие мусульманского символа веры. Ганди, очевидно, имеет в виду главную калиму «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомед — пророк Его».

10

«Тихим, едва слышным голосом» (*англ.* «the still small Voice»), согласно Библии

короля Якова, Господь обращался к пророку Илии. В русском синодальном переводе Ветхого Завета ему соответствует «веяние тихого ветра» (Третья книга Царств, 19: 12).

11

Книга пророка Исаяи (9: 6).

12

Цитата из христианского церковного гимна на слова английской поэтессы Фрэнсис Ридли Хейвергол (*англ.* Frances Ridley Havergal, 1836-1879).

13

Рахим (от *араб.* «Милосердный») — одно из имён Бога в исламе.

14

Евангелие от Иоанна (14: 16).

15

Бхакта (бхакт) (от *санскр.* «преданный») — поклоняющийся Вишну, Кришне или Раме.

16

«Гаятри-мантра» — ведийская мантра (молитва) на ведийском санскрите, славословие Создателю. Названа по наименованию стихотворного размера, которым написана.

17

Книга пророка Иеремии (18: 6).

18

Евангелие от Луки (12: 31).

19

Строки христианского гимна «Пребудь со мною» («Abide with me») на слова англиканского священника Генри Фрэнсиса Лайта (*англ.* Henry Francis Lyte, 1793-1847).

20

Цитата из христианского гимна «Возможно ли, чтоб я обрёл» («And can it be That I should gain») на слова священника— методиста и религиозного поэта Чарльза Уэсли (*англ.* Charles Wesley, 1707-1788).

21

Строки поэмы «Локсли-Холл» (*англ.* «Locksley Hall», 1842) викторианского поэта Альфреда, лорда Теннисона (*англ.* Alfred Lord Tennyson, 1809-1893).

22

Рамдас (XVII в.) — индуистский святой и поэт.

23

Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет».

24

Евангелие от Луки (17: 33).

25

Тулсидас (ок. 1532-1624) — индийский поэт и философ.

26

Агиари — святилище огня, место поклонения исповедующих религию зороастризма.

27

Евангелие от Матфея (23: 27).

28

Речь идёт о книге американского историка Кэтрин Мейо (**англ.** Katherine Mayo, 1867-1940) «Мать-Индия» (**англ.** «Mother India», 1927), содержащей нелестные замечания о нравственности и образе жизни индийцев и признанной расистской.

29

Рамануджа (XII в.) — индийский религиозный философ, реформатор индуизма.

30

Чайтанья Махарапрабху (1486-1533/34) — индуистский монах, один из создателей учения кришнаизма, основоположник бхакти-йоги (йоги любви к Господу).

31

Рамакришна (1836-1886) — индийский религиозный философ мистического направления, проповедник, реформатор индуизма.

32

Евангелие от Луки (2: 14).

33

В «трясине отчаяния» (**англ.** «the slough of despond»), аллегорически представляющей грехи и пороки человечества, чуть было не погиб герой повести английского религиозного писателя Джона Беньяна (**англ.** John Bunyan, 1628-1688) «Путь паломника» (**англ.** «The Pilgrim's Progress», 1678).